

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

9-10 (470)

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Михаил Дынкин. Бабочки. *Стихи*.....3
Николай Фоменко. Мясо на борщ. *Рассказ*.....10
Олег Асиновский. Любовь. *Стихи*.....14
Илья Данишевский. Гомотопическая эквивалентность алабая и апатии. *Рассказ*.....27
Мария Левина. «И мы летим» *и др. стихи*.....41
Сергей Дигол. Зеркало Вероники. *Короткий детектив с молдавским акцентом*.....46
Алексей Александров. Весна 2017. *Стихи*.....56
Денис Липатов. Алжир. *Рассказ*.....64
Катя Капович. Одинокая остановка. *Рассказ*.....68
Елена Михайлик. В городе Р. *Стихи*.....78
Вадим Месяц. Пограничное состояние сознания. *Рассказ*.....82
Михаил Бару. «осенний дождь...» *и др. стихи*.....85
Константин Куприянов. Толя Швеин и Святой. *Повесть*.....87
Андрей Тавров. Из Византии. *Сонеты к Ксении Кентавра Асбола*.....142

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Петр Александров. Стихи из записной книжки 1947–1956 годов.
Публикация, предисловие Георгия Квантришвили.....147

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Данила Давыдов. Мир без смысла
Павел Лукьянов. Turistia.....159

Денис Липатов. Осиротевший шпион
Александр Беляков. Шпион шумерский.....160

Борис Кутенков. На двух полюсах восприятия
Вл. Новиков. Литературные медиаперсоны XX века. Личность писателя в литературном процессе и медийном пространстве.....164

Сергей Шиндин. Небесные классики
Роман Тименчик. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев.....168

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

«Русская поэтическая речь – 2016» как русская поэтическая жизнь.....175

КАБИНЕТ

Денис Боровиков, Сергей Тареев. Путь псаломщика.....185

АРХИВ

Алексей Голицын. Виктор Бабушкин: счастливая судьба контрреволюционера.....193

© «Волга», 2017

Михаил ДЫНКИН

БАБОЧКИ

***

Говорит малькам рыба корюшка:
«У приматов Бог вроде кореша,
а у нас – карась с рылом окуня,
километр в длину или около.
Плавники красны, хвост сияющий.
Бог сквозь наши сны проплывающий.
Имманентен он, трансцендентен ли –
не друзья мы с ним, а свидетели,
но чего, чему – вот где ёрш зарыт.
Эй, в шестом ряду, кто там ёрзает?»

Мир стоит себе на семи волнах,
а над ним плывёт золотистый сом,
белый жемчуг дней у него в усах,
он плывёт, плывёт и впадает в сон.
И становится на Земле темно.
И приматы жгут в темноте костры.
И приходит Бог пожалеть их, но
в тине глаз его только сны.

***

– стрекоза, я бабочка, как слышишь?

– никакая я не стрекоза!
я лечу фанерой над Парижем
у меня зелёные глаза
подо мною что-то вроде крыши
а на крыше что-то вроде за...
закорючки... может быть, труба, но
толком разобраться не могу
лишь хватаю чёрными губами
воздуха гнилую курагу

Михаил Дынкин родился в 1966 году. Картограф. Автор двух поэтических книг. Публиковался в «Знамени», «Арионе», «Зарубежных записках», «Крещатике», «Волге» и других журналах. Живёт в Израиле.

подгибаю лапки, погибаю
превратясь в искрящую дугу

– стрекоза, ты там поосторожней

– бабочка, спасибо за совет!
он тупой, тупее невозможно
а ведь я по жизни интроверт
то есть болтовне пустопорожней
говорю решительное «нет»

– стрекоза, отставить перебранку!
я спешу на помощь, я в пути
с пузырьком отборной валерьянки
даже не просроченной почти
отвечай, родная, не тяни же!
стрекоза, откликнись, стрекоза
я лечу фанерой над Парижем
мне без собеседника нельзя

Жук

Жук идёт по улице жучиной,
встречным улыбается жукам.
Ладный и воспитанный мужчина,
вот бы и другим холостякам
выглядеть как минимум не хуже.
Крылышки сияют на свету.
Смокинг из хитина отутюжен.
Сигарета тонкая во рту.
Жук идёт по радужным отбросам,
по траве, похожей на траву,
по спине истлевшего барбоса,
по руке лежащего во рву
мертвеца.
– Нашёл же где разлечься! –
злится насекомое. – Каков!
Что-то есть в природе человечьей,
что претит сознанию жуков.
Но теперь покончено и с этим.
Видишь, с неба катятся огни?
Жили-были люди на планете.
Хорошо, что кончились они.

***

Родились у сына две матери, два отца.
И одну-то мать укусила в плечо оса.

Вроде пустяк, а кончилось всё плачевно.
Врач пришёл, поохал – вот тебе и лечение.
И не стало матери, попросту вышла вся.

А старшой отец погиб в двадцать лет на Сомме.
Не успел надеть противогаз спросонок.
Он вернулся призраком с той войны,
в глазницах роятся мухи.
И скелет служанки готовит ему блины
из чистой муки.

Что тут будешь делать? Зажили они втроём.
Да младшенький-то отец (кажется, всё при нём –
красавец каких поискать, царственная осанка)
утонул в реке, ходит теперь к русалкам
чуть ли не каждой ночью, а то и днём.

Время мчится вскачь, кубарем дни по склону.
Хороша ты, мать, да чересчур сурова –
тот тебе не этак, этот тебе не так,
скоро и охотников не найдётся.
Мать сидит на кухне, курит отборный мак,
смеётся.
«Замуж? Ну ты сказал! – слепит его коленями. –
Ох, уж мне это старшее поколение...»

Он сглотнёт слюну. Снова сглотнёт. Исчезнет.
(Шёл по воде, сам становился синим.)
А под платьем-то у неё только цветные бездны.
Вот оно где, фамильное место силы.

Блудный сын

выпал снег, незадача случилась –
блудный сын возвратился домой
а под утро ножом перочинным
на стене нацарапал: «Долой
императора!» – так получилось;
выпил лишнего, слаб головой

мы его от греха-то скрутили
посадили в чулан на горох
папироску по кругу пустили
вышли из дому, замерли: «Ох!» –
целый мир на глазах исчезает
только снег продолжает лететь
и под ним замерзают пейзане
а вдали проступает отец-
император в песцах и лосинах

(так лавина спускается с гор)
что за муха его укусила?
ангажируем сына, Егор
извлекай своего разночинца
из чулана, была не была
пусть покажет чему научился
прежде чем разразится беда
он боролся с засилием денег
динамитом прореживал знать
и, возможно, расскажет «Что делать?»
если будет кому рассказать

Бабочки

В расшитом бабочками платье она плывёт по воздуху,
покуда мать лежит в кровати и превращается в труху.
А что за хворь старушку точит – не знают даже доктора.
А брат в другой стране, а отчим гнёт спину с самого утра
на птицефабрике, где куры таких размеров и цветов,
что лучше выйдем и покурим – я, извините, не готов…

По грудь листвой засыпан жухлой тоскливый Энск неделями.
И льют дожди без промежутков. И ветер с видом деловым
прогуливаясь, прячет фигу в кармане серого плаща…
Она захлопывает книгу, сдувает бабочку с плеча.
Вторую… Пятую… Окна из,
стараясь быть на высоте,
они летят, перекликаясь
с оставшимися в животе.

***

Смотри, прошла эпоха целая.
Как будто нам с тобой по ящику
крутили фильмы чёрно-белые;
как будто куклы говорящие,
за кадром поясняя каждое
музейным ставшее событие,
зевали, мямлили и кашляли,
чтоб усыпить невольных зрителей.
И, засыпая с их подачи, мы
в телах астральных (или как их там?)
над покосившимися дачами
летим себе в потоке квантовом
ополоумевшими птицами,

презрев азы воздухоплаванья.
И если ты волна, частица я,
а если ты частица, я – волна.
Чем люди больше или меньше мы,
не существа – скорее, сущности
над лесом за ноги подвешенным,
над серым озером расплющенным.
И вот на краешке сознания,
выныривая из орешника,
разинул город без названия
свои ворота проржавевшие.
Дрожат сады Семирамидовы
над тишиной его стозевною.
И бьёт хвостом за пирамидами
змея коллайдера подземного...
Ещё мгновение и кончатся
скопленья перистых и арочных.
И кожа с них полезет клочьями.
И точно огненные бабочки,
глаза Анубиса поднимутся
на все небесные неровности.
И мы проснёмся и обнимемся
или столкнёмся и угробимся.

***

ты пошёл на концерт Анжелики Варум
никогда ты умом не блистал
а она то развёртывается, как хоругвь
то сгущается в чёрный кристалл
и уже не Варум – раскалённый самум
завывая, обрушился в зал
и летают под куполом бабочки лун
и назойливо светят в глаза
из-за пыльных кулис выезжают гробы
в левом панночка, в правом – Ильич
и архангел в обрезок железной трубы
выдувает кровавый кулич
антифигаро, ибо ни здесь и ни там
ты провалишься в яму меж строк
и увидишь: на сцене стоит Мандельштам
и растёт, как воздушный пирог
говорили – погиб; получается, врут
вот стоит, принимается петь
и берёт его за руку Лика Варум
превращаясь в столикую смерть

***

Сомлевшие, они садятся в кресла.
Включают телевизор: ПЕРВЫЙ гос.
канал – куда впадает неизвестно,
но диктор говорит который год,
что собраны большие урожаи,
на севере дожди из кураги;
границу охраняют дирижабли,
а прессу контролируют враги.
Они переключаются на ПЯТЫЙ,
внимают анекдоту с бородой.
Потом реклама порошка для пяток
и панорама травмы родовой.
ДВА существует только на бумаге.
ТРИ – викторина «Бот или не бот».
А на ШЕСТОМ потомственные маги
снимают порчу и наоборот.
СЕДЬМОЙ по сути то же, что ЧЕТВЁРТЫЙ:
лежащие в руинах города;
следы живых, но чаще толпы мёртвых.
Им нестерпимо хочется туда.
Они встают, вытягивают руки,
сутулят спины – чем не зомбаки?
Идут под пеплом, огибая рухлядь:
гнилые доски, чьи-то позвонки.
Они идут с усмешкою недоброй,
одной кривой усмешкой на двоих.
Вливаются в толпу себе подобных.
Штурмуют укрепления живых.

***

Они едва общаются и вовсе
не существуют, но порой случается,
он в комнату большое тело вносит,
включает телевизор, отключается.
Она гремит кастрюлями на кухне,
разогревает ужин – ей так кажется.
Роняет чашки, волосы, окурки.
Да что окурки, жизнь под горку катится!
Он выползает на источник шума;
они бранятся, это длится сутками.
Приходит в гости деверь или шурин
ещё раз убедиться в их отсутствии.
Его и самого на свете нету,
на этом – точно, а про тот не спрашивай.
И всё-таки он курит сигарету,

прильнув к окну, и видит шар оранжевый
над тополями, двор с площадкой детской,
провалы улиц – всю изнанку матрицы.
Плечами пожимает: время, дескать,
идти к себе, вот только вспомнить адрес бы.

Ты ставишь точку, точка весит тонну.
(Боюсь, что в одиночку ты не справишься.)
Твоё лицо, скользнув по монитору,
посмертной маской падает на клавиши.

***

По вечерам мы закрываем окна.
По вечерам мы запираем двери.
И всё равно слышим, как за стеною,
стоя во тьме, зовут нас хищные травы:
– Выйди, дружок, и наслаждайся танцем
тысяч зелёных пальцев,
чечёткой смерти...
Дед говорит, многие выходили,
переставали сопротивляться зову.
Дед говорит, он видел, что с ними стало.
Дед говорит, лучше бы он не видел.

По вечерам, разогревая ужин...
По вечерам, разогревая ужин,
дед говорит, травы владеют чем-то
вроде гипноза – это и заставляет
нас повторять отдельные фразы дважды
(дед говорит – смертельные фазы жажды),
будто бы мы сомнамбулы или в трансе.
Но, говорит, это еще цветочки.
Видишь ли, Сэм, травы высвобождают
древнее зло, ждущее в человеке.
Вот как сейчас.
И начинает танец,
танец зелёных пальцев,
зелёных пальцев...

Выйди, дружок, не поддавайся страху.
Или войди, разницы больше нету.
Видишь ли, Сэм, разницы больше нету.

Николай ФОМЕНКО

МЯСО НА БОРЩ

Рассказ

– Пакет взял? – спросила жена. Она стояла, опёршись рукой о стену. Короткие пальцы с широкими серыми ногтями подрагивали.

– Взял, – ответил он.

– Купишь чёлочку на борщ, капусту, две морковки. Ну и посмотришь сам – может, ещё чего-нибудь. Надень на голову – солнце печёт.

Он ничего не ответил и ничего не надел и даже не застегнул металлические пряжки на босоножках, они позвякивали на ногах, как дальние родственники кавалерийских шпор.

– Пенсионное, – напомнила она.

– Взял, – он хлопнул по карману сорочки.

– Не шляйся зря по жаре – скупишься и сразу домой.

И снова он промолчал. Вышел на улицу. В ушах звенело, казалось, что звенит голубое небо. Со злобным гудением к остановке подъехал троллейбус. Пассажиров было столько, что пришлось стоять. Кондуктор на секунду взглянула на Константина Петровича и протолкалась по салону дальше. Секундный взгляд был равнодушнее солнца, решившего в этот день сжечь землю дотла, и все вокруг были равнодушные, и в троллейбусе никто не разговаривал, только напряжённо гудел электродвигатель и лязгали на остановках расхлябанные створки дверей. Возле рынка Константин Петрович вышел из троллейбуса, и многие тоже вышли и расползлись по площади, как тараканы по кухонному столу. Булькали голуби, собравшиеся в наглую сытую стаю, шумели автомобили на соседнем проспекте, и солнце, играясь, плавило асфальт, словно мальчишка наведённой линзой жёг тетрадный лист. У входа в рынок люди наталкивались друг на друга, но упорно продвигались вперёд, замирали на минуту у прилавков и лотков и опять устремлялись вперёд вглубь рынка. В мясном павильоне было прохладнее. Под высокой крышей жило многоголосое эхо. Константин Петрович отыскал продавщицу, у которой жена покупала мясо, поздоровался. Она ответила, вряд ли узнав его.

– Мне на борщ, – сказал он.

– Возьмите вот этот кусок, – ответила продавщица с ярко накрашенными губами. Волосы блестящими локонами выбились из-под косынки. «Кармен», – подумал Константин Петрович.

– Приходите ещё, – сказала Кармен. Она смотрела на него, откинув назад голову. Ожиревший подбородок был похож на обнажённую грудь.

Константин Петрович лишний раз переступил с ноги на ногу, приветливо и грустно улыбнулся, запихал в пакет мясо и отошёл от прилавка. Улица встретила огненным жаром. На самом солнцепёке сухая, как прошлогодний репейник, бабка торговала таранкой, а рядом девчушка в

Николай Николаевич Фоменко родился в 1953 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил театрально-декорационное отделение Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова. С 1978 года живёт в Артёмовске Донецкой области. Рассказы публиковались в журналах «©оюз Писателей», Esquire (Украина), «Новый Журнал», «Крещатик», «Отражение» и др. Лауреат литературной премии имени О.Генри «Дары волхвов» (2011), литконкурса «Русский Stil» (2012), лонг-листер «Русской Премии» (2014). В «Волге» публиковался рассказ «Взять теплые вещи» (2016, № 1-2).

жёлтом переднике продавала квас. Бабка не переставая бубнила: «таранка, таранка», девчонка растерянно смотрела в толпу с видом начинающего автомобилиста, впервые выехавшего на городскую улицу. Возле них образовывался людской водоворот, но ни таранку, ни квас никто не покупал, потому что все спешили оказаться в тени навесов. Купив всё, что заказывала жена, Константин Петрович пошёл в «рыбу». Он равнодушно прошёл мимо замороженной морской рыбы к скользкому прилавку, на котором лежал разделанный толстолоб и в лотке шевелили жабрами золотистые карпы. Холодные, как стёкла, рыбьи глаза не выражали ни страха, ни боли, ни мольбы. Константин Петрович долго изучал отрезанные головы, хвосты, белую мякоть филе. Хорошо бы съесть жареной рыбы. Он даже почувствовал голод – засосало в самом центре груди, словно обжёг горячим чаем. Но стоять возле печки и жарить рыбу в такую жару... Жена будет ворчать. Полная продавщица в клеёнчатом фартуке, рассчитавшись с очередным покупателем, спросила:

– Вам?

Константин Петрович отрицательно покачал головой и, сердитый, отвернулся.

– Сам не знает, чего ему, – проворчала продавщица, махнула вслед рукой, заправила под косынку волосы, прилепив ко лбу серебристую чешую.

Кто-то придержал Константина Петровича за локоть. Он порывисто оглянулся и сразу узнал Денисенко. Тёмно-коричневые глаза стали почти жёлтыми, как давнишняя бумага, кадык, гордо торчавший в молодые годы, уполз в рыхлую ложбину, сама шея втянулась под ключицы, и лопатки наехали на затылок, как черепаший панцирь.

– Здорово, – сказал Денисенко.

– Привет, – ответил Константин Петрович.

Они огляделись и отодвинулись к канцелярским товарам под брезентовый полосатый тент.

– Как ты? – спросил Денисенко.

– По-старому, – ответил Константин Петрович.

– А я один – Надя умерла. Ты же знаешь?

– Да.

– Ничего, живу, – добавил Денисенко и спросил: – Ты не торопишься?

– У жены давление, – сказал Константин Петрович.

– Выпить не хочешь – я угощаю. Давно не виделись, – словно объясняя, почему Константин Петрович должен хотеть выпить, сказал Денисенко.

Константин Петрович поднял плечи, посмотрел по сторонам, как когда-то в классе, ища подсказку.

– Ну, давай.

У глухой кирпичной стены под крышей на металлических столбах стояло несколько столиков, и желающих пить в такую жару было немного. Константин Петрович сел, поставил пакет между ног. Денисенко ушёл в черноту буфета и вскоре вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками с водкой и небольшой твёрдой пиццей, порезанной на кубики.

– Ну, за встречу, – взяв костлявыми пальцами стаканчик, сказал он.

Сделали по глотку вонючей тёплой водки.

– О-хо-хо, – сказал Денисенко. – Ключница водку делала. Так значит, жена за покупками послала? А я один... что хочу, то и покупаю. Правда, на пенсию сильно не разгонишься. Но в этом деле себе не отказываю. Водку беру у Вальки, помнишь, крановщицей у нас когда-то работала? Ей кто-то носит. Хорошая водка, и дешевле. Лучше бы мы к ней пошли.

– Я, знаешь, редко, – сказал Константин Петрович.

– От хорошей водки ничего не будет. Вот пиво пить не рекомендую. Это тебе любой врач скажет. Хотя... Надя, знаешь, ничего не пила и что...?

– Да, рано она...

– Что ж, я тебе так скажу: все там будем. Давай помянем.

Выпили до дна.

«Напрасно я карпа не купил», – подумал Константин Петрович.

– Можно теперь я тебя угощу – закуска пропадёт, – сказал он.

– Может, к Валентине...

– Нет, я долго не могу.

В буфет он пошёл с пакетом, потому что переживал за мясо, и возвратился назад, повесив пакет на локоть, держа в обеих руках по стакану водки.

– Ну, теперь за здоровье, – сказал Денисенко. Он по-еврейски картавил.

– Да, – согласился Константин Петрович.

Выпили по половинке. Он посмотрел на солнечную сторону и в первую секунду ничего не увидел, кроме оранжевого пятна, потом в нём зашевелились люди, как опарыши в навозе, он различил блеск спиц на новеньком велосипеде. Глухо, как из ненастроенного динамика, говорил Денисенко:

– Что твой Серёга?

– Серёга? – переспросил Константин Петрович.

– Да. Не женился?

– Нет. Живёт... с одним телом.

– Это как?

– Так. Я, говорит, буду сегодня ночевать у тела.

– Ну, что... баба, что ли?

– Ну да.

– Так и говорит: «тело»?

– Да. Говорит: «моё тело на работе» или «моё тело болеет».

– А имя у тела есть?

– Что имя? Имя не определяет функцию. Сейчас в жизни главное – функция. Везде-ход, самосвал, само-лёт. Сразу понятно, о чём речь. Тело... ну, в общем, тоже понятно.

– Прости, ничего не понятно. Нельзя же так всё время. У меня зять, я тебе скажу, так себе, не нравятся мне такие мужики, жадный, пиво только по акции пьёт, но всё же семья. Знаешь, почему так с твоим Серёгой? Перегулял. Если пацана вовремя не женить – всё. Ты сам, скажи, женился бы в тридцать лет? Вот я – не знаю, вряд ли.

– Причём тут мы. Время теперь другое. Разве только мой Серёга? У нас полдвора байбакуют. Я же тебе говорю: сейчас всё дело в функциональности. Детей-то, может, они и строгают, только семья для этого теперь не нужна. Ну, что за функция у теперешней семьи? Дети по детским садикам, по продлёнкам, со стариками жить никто не хочет. Или не так?

– Мои снимают квартиру на «Восточном». Я звал их к себе. Дочка сказала: «на твою пьяную морду смотреть». Но это так, мне кажется, отговорка, – сказал Денисенко. – Да я и не чувствую себя ещё старым. Что, за мной ухаживать надо?

– Рано Надюха умерла, – сказал Константин Петрович.

– Медицина у нас хуёвая, – сказал Денисенко.

– Что у неё – почки?

– Да. Камни в почках. От этого нигде не умирают. И деньги были. Немного, но были.

– Гондурас, – сказал Константин Петрович. Кусок пиццы застрял за челюстью в самом углу, и он никак не мог достать языком. Со стороны могло показаться, что гримасничает.

– Гондурас, самый натуральный, – согласился Денисенко.

– В Америке скоро головы будут пересаживать людям. Серьёзно. Теоретически и фармакологически нет никаких проблем. Дело в пустяке – голова маленькая. Понимаешь, в операции должно участвовать одновременно дохрена народа, а подойти к голове все не могут. Тесно.

– Ну, и что это будет? – спросил Денисенко.

– Не знаю, – сказал Константин Петрович.

– А я американцев не люблю, – сказал Денисенко.

– За что?

– Ты забыл, как они вьетнамцев напалмом...

– Это про любую страну можно сказать. Во Франции Варфоломеевская ночь была, в Испании – инквизиция, в Германии – фашизм, а у нас ГУЛаг.

– Так мы тут сами себя, а они вьетнамцев. Ты видел, какие они маленькие – они же как дети.

– Кто?

– Вьетнамцы.

«Вьетнамцы едят жареную селёдку. Напрасно я не купил карпа», – подумал Константин Петрович.

– Ну, ладно, давай выпьем, – сказал Денисенко.

Они допили. Пицца не выковыривалась и не таяла.

– Может, зайдём к Вальке – тут недалеко, – сказал Денисенко.

– Нет, я домой.

Они пожали друг другу руки и разошлись. И всё вокруг как бы усилилось: солнце стало ещё ярче, людей больше, толкотни, шума. И почти до слёз жалко девочку, торгующую квасом, и он, вместо того чтобы пойти на троллейбус, вернулся в центр рынка, купил у неё стакан кваса и выпил его. Он ждал, что она улыбнётся ему, но в этот раз её лицо было капризным, как у ребёнка, которому не купили мороженое. Она даже не посмотрела на Константина Петровича, и он, разгорячённый, стал проталкиваться на выход. Голубям бросали хлебную мякоть, и они набрасывались на неё не от голода, а чтобы выхватить у других. Сорочка под мышками была мокрой, по вискам текли струйки пота. Константин Петрович провёл по щеке платком и почувствовал за щекой кусок недожёванной пиццы. «Набил зоб, как голубь», – подумал он. Влезть в рот пальцем, конечно же, было бы неприлично. В троллейбус натолкались, и троллейбус был очень старый, перекосившийся на одну сторону. Вокруг колёс и на дверях видны куски наваренного металла. Казалось, если опустить штанги, которыми он цеплялся за провода, троллейбус ляжет брюхом на асфальт, как старая жирная свинья. Константину Петровичу опять пришлось стоять. Он держался вверху за поручень. Плечо, шея занемели. Через три остановки он почувствовал, что ему нечем дышать, и появилось нестерпимое желание что-то сделать: закричать, прыгнуть, зажмуриться и уйти, уйти от людей, остаться одному, спрятаться, лечь, согнуться калачиком. Троллейбус наклонился ещё сильнее, с треском раскрылись двери. Отчаянно толкаясь, Константин Петрович выбрался из него. Он стоял, не оглядываясь, ощущая спиной, как троллейбус тронулся с места. Вокруг была промзона. С одной и другой стороны улицы длинная бетонная ограда, за которой торчали серые коробки заводских цехов. По ту сторону улицы завод давно не работал, по эту – работал несколько дней в неделю. На тротуаре узкая тень от троллейбусной остановки, в которой лежала тощая собака с такой бледной шерстью, словно ее обработали хлоркой. В самой же остановке, сделанной из труб, тени не было совсем. Деревянная скамья нагрелась и воняла олифой. Константин Петрович сел, поставил между ног пакет. Хотел поднять руку, чтобы стереть с глаз пелену, но боль пронизала плечо и грудь. Собака очнулась, ноздри задвигались, втягивая воздух. Она почувствовала запах мяса и была уверена, что запах идёт из пакета, но рядом с пакетом сидел человек: добрый он или злой, внимательный или невнимательный, сильный или слабый? Собака пристально смотрела в лицо. Человек покосился на бок, упёрся щекой в шершавую горячую трубу, и его пальцы, державшие за ручки пакет, разжались. Она проползла на брюхе, потом приподнялась, сделала несколько шагов, замерла в напряжении так, что вся задрожала, как от холода, и, наконец, решилась на отчаянный шаг: потянула зубами пакет к себе. Пятясь, развернулась и, вытянувшись тощим бесцветным телом, побежала к бетонной ограде.

Олег АСИНОВСКИЙ

ЛЮБОВЬ

Марусе

Фива и Павел

Стронулось небо
Голубое и снова
Встало над мамой
И папы не стало
В августе месяце

Мамы в июле
И опять вернулись
И боялись друг другу

На глаза показаться
И не узнать боялся
Папа маму
И себя не узнать
Боялась она

И счастлива была
Не повстречать отца
И тишина стояла

И жена провожала
Мужа на войну
О почему же затянулась
Жизнь жениха
И тихо прошла

На небе последнем
Павла и диакониссы
И маленький родился

Ню

Ирисов диких
На окраине леса
Поляна и в ней

Олег Асиновский родился в1964 году в Москве. Публиковался с конца 1980-х годов в альманахах «Поэзия», «Истоки» и др. Стихи вошли в «Антологию русского верлибра», в 1989 году вышел первый авторский сборник. После десятилетнего перерыва вернулся к занятиям поэзией, публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Крещатик», «Футурум АРТ» и др. Вышли девять книг стихов (1989, 2005, 2006, 2010, 2016 (три книги), 2017 (две книги)).

Ямка и тени
Светлые в ямке
Деревьев на ясном

Небе в земле
Ни теней на траве
На цветах и листах

И в дожде ни росинки
Ужели простились
И болит о своей

Сердце душе
О модели излюбленной
И видимо не видимо

Диких ирисов
И то день и утро
То вечер и ночь

И полн тишиной
Женского тела
Лес за деревней

Франциск Ассизский

Птички они
Одни цветы
Другие травинки
Птички и в стайке

Травинок цветов
Ни души никого
Кроме птиц
И ночи и дни

Только лучи
Птичьи тропинки
С луны до земли
От солнца до звёзд

И ни дня ни ночи
Пока одиночество
Знакомит с собой
Ночь днём

День ночью
И пройдёт ли к весне
К лету к осени
Серо чёрно

Коричневое с оттенками
Розового голубого

Охристого лилового
И доля условного

Возрастает и насыщенность
Цветовая исчезает
И мерцание возникает
Тайна ускользающая

Знак предостерегающий
Проводник к птицам
Радуга радуга
И мама и папа

Брейгель и Фет

Глубокая ночь
Маленькая самая
И судьба не участвует

В пережитом при жизни
И всё ещё не исполненном
Ни душою ни плотью

Ночью глубокой
Крошечной робкой
И то ли ночь она

То ли день и ужели
Он ночь
И детали ландшафта

Дня каждая деталь
Уменьшается и уменьшается
На залитом солнцем

Домике и звёзды
Одна за другой
Погасают и просыпаются

И дрожат и приходит
С ежатами ёжик
И пьёт молоко

Иеремия

Ночь ни звезды
И снова зажглись
И погасли опять
И стало светать
И листва рассвела

И вслед за листвой
Деревья в плюще
И ветер рассвёл
И ужели прошёл
День и некуда уже

Деться дню
Путешественнику в костюме
Чёрном и строгом
Пастуху под звуки
Дудочки пастушки

В домике с множеством
Труб печных
Пламени заклинательниц
И губ не смогли
Отнять шевелящихся

Илия

Капля дождевая
И гроза прозрачная
По камешкам по камешкам
Гремячьего ручья ли

Луча ли из бездонного
Грома невесомого
Из домика из домика
Стоящего на радугах

Лучащихся прохладою
И разве настоящие
И гроза и капля
Камешки и камешки

И ручей и гром
И светлеет дождь
Ночью и в ночи
Тёплые лучи

Лазарь

Однажды так недавно
Одна и та же прилетала

На камень бабочка она ли
Слетала с камня не она

И стояла тишина
И ветер веял вдоль неё

То огненный то ледяной
И очертанья проступали

На камне бабочки
Ни радости и не печали

В ней не было
Гремел ручей

И поднималась по ручью
Бабочка и лазарь спал

Иов

В одуванчиках луга
И черна земля

И небеса ясные
О одуванчик заклинатель

Радуг дождя и росы
Ты спустись с неба на землю

На огромной чёрной лошади
С мечом и огнём в руках

И в руках у тебя трость
Неувядающая и помогающая

Тебе в пути
И спит и снится

Трости сон
И восторг твой

Она вызывает с многими
Оттенками смятения

И заклинатель то ли радуется
То ли заклинает неувядающую

Спящую и летящую
И приседает на задние лапы

И передними перебирает
Лев одуванчик

Даниил

От земли до небес
Ни звезды и свет
Из леса и в лес

Звёзды зимой
И осенью и весной

И летом и ветер
И земля с небесами
Вслед за звездами
В лес деревянный
Медный железный

И светится речка
В прозрачном лесу
Отражая звезду
Погружаясь во тьму
И светает вдруг

И белые дети
То чёрный то белый
Ребёнок из леса
Невеста с невестой
Жених с женихом

И нагие отводят
Друг от друга они
Очи и губы свои
И не день и не ночь
И уже светло

Да так что глаза горят
Детей по всему
Леса лицу
И царевича везут
Невестного к жениху

Исповедь

Вестник и вестница
На небе и держатся

За руки за руки
И разве не ангела

Душа оставляет
Тело своё

И не день и не ночь
Как есть так и есть
И не место душе
На небе последнем

На земле ей не место
И где-то под сердцем

Эхо души
Орган бесплотный

То ли конь то ворон
Ужели они

Ворон и конь
Домики домики

Для её одиночества
И сама она вишнёвая

Косточка косточка
Лизнёшь и не горько

Иаков

В гроздьях рябины
Лодки стремнина
В листьях и ягодах
Реки и украдкой
Лодочник лодочнику

Шёпотом шёпотом
Ты не один
Кто-то с тобой
По капельке по капельке
Препоясан волнами

Не ангел монах он
Нагой и прекрасный
Накрой его ладонью
Не расплескай не расплескай
И с меня губами

Собери собери
Хитростью и лаской
И люби себя и не участвуй
В любви моей к тебе
Не противься доверься мне

Исав

Бабочки с ручья
К реке перелетели
И река спала
И ручей и небо
И не гасли звёзды

И ложились тени
Бабочек огромных

И дожди шумели
И любили двое
Третьего любовью

Тихой и тревожной
И было хорошо им
С ним не быть собою
Длить и длить тревогу
В объятьях трепетать

Подчинять себя
Друг другу
Одному ему ли
На какой земле
На котором небе

Он теперь
Ни души оттуда
Жив покуда
Ужели тень его вернётся
И сердце у неё забьётся

Исаак и Ревекка

Странник наслаждается
Странницей и она полна им
Не сама не сам он

Полн своею страстью
И светятся от счастья
Оба одиноких

И на звёзды смотрят
И роса ложится
На глаза и лица

И туман клубится
В утренней прохладе
И росу в тумане

Капельки дождя
Собирают с трав
Прячутся в цветах

И странника к губам
Странница подносит
Жарким не его ли

Маленького гонит
Прочь дыша любовью
Тиха уже бесплотна

С ней никого и кто-то
У неё в ладонях
Как душа её ли

Сарра и Агарь

С участником событий
Участница иных
Счастлива и жить
Начинает с ним

Ночь и день
Он с нею
И его то меньше
У неё то больше

И приходит ночью
И уходит днём
Тишиною полн
Одинок к другой

И вот-вот уйдёт
На ночь не вернётся
И другая солнце
Пришлецу зажжёт

И луну от звёзд
И другую прочь
От себя прогонит
Не сейчас немного

Позже и она
Лучом от пришлеца
Стайкою лучей
Сам ли счастлив с ней

И сама себе
Является и тень
Свою не беспокоит
Гулкую собою

Мельхиседек

Он был никто
И жил как дом
Который он

Оставил сам ли
И тишина стояла рядом
С никем и в тишине

В глаза себе
С утра глядел
И взгляды в очи

Ждали ночи
И наслаждался ожиданьем
И прятался в глаза свои

От взглядов их
На небесах под небесами
Стучало сердце

Лес шумел
Душа соседствовала
С телом и в душе

Пространство расширялось от
Погасших падающих звёзд
Пасся скот
Текла река
И ветер поднимал быка
Как кораблик паруса

И пеленала мать дитя
И молоко в её груди
Как облако и шли дожди

Незнакомка

Она и он
Оба никто
И взял её

И готова его
Была взять
И себя потерять

В нём и не быть
Собой с ним
Вот и сошлись

И готов был
С ней расстаться
Да некуда деваться

Им никаким
Друг от друга
На улицах шумных

И в губы целует
Всякий прохожий
На себя не похожих

Нечаянная радость

Ещё раз
Плоть родилась

Другого не будет
Такого и друга

Тело себе
Дружочка подобного

Ловит из воздуха
И вдруг солнце

И тонкий звук
Багряного луча

В капельке дождя
И мама жива

И сын и отец
Живы и свет

Льётся из них
И сын ещё не сын

Папа не папа
Мама не мама

И судьба миновала
Тела их

И капельки судьбы
Скатывались с души

Местечко

Едва исчезновения
Тянется мгновение
Теплится судьба
Веточка в губах
Соломинка цветок

И дома хорошо
Не дома плохо
И пришёл с холода
Отрок и вышел
На мороз возвратился

И его стучится
На миг остановилось
Сердце и явилось
И себе во сне
И своей душе

И виденье судьбе
Было она
Клубилась в губах
Отрока он
Прочь сон

Гнал и припадал
К губам своим
И целовал их
Дыханьем своим
Ласточек и ловил

Целан и Айги

Любимая из него
Возникла и его
Она не любила
И душа ветвилась
У неё во плоти

И холод в груди
Облекался душою

И от счастья любовник
Прятался в холоде
Нелюбви ненавидел
Себя и горячие
Слёзы лил

И ребёнка родил
Ей от другой

И течёт рекой
Небо последнее
О если бы семьи
На небе последнем
Были одинаковые

Невидимые и обратно
Любовницу домой влечёт

И дома не живёт
Только приходит
К любовнице и к ребёнку
С женою и ёжик
Молоко пьёт

Ностальгия

Явились они
Мария и сын
Друг другу
И вдруг ниоткуда

Из прошлого гость
Яблоня дикая
В глубокой лесной
Чаще и низкое
Солнце над яблоней

И соколы ясные
На гибких ветвях
И листья шумят
И день как день
Ночь как ночь

Как есть так есть
Лес да лес
И дикий возница
Правит санями
И спина в яблоках

И гость за спиною
Гость молчит
И поёт ямщик
И доносится эхо
До ребёнка и девы

И соколы в небо
И сразу на яблоню
И маленький маму
Боится спросить
О птицах и опять

Марию спрашивает
И тихо да так
Как было когда
Сына она носила во чреве
И жили не вместе

И были как тени они
Перемен в своих
Душах телах
Отпущенных восвояси
Кому-то на счастье

Илья ДАНИШЕВСКИЙ

ГОМОТОПИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ АЛАБАЯ И АПАТИИ

Рассказ

1. Убежище

А вот это – нож, и какие слова о нем, или слова подождут до пенсии? Тебе будет разрешено все знать, особенно все слова, и говорить их так, как хочется. Нож воткнут в ногу двадцатитрехлетнего мальчика, чуть выше колена, наверное, там ты оставил его четыре часа назад. Мальчик пришел из Ростова, умер несколько дней назад, из его паспорта ты знаешь полную дату рождения, отчество и прочерк отцовства. Все остальное – без паспорта, за четыре месяца – все одинаковые. Приходят от чехарды, неприкаянности, из своих углов, паутина, как же все заебало, и это – патриотизм. Сегодня четверг, и вчера в Берлине шестеро русских спели в одном из провинциальных театров песню под названием «Vater», ты учил немецкий в школе, да и так все понятно – на экране портрет президента, а у гроба священник и пятеро – это называется – художниц, они невесты с окровавленным передником, это репетиция смерти президента, медленная песня-обращение к отцу, по портрету – медленно кровь, в конце художницы достают из-под юбки окровавленную свиную печень и тянут ее вверх, тоже отцу. Ты знаешь, что сегодня началось из-за этого. Неважно. Ты думаешь об этом только потому, что нож воткнут в ногу двадцатитрехлетнего мальчика, рядом такие же, все они здесь по твоей вине, вине того, что отец еще не умер, по вине всего остального, что было когда-то, и к чему мы зачем-то возвращаемся, все из-за этого груза со школы, это прочитать и это, теперь мозг ищет аналогии и все становится просто, все это по вот этой вашей вине, наступает новый семнадцатый год или денег хватит еще на четыре и потом все, буржуазная революция, потом левая революция, что-то новое, мы переедем на эфирные двигатели, но в темных углах – все по их вине – и из темных углов видно, что ничего этого не будет. Ростислав приехал из Ростова, чтобы избавиться от колдовства имени, спаянности, и еще Настя беременна, все по ее вине – время серьезных вопросов, то ли сбежать сюда от нее, то ли время становиться героем. Убитые на востоке Украины лежат перед девочкой, которой, наверное, семнадцать, она тоже в белом, но это не свадебное, а просторное, обычное, просто ей нравится белый, и ты замечаешь нож чуть выше его колена. Когда ты разрезал веревки, нужно было что-то – ну для вины, что-то куда-то вместить, ты втыкаешь нож в его колено, это не художество, удобство вины и того, как легко в ней спрятаться, потому что это такое место – то, откуда вы бежите – оно с пробоиной черепа, четыреста пятнадцать человек вышли две недели назад на мост убитого с лозунгом – вот страна, она убила Мандельштама! – как будто это все объясняет.

Она сидит на коленках перед убитыми, ты их сюда положил, а она делает свое святотатство, ее слова поднимаются, и это просто взвесь несуразных слов. Ты четыре месяца доставляешь в Убежище, девочки всегда сидят на коленках перед этим кругом, ты раскладываешь их, чтобы

Илья Данишевский родился в 1990 году в Москве. Поэт, прозаик, книжный издатель. Учился в литературном институте им. Горького и на историка религий в РГГУ. Руководитель проекта «Ангедония» (издательство АСТ), посвященного вопросу легитимации насилия в современной России, и куратор отдела литературы Snob.ru. Публиковался в журналах «Зеркало», «Носорог» etc., автор романа «Нежность к мертвым» (2015).

они смотрели на мертвых мальчиков Донбасса влюбленными невестами, – вот и все, чем ты занимаешься. Убежище окружено старой крепостной стеной, или такой стеной, которая сложена из камней всех уничтоженных цитаделей, краеугольных камней и замковых камней раскулаченных семей. Убежище – это крепость, но не для таких, как ты, не она, и не для тех, кто виноват или не виноват. Старый дом в середине заданности, он из досок, у которых есть суть, тебе так говорила хозяйка дома, Убежища и даже стен, ты не сомневаешься, когда поднимаешься по лестнице – все чувствуется. Доски от старых фамильных каких-то кошерных и халяльных изб, вдребезги убитые кровью – она на все проливается – может быть, еще доски затонувших судов, все, из чего нельзя, оно вот из этого как бы сплетено, а не построено. Дорога до Убежища проходит через границу, и с тобой мертвые, но эта дорога как бы слегка поперек взгляду пограничника, если бы президент, который когда-то умрет, – и что тогда будет, будут ли площади, и вообще, как быстро скажут, что его больше нет с нами (?), – знал об этой дороге, всех бы везли в Убежище без твоей помощи, ты снова оказался бы не у дел, но президент только догадывается оподобного рода убежищах, он знает оффшорные черные дыры, но не знает, что туда можно прятать убитых. Четыре месяца туда и обратно, уменьшаешься и осознаешь узость черепа, все узости своего тела, вот вся история протекает через тебя, а уже ничего, она ни в чем не виновата перед тобой так же, как ты – невиновен. Причитания девочки над мертвыми мальчиками – это не нежность, и поэтому не жажда обладания, а когда у тебя мертвые, ты можешь переписать их прошлое, некронормативная матрица прощает все, но это не нежность, это вообще ничего, в Убежище все вознаграждается, функциональный периметр за крепостной стеной, в центре которого дом, в палисаднике дома – первые камни и под ними могилы, могилы расходятся дальше, круг за кругом, все Убежище –это они, вот и все, что тут есть, и хозяйка, которая платит тебе и девочкам.

Впервые – четыре месяца назад – тебя позвал сюда Сашка, ему никогда не обламывалось, это его первое, он сказал, что путь на Донбасс, и взмахнул рукой, рядом с устьем большого пальца у него родинка пионерской звездочкой. Сашка кривился, если ты говорил «спизженная земля», у него политическое недоверие, он ищет книги, не написанные языком политики, такого нет – хаха – поэтому он ничего не читает, вам как бы не по пути, но случается всякое и вы давно – в друзьях, он даже знает, что тебя изнасиловали по дедовщине, когда ты служил на Краснодарском флоте, ты три месяца жил без этой вины, а потом уже – с ней, все получилось случайно, и никакая погода не предсказывала. Вот ты рассказал ему, ничего не облегчилось, это бывает – необлегчение – и бывает то, уже совсем все бывает, поэтому вы едете туда, чтобы работать на Убежище, а потом может быть спрятаться или, наконец, закуклиться в мягкость собственной плоти, ждать ее звонков, ее онкологий и минуты белого света, когда мозг ищет аналог опыта умирания. Ты не испытываешь брезгливостижалостисахарностиничегонетаетнедрожит и не бьется, просто вы переносите мертвых в кузов твоей машины, а Сашка расплачивается с усатым добровольцем. Он продает чуваков, но это не предательство, эти деньги будут растрачены в России, а значит – чуваки денежным прахом вернутся на Родину. Если что, он продавал их под действием санкций, это давление сверху из небытия, важно считать это добровольным признанием, которое, как известно, может облегчить его вину, и пусть это зачтется в его трехмесячное условное заключение за продажу боевого товарища. Ты называешь его товарищ-доброволец, их выдают вместе с паспортами, чтобы все концы куда надо, так что скоро ты перестаешь запоминать имена. Вы едете груженными, это первый страх, Сашка говорит, что она обещала, что ничего не случится, вы просто пересечете границу, но как бы не просто границу, а вначале границу Украины и России, а потом России и Убежища, но в момент перехода между Украиной и Россией случится транспозиция, ведь Убежище, конечно, не в России, оно просто наслаивается на нее, оно всегда там, где кровь и где есть свежие трупы, оно аппликация поверх, в общем, когда граница просочится сквозь нас, мы будем и в России, и нет, в том ее векторе, к которому пришпилено Убежище... вот эти слова, о них стоит думать, когда втыкаешь нож чуть выше колена товарищу-мертвецу, первый раз у тебя мокрая спина, но вот граница, даже происходит уплотнение воздуха, а потом вы едете и впереди рассвет, он блещет по краю холма, и поднимаетесь на холм, здесь – сейчас, а потом всегда

в этой точке – вы останавливаетесь, чтобы закурить. Просто нужно выдохнуть. Шесть трупов в вашей машине, граница позади, от напряжения ты громко кричишь, что это пиздец, но тебя никто не слышит, Сашка хохочет, вот это пиздец, это полный и глубочайший лютый ебанный пиздец... он ссыт с холма, вы одни в целом мире, транспозиция прошла успешно, две реальности состыковались, можно считать, что они одинаково уродливы, вот там товарищей грузят, а здесь растаможивают. Сашка лезет в бардачок, копается и выуживает старый плакат с голой телкой, и прячется от тебя. Он дрочит, чтобы выдрочить темноту. Это должно утечь или отметить, это ваш холм, здесь останавливаются ваши мертвецы, а потом вы везете их дальше. Убежище недалеко и далеко, вначале солнце слепит глаза, оно как раз напротив, и потом как бы из его ослепления –первые камни крепостной стены. Ты видел это много раз: а) в детстве, когда все хотят замок, свой замок, и не грязной скотиной, а помыкать скотиной, б) в школе вам говорят, что вот такое потом обстреляли из пушек, потому что замки – плохо, в них люди, которые других – за скотину и убой, в) на экскурсиях, когда еще – про Петра и отрезанные бороды, д) сейчас, он такой же, как на экскурсиях, но, по ощущениям, будто «а» и «б» смешались и получилось что-то смежное, это трансмутация замка – очень сложно для слова. Зрение не подводит, крепостная стена укутана могильным мхом, и не видно никаких швов между стеной и горизонтом, будто Убежище всегда было здесь, просто никто не знал.

Сейчас слова для Убежища есть, после очередной раз холма и встречи со стеной, все нащупалось. Это не замок, а огороженное кладбище, и на нем только те, кого привезли за деньги, никто не добровольно и репрессией родственника, четыре стены. Может быть, ты должен говорить «братская могила» или «неизвестный солдат», все они – солдаты, соль земли, такое поют и возносят, и горит огонь, но ты почему-то не говоришь, эти мертвые, ты ведь тащишь их на своем плече, они омерзительно-темные для тебя, ты оправдан, а они виновны. Но им уготован последний мед, даже для темных отлучено доброе слово, оно найдено и одно повторено для каждого, плагиат этой скорби растекается по лицам мальчиков, а потом их глаза и их рот замуровывают воском. Хозяйка лично проверяет, чтобы веки и губы слиплись. Она обычная и нечего сказать, только вот налита капиталом хозяйки Убежища, а так ничего такого, ты видел лучше и хуже, и много хуже. Она напитана соками, но в ней нет того, что обычно провоцирует и вызывает желание пролить, в ней этого нет, она отлучена, и ее кожистый свет – он такой же, как у продавщиц мороженого. У тех волосы собраны в конский хвост, и ты, проходя мимо, пытаешься представить их секс. Он, наверное, есть, просто не очень словесный, для этого придумали игру темноты и стеснение, чтобы не обнажать прием. Хозяйка встречает у ворот Убежища и смотрит на тела, пересчитывает, деньги – только кэшем, а потом тела надо сложить в кучу или ровный круг на поляне слева от дома, это единственное звено в цепи, что не занято кладбищем. Здесь всегда –девочка, она готова поминать мальчиков и гладить землю, думая о небесных женихах, и с закрытыми глазами читать стихи. Они всегда – эти девочки – читают стихи, как только замечают умерших. Их готовность оправдана страшным роком, страхом разочаровать, спровоцировать реальность, уйти из Убежища без награды. Если прислушаться к стихотворной истерии, то ясно, зачем они здесь; их слова заточены для слушателя, постепенно слова становятся сумбуром, и в какой-то момент чувством вины и криком – в этот момент уже не важно, плачет она по себе или по мальчикам и что с ними всеми было – она переполнена омерзением своих восемнадцати лет в окружении трупов и режет себя и все остальное, ее слова – до этого не более чем исписанный интимный альбом, обращение к первому мальчику, все то, чтобы собрать стадионы, слито с этими умершими во имя собранных стадионов, во имя призрака границы и великой нити державности, всего этого, на что они с этой девочкой – одной иглой одним бисером, в какой-то момент она понимает это и начинает плакать, как по родному. Умершие братья по дискурсу рядом, и так до утра, там три ночи подряд, вот что их ждет.

Ты не покидаешь Убежище до окончания церемонии, ничего не впускается и не выходит, надо дождаться конца алхимии. Ты и хозяйка молча проводите дни в пустом доме, где только в гостиной сервировано и имитирует. Делай, что хочешь, в молчании, иди по саду, читай надгробия.

В первый вечер – чайная церемония, хозяйка знакомит тебя и свою новую гостью. Это поэтесса из Санкт-Петербурга, ей скоро девятнадцать лет, она уже выпустила четыре поэтические книги, и скоро в крупном московском издательстве выйдет пятая. История до Убежища звучит в Убежище шумом и нагромождением понятий. Вещи отлучены друг от друга, тебе приходится силой их склеивать. Ее зовут Серафима, у нее брекеты, она... и так далее. Серафима улыбается, и ее щеки краснеют, она была приглашена в Убежище, это честь, да, знает, что будет дальше, но в этом последнем песнопении, разве в нем нет благородства? Ты спрашиваешь ее, понимает ли она – вы втроем за большим столом – за что умерли эти шестеро. Она говорит, что они умерли, защищая русскую кровь. Ты спрашиваешь, что такое русская кровь. Она говорит, что это наше ощущение Родины внутри. Ты спрашиваешь, что такое Родина. Она говорит, что Родина это страна, в которой мы родились и в которой есть особые традиции. Ты спрашиваешь, что такое страна. Она говорит, что это историческая территория нашей – опять это слово – Родины. Ты спрашиваешь, что такое история. Она говорит, что это память о том, что сделали наши предки. Ты спрашиваешь, знает ли она, что такое Катынь. Она говорит, что там поляки убили людей. Ты спрашиваешь, знает ли, при каких условиях. Она говорит, что это сложный и неоднозначный вопрос. Ты спрашиваешь, поддерживает ли она действующую власть. Она говорит, что не очень, но и не очень против. Ты спрашиваешь, не кажется ли ей, что любое понятие власти унизительно. Она говорит, что русскому народу нужен не только пряник, но и кнут, поэтому она все же поддерживает действующую власть. Ты спрашиваешь, не считает ли она, что тут и пряник похож на засушенное дерьмо. Она говорит, что у нее хорошая жизнь. Ты спрашиваешь, тогда на кой хер она здесь хер пойми где три дня будет читать мертвецам стихи. Она говорит, что это чтобы... она лопается, она не хочет этого говорить, и ты давишь на нее, потому что она не считает нужным говорить об этом, это ведь может быть личным. Ты спрашиваешь, правда ли может быть личным, что она хер знает где будет читать хер знает кому свои ебанные стихи. Она говорит, что ей это надо и она это выбрала, и долго думала. Ты спрашиваешь, о чем она думала. Она говорит, что ее отец умер от рака, и она не хочет так, она не может больше так, она про другое и хочет другого, а вспоминает это, она хочет другого, и чтобы вот так, нужно делать хоть что-то, даже если переступать через себя и вот так. Ты спрашиваешь, вот эти мертвые, разве они не хотели большего и хотели, чтобы им читали стихи, потому что они сдохли за Родину в крови. Она говорит, что не знает. Каждый сам выбирает. Каждый сам идет, нащупывает, сложная материя, каждый сам... и пусть никто не вмешивается, она пускает декоративные слезы. Тебя переполняет тошнота, ты вспоминаешь нож, ты просто вбил его в ногу мертвому, просто помог своей руке опустеть, или что Сашка сдрочнул темноту, ты знаешь, почему она здесь и почему вы здесь по одной причине из разных причин.

Хозяйке не важны чувства, еще в твой первый раз она рассказала о чем Убежище. Здесь такие, как она, такие, как до нее, такие, как после нее, ищут нужное – великую кость, переполненную солнцем. Первая из них, из этих, повитуха костей зачала дочь от берцовой кости возлюбленного, и теперь в Убежище только так, и чтобы уйти, нужно отдать Убежище дочери. Ни одна власть не уходит, она растворяется и поворачивает голову назад, посмотри, сравни, все такое же день за днем, мужчины привезут мертвых, графоманка начинает три дня экспромта, и когда-нибудь отыщется кость возлюбленного, точнее, вначале кость, а через нее – возлюбленный. Так было всегда, и впредь, само Убежище выстроено вокруг бессмысленного бормотания ритмизованных причитаний, и трубчатые волокна костей вступают с причитанием в резонанс, как бы просыпаются отдельно от тела и растворяют в Убежище свои подлинности. И так хозяйка нащупает через тех, кто привозит, кто отпевает, кто воюет, кто отправляет на войну, вспоминает историю, плюет на историю, пишет стихи, мечтает писать стихи, мечтает замуж, мечтает умереть, мечтает о Родине, репетирует смерть президента, целует умирающую мать, – своего ненаглядного. Серафима будет читать три дня, слова сольются в единое полотно, это уже не стихи, первопоэзия от исступления и голодных спазмов потечет сквозь нее, может быть, она сама заговорит Убежищем, а потом выйдет отсюда с деньгами, потому что по-другому – это вот когда ее стихи миллионы слушают в такой же тишине, как эти стены, мох старых могил, подлинная кость же – в одном из тысячи,

Серафима думает, что забудет или не забудет, но ведь у каждого такой продюсер, с которым ты трахалась, а потом ничего, у всех такое было, но только ты не трахалась, ты даже не трахалась, тебя выбрали гимном слияния с умершими за маленькую Родину, за неясное размытое пятно на карте территорий, ты как бы выбрана не отправлять их в смерть, а наоборот – выпячивать над поверхностью, означать святость их добровольности из Ростова в энтропию, и ты будешь с придыханием в строчках нести это вперед и вверх, твои красивые рифмы красноваты на разломах, ты не такая, как все, отделенная, отлученная, проспонсированная смертью, инвестировавшая в нативную рекламу и контекстный поиск, ты убежала от рака речью для двенадцати замазанных воском глаз. Стала новой пионерской звездочкой.

Возвращаясь, ты ищешь их поэтические имена в интернете, ты следишь некое время за движением, потом перестаешь и снова отправляешься в Убежище, пока идет война, и время на твоей стороне. Нужно успеть, пока не закрыли оффшор, самое тяжелое провести три дня в изоляции тишины, когда работа – все, а жизнь еще не вернулась. Ты стоишь в комнате на втором этаже, построенной из досок чужих домов, каких домов и домов ли, или все же судов, гильотин, брусьев, пробивших грудные клетки грузчика во время случайной аварии, и слушаешь, как внизу раздаются слова, в первый день осмысленные и по памяти, слова из себя и слова других поэтов, а потом артикуляция становится такой же, как этот доми как жизнь в России, она стягивается в неясное уплотнение или наоборот разрыв, и всасывает в себя все смыслы, и расточается на землю, становится тем же самым, что просто выдрочить из себя вечную осень, и ничем другим, слушаешь, потом это надоедает, и ты пытаешься спастись от истерики Серафимы, и вот это время тянется безумно и неплодотворно долго. Когда-нибудь это завершается, и все едут домой, а хозяйка исследует результаты работы и, снова не найдя нужной кости, двигается вперед, а когда ты едешь с холма, крепостная стена Убежища как бы выкатывается на тебя из солнца, и в первый раз тебе кажется, что ты отыскал именно то, что нужно, а на самом деле даже Убежище прокатилось сквозь тебя и все, оно тоже осталось в прошлом. Даже если кажется, что не пройдет, нет, оно тоже растворяется и оседает, и что-то будет причудливо похоже на Убежище так же, как Убежище похоже одновременно на все остальное.

2. Пути Абраксас

Последнее нормальное лето случалось тогда, после весны, после по счету весны от нулевого дня, и вот, после весны, случилось нормальное лето; о нем ничего нельзя сказать, как можно было о других, о теплых днях, о влажном и похожем на десну отлогом склоне, по которому спускаются к реке и ловят сачком тритонов; о матери, стирающей в тазу, эмаль на дне облупилась, о том лете, когда отец решил, наконец, выкрасить стропила, пролилась краска, о каком-то дальнем лете, отчетливо разбитом на дни – тогда/сейчас, о том далеком воздухе памяти, сквозящем сквозь плотно прикрытые окна сегодняшней спальни. Двух убитых детей нашли в то лето, когда он еще не был известен и о нем тоже почти никому не было известно; мальчик и девочка, которые, наверное, брат и сестра, на отлогом и влажном берегу, в том месте, где он когда-то любил ловить тритонов, в том, что он сравнивал с десной, потому что к осени красноватая трава блестела после утреннего тумана.Их нашли после долгих изнурительных поисков, кто-то бежал по траве, уже не выкрикивалиимена, двумя часами ранее на траве густые пятна, уже никто не кричал, только одна подвывала и постанывала, она была одета, как была одета его мать в дни, когда стирала в тазу – лен, хлопок, пустоты, ресентимент, – а другой поддерживал ее за руку, небритый, как его отец в тот день, когда пролил краску. Были алабаи, но они не умели брать след, они бежали вперед, увлекаемые ветром и общим азартом, этой страстью и страхом, разлитыми повсюду, они виляли хвостами, они мчались вдоль берега, садилось солнце, скалились на солнце, склон вновь казался десной, была ранняя осень, женщина в закате потеряла двоих детей, девочка чуть старше, к тринадцати (?) или скорее полных одиннадцати лет, нескольких месяцев,

которые позволяют отвечать «мне двенадцать» и сформированной фигурой. Девочку звали ***, почему-то мать *** постоянно думала «только бы не изнасиловали... (а мальчика **)», хотя это уже ничего не значило, но «только бы не изнасиловали...», другое она могла уяснить, рука теребит цепочку, попадает на грудь, ей противна мысль о груди, которая выкормила ***, – но, видимо, не для того выкормила, слишком страшно, уже темнело, она устала, она вцепилась в поясницу, чтобы выдавить еще немного воздуха в больные легкие, сильные руки удержали ее от падения, уже стемнело, было совсем-совсем поздно, чтобы надеяться, «только бы *** не изнасиловали...», а еще – чтобы войны никогда не было.

Он помнит мрачные антрацитовые тучи в те дни, когда начиналась гроза и собаки прятались; в такие дни их пускали в дом, когтистые лапы (дней, ночей, мыслей-волокон, их и даже его) гулко звучали по половицам и доскам, собаки любили в такие дни заползти в кресло, а мать выглядывала с кухни и кричала на них; она кричала, пока не начинала плакать, и он понимал, что дело вновь в маленьком умершем сыне, которого ему никак не удавалось соотнести со своим братом; выходил отец и вначале утешал ее, а потом начинал злиться; часто отец бил ее прямо в тот момент, когда падала молния, и он, подглядывая за родителями, мысленно надеялся, что если трижды молния и отец ударят одновременно, случится какое-то волшебство. Например, отец всё, тогда он утешит мать. Еще он помнит, что у него было три собаки, однажды – две одновременно; собаки плохо выживали по неясной причине... в тот день шесть собак бежало по берегу, несколько мужиков, женщины знали, что *** изнасиловали, каждая радовалась этому, неясно почему, но радовалась, что не их дочерей изнасиловали, может быть, *** отдала дань за всех сразу, может быть, больше ничего не случится; некоторые уже и не знали, зачем бегут, просто бежали, стало совсем темно; наверное, ** защищал ***, воля на то, чтобы он умер и не видел, как насилуют его сестру. А его изнасиловали? Была уже обугленная ночь, звезд и луны не было видно, только выпуклые их силуэты на том месте, где должно бы пылать, когда нашли их – мальчика и девочку... она не хотела рожать второго, она любила только ***, но так получилось, были сложные роды, что-то в организме уже не первой свежести, когда пришлось рожать второй ряд, она не любила его, принеся младенца в дом, она увидела, что в кухне кружится под потолком крупная муха, а потому – быть беде. Как цветы акации предсказывают смерть, как цветы, цветом похожие на влажных псов, предсказывают такую сильно любовь, что будто бы предсказывают смерть.

Он сидит в комнате и думает, что «любой художник выстраивает пространство из деформированного; это выхолощенное и мертвое спит в каком-то напоминании о закопанных минутах; цена такого производства увеличена силой коррозии авторского зрения, чем больше дефект, чем больше эффектов наложено на картину, легко узнаваемую и знакомую, тем лучше; воображения не может существовать, им названа та рука, которая обшивает умершие дни и детей сорочками белых невест/гробов, приделывает к знакомым женщинам руки других женщин, к одной минуте совокупляет совсем иные минуты, комбинируя в немыслимых пропорциях и сочетаниях то, что было суждено художнику отведать в своем прошлом... затем кадр о совокуплении с огромным алабаем, любой поток этих образов иссякает, ивместе с ним иссякает хвалебная критика, как только в прошлом не остается воспоминания комнаты, исказив очертания которой, можно придать ей видимую схожесть с фантасмагорическим храмом неведомого Абраксаса... член алабая, большой, слишком крупный, как бы пририсованный, слишком красивый, в столь мучительном ребусе зрителю остается лишь роль завистника, завидующего тем воспоминаниям, которые случай поместил в память художника... алабай кормится с руки, подчиняется, умирает, навсегда запомнив тепло твоего тела», руки его перебирают прокуренные кадры, в которых уже ничего не может заставить его вновь подняться, вновь произвести над ними хирургическое усилие и «породить» нечто; не осталось запаха того дня, не осталось боли от удара отцовской руки, остались лишь очертания самой руки и лишь фотография удара, лишенные внутреннего содержания, эти вещи не заслуживают пристального внимания. «То, как они говорят о воображении, о самом моем замысле, есть ничто. Картины Я – с саркомой. Саркома или сильная любовь производит Я. Видения, которые рука позволяет мне перенести в

плоскость, болезнетворные женщины с белизной аксолотля – есть лишь какая-то женщина моего прошлого + воспоминания тритонов + аналогия тритона и аксолотля; запахи моей воды и их цвета – это запахи и цвета моего прошлого; попытка ухватить минуты бессмысленна; зритель может быть поражен четкостью моей "фотографии", но он лишь поражается самому себе, той способности моей картины достать нечто из его памяти с таким эффектом, будто оно не изъято, а истинно порождено. Весь миф, те мифологемы, с которыми работают наши руки, те образы, которые вплывают в нас, обман, на который мы ведемся вновь и вновь, чтобы растеребить память, стылые воды... "поразительное воображение" – это то, что поместило Медею в тритоновы воды, но оно имманентно мертво и не существует, так как не порождало ни Медею, ни тритонов, ни воды. Все уже содержалось в ином, иными лицами и иными именами звучало – когда грузилось в скотопоезда до сибири, на войну, а когда грузили тела на войну, конечно, причитали "лишь бы не было войны"; все уже было до меня, но смотрело на мир другими глазами; иногда слишком любило, чтобы различать...»

...применительно к серии картин – «Дева и аксолотль», оттуда же, как грязь можно зачерпнуть с водой, поднимается заданный вопрос – «Откуда пришла эти девы?», и его ответ, который сейчас, вновь звуча в голове, вызывает какое-то раздражение, как вызывают раздражение всякие воспоминания о собственных поступках или словах, как вызывает у нас раздражение запись нашего голоса и как вызывает ужас фотография, на которой мы изображены в случайный момент – «утопленницы; в городском морге за небольшую плату можно посмотреть на мертвых; я приходил каждую пятницу, после семи, когда оставался только дежурящий, вероятно, студент, и за плату он показывал мне новинки... иногда мне требовалось вернуться к одной из тех, кто давно умер, кого я видел месяц или более назад, и когда звучало, что "ее увезли", что естественно, те части ее плоти, которые еще не перетекли фотографически с прозекторского стола на бумагу, были заполнены другими мертвыми частями – которые я черпал из своего прошлого; мама, лежащая в гробу, или отец, его усы над губами утонувшей личинки, шести или семи лет отроду, или какие-то другие детали... живой алабай и мертвая женщина, два живых алабая и мертвая женщина, три алабая, четырнадцать, шестьдесят шесть алабаев, алабаи в квадрате, алабайалабая, а нижний алабай мертвую женщину, и, к примеру, комнаты; интерьер комнаты очень легко наложить, как штукатурку, на кожу, и тогда представить, что тело этой девственницы оклеено обоями с черными ромбами, золотыми линиями, манящими тенями, складками, шелушениями; я часто сопрягал трупы с теми или другими моментами моей памяти, ее глубина выбрасывала в мои руки незначительные части бабушкиной комнаты или маминого шкафа, где спереди висели будничные платья, а позади – субботние; я вспоминал, точнее, не вспоминал, потому что это не было усилием, это действительно будто всплывало, – как мама иногда доставала эти платья, субботние, и смотрела на них с такой горечью, которую я никогда еще не видел в ее лице, и тогда мне было ясно (и эта ясность с потоком памяти вытекала на мои руки, слизистая, густая, наполненная ощущениями), что мама никогдане испытывала более честной боли, чем от вида субботнего платья, которое некуда надеть, а вся остальная ее боль если и не была фальшивой, то какой-то своей частью – учтивой, вежливой или, если можно так сказать, неполноценной, не всеобъемлющей... я брал эту боль, внедрял ее в платье и надевал это платье на утонувшую девочку, тогда мне удавалось, пропуская мамину боль сквозь пальцы, внедрять эту боль в объект маминой боли – в платье, и создавать эффект боли у зрителя, который вбирает сквозь картину боль моей матери, но принимает это чувство за боль совсем иного толка – за боль смерти, за сопричастность утонувшей девушки... но все дело в платье, и только в нем. Ни одна из них не любила смертного; утонувшие девы гуляют вдоль черных вод в окружении стаи белоснежных преданных алабаев...»

Комната заполнена кварками ошибок. Пришпиленные булавками насекомые пытаются перебирать крыльями, он перебирает пальцами воспоминания, «...искусство должно порождать мотивацию, зажигать на карте огонь, притягивать к себе движение; я бы мог выразить свою брезгливость от вида современных улиц, но это глухо, как тени потаскух под потаскухами не способны что-то сделать своим хозяйкам, так и я ничего не могу сделать со всем этим; когда они

нашли ***, движение для них прекратилось, лампа потухла, это был провал, искусство должно создавать действительно безграничные цели, бесконечные траектории – учитывая краткость, это не должно быть сложным; какая-то картина или книга должна обречь его жизнь на бесплотный поиск в течение шести десятков лет... картина не должна иметь компромисс, она не должна висеть в галерее и ждать зрителя, она должна находить его сама и вторгаться в него, ВЫНУЖДАТЬ к тому движению, которое хотел художник; то есть он – становится первопричиной, которая способна свою болезнь передавать той цели, которую уготовит священной жертвы для жизни своего полотна... картина – должна выдирать маленькую *** из материнских рук, должно сделать из тела *** картину (а не труп Мины переносить на полотно) столь обширную и многогранную, что ее бедная мать остаток жизни проведет в попытке расшифровать умысел художника... Например, как уже сказано, шестьдесят четыре блистательных пухлых алабаев и *** на глазах ее матери. Художник должен выбирать цель для своего полотна, стягивать психологию и события, знать подоплеку и следствие, должен стать тенью Абраксаса под ним самим (бесполезным), должен вырвать ту *** из тех материнских рук, в которых течет материнский инстинкт, и картина, сотканная из жил и молодости ***, должна быть именно такого кроя, чтобы задеть все нервные узлы именно ЭТОЙ матери, – и вся эта голая математика ложится на плечи художника, – удар должен быть столь сильным, просчитано-губительным, чтобы зритель никогда уже не был прежним...»

Никогда не было лета такого, как то; и вообще, ни одно лето не повторяет другое, но, пожалуй, одно чувство часто очень близко подбирается к похожести на иное чувство, он думает, что это вполне легко просчитать, что должно быть изображено на полотне (ну или что значит на полотне? например, на экране или на улице, это не так уж важно), чтобы зритель уже никогда не был прежним, будто проник в самый центр картины и продолжал существовать в рамках ее рамы до конца. Ранняя осень была после того лета, как бывает всегда, мать *** смотрела в пустоты, ей было жаль, что нельзя повернуть зрачки к черепу, центростремительной силой обратить их к сердцу, подарить пустоте язык и слова, все бы тогда отразило ее внешностью внутренность: осенью, следующей за ней зимой, весной, летом, осенью, зимой, весной, летом, осенью, зимой, весной, летом, весной, болью, болью, болью, болью, болью... она думала, она почти понимала, сидя этой осенью, очередной весной с того дня, что убийца (называть его так она уже тоже не боялась, она уже ничего не боялась благодаря этому убийце); благодаря ему, многое в ней изменилось и стало иным, совсем не похожим на прежнее, сильнее и глубже, но только там в глубине весной, осенью, летом и осенью, и зимой, и летом – только гной, гной, гной и гной, ничего в этой ее глубине нет иного, кроме гноя на старой ране, и сама рана не стала тоньше, не сомкнула края, лишь гной залепил ее болтливость, как склеил, и она перестала всем и каждому говорить «***!», набрасываться на каждого, будто каждый может достать из кармана и протянуть в ослабшие руки ключ от этой истории на отлогом береге, от берега-десны, от реки, от гноя, или навсегда запереть *** внутри и не выпускать; только гной, с каждым часом ничего не менялось, с каждым часом все оставалось видимо таким же, как было, лишь раны распускались изнутри, покрывали внутреннюю поверхность век, кишечного тракта, легких, выходили наружу морщинами или свивали мигренями клубки, все от часа к часу оставалось таким же, но само это нутро – стало истинно сакральным, утопив гноем всякую мысль, нутро ее стало таким, какимдолжно было стать по замыслу художника – сущей болью – это художник, свою память, какое-то неведомое прошлое он выпустил сквозь руки в ***, как художник выпускает себя в полотно; материал зависит от прошлого, которое необходимо выместить; вероятно, существовало какое-то такое прошлое, которое могла принять лишь одиннадцатилетняя девственница, было в этом прошлом что-то такое, что из всех прочих одиннадцатилетних девственниц выбрало именно ***; в этом не существовало роковых случайностей, все было подобрано одно к одному той идеальной рукой, имя которой могло быть Абраксасили любое другое, все было неслучайно... и ей необходимо было понять, ЧТО выбрало ***, какая часть *** соответствовала прошлому убийцы, какой замысел могли выразить 11-девственность-овраг-соглядатай... мальчик лежал ближе к реке, его ладонь зачерпывала воды, рана на руке напоминала тот след, который остается на реке после моторной

лодки – убийца обильно облил раны биглюконатом хлоргексидина, от чего кожа убитого стала похожа на водную пену; было множество других ран, множество всего другого, собаки бегали вокруг, а одна из них заползла в воду, стала барахтаться и фыркать, от нервного напряжения несколько женщин, глядя на ее умилительные бултыханья, начали хохотать, плакать и хохотать, а собака оставила на воде следы белой пены.

Пухлый белый алабай под небом, когда нет луны.

3. Бумажные грешники

На прошлой неделе – ее правила жизни в Esquire. Одетта Сван, черный лебедь Марселя Пруста, может быть ей уже больше ста, но кого это волнует. Ее любимая масть – режущие предметы, даже булавки должны причинять боль, даже камеи и все остальное. Ей нравятся города, живущие в лесных чащах, ей принадлежит замок с заросшей мхом крепостной стеной, в одной из стен пробоина от какой-то из войн прошлого, старость может быть этой войной. Двум старым колокольням отпилила языки. Одно из главных правил – не просто научиться прощать или не находить причин, чтобы принимать прощения, но забыть о такой возможности, не знать – зачем. В главном здании четыре этажа, в каждой комнате острые предметы, ставшие декорацией, и картины, которые она меняет местами, ей нужно инвестировать и поощрять, и она поощряла молодых художников – ее поощрение скупало все их работы и помещало в дом далеко-далеко от глаз реципиента, никогда не получавшие огласки, они как старый лебедь, посасывающий леденец, и они умирали поощренные, никем не узнанные. Эти картины и их художники – как бы ставшие частью ее географии острых предметов, вдали от того, чему можно сопротивляться, они теряли остроту, разверстый угол, старый донжон – центральное место любой крепости – она уничтожила, чтобы сделать замок более современным, наверное, нанимала охотников, чтобы сглаживать пространство и лес холма сделать путеводителем, убивать медведей или – кто в этом лесу? В конечном итоге в лесу была только Одетта Сван и как бы ее дети. Еще раз – старая баронесса (? нет, не знаю) в родовом имении на склоне холма, подножие которого сливается со стеной, фонд помощи детям-сиротам «Вечная жизнь» – неизвестно, законно ли это, но Esquire пишет о ней как о боговолительнице, благоволительнице острых предметов, ангеле барокко, отдавшем родовое гнездо выкинутым из гнезда малышам. Ее правда зовут Одетта, или звали, или должны были звать = справедливость восстановлена.

Все деньги, которые она получила от своего предшественника, были потрачены на «Вечную жизнь», четыреста пятнадцать детей (крупным кеглем, вынос над ее левой бровью, свет в морщины, в глаза до слепоты) воспитаны внутри древнего замка с пробоиной в стене. Сейчас сорок два воспитанника находятся в заточении, общий тон статьи – как хорошо, что старая баронесса тратит свою жизнь на воспитание наших детей, как прекрасно, что старые стены, детский плач, коллекция картин, предметы убийства находятся в одном месте, предназначены друг для друга. Иногда детей оставляют возле железной решетки – которая раньше соединяла с торговым трактом – сейчас соединяется с лесом и забытыми дорогами. Тот, кто бросает – преодолевает через лес, истребленные дикие звери, и кладет у кованой решетки, баронесса забирает твое – себе, всем хорошо. Можно не выскабливать, радуйся леденцу с полной самоотдачей, баронесса обо всем позаботится, ей даже в радость, что облепленное плацентой плачет у кованой решетки. Ворота замка должны открываться для войны, теперь они как бы открываются для деторождения. [Почему-то не описано, что иногда она сама выкупает их – намекает, что твое – тебе не нужно, твое – случайно, твое лучше бы – в ее пользу.] Так или иначе, дети оказываются в «Вечной жизни», лес вокруг преимущественно хвойный, запах укрепляет десна, кроме Одетты Сван еще четыре женщины на хорошей зарплате и один охранник-мужчина. Где же те (нет), кто говорят, что это опасно, – никого нет, все хвалят Одетту Сван, что она последняя богоматерь с сердцем радости и добра, а этот охранник-мужчина – нормально, пусть остается рядом с покинутыми

детьми, пусть охраняет их дневной сон, ночной сон; главное, чтобы самим собою не прерывал его. Их детский страшный сон: вдали от цивилизации, а в замке есть фамильный склеп, Одетта украшает его свечами, все испачкано воском, воск в ее мире – особый фермент, спасающий от старости и проклятий, воском обрабатываются гениталии детей, чтобы смягчить их взросление и пребывание в замкнутом пространстве.

Я знаю, чем смягчают свой путь, пробыв при ее дворе с четырех до момента, когда государство приписывает нам свободу. И думал, что она уже умерла; когда мы вышли, никто не хотел поддерживать связь друг с другом, мы никогда (наверное, никогда и никто, кроме оловянного сестринства, но и они – это не совсем мы) не возвращались, чтобы навестить ее. Она была отстраненным призраком своего замка, говорится, что его зовут – башня авгуров – так его звали уже тогда, и это не придумала Одетта, этого никто не придумывал, и башня авгуров всегда любила детей, она всегда – так или иначе – звала их к себе. До приюта Одетты в старых стенах было что-то еще, а до этого – еще, что-то другое, но немного похожее, когда-то в самом начале, возможно, там была детская тюрьма – с чего-то все началось, вся эта коллекция режущего, вся эта страсть к заточению детей. Мы гуляли за пробоиной, там склон и одуванчики, весной воздух над склоном был особенно густым и запах не такой, как в старой крепости. Спускались вниз, и дальше какой-то неведомый детский страх не пускал нас, только до первых деревьев, а ниже – где деревья превращались в лес, уже нет, никогда. И не пытались сбежать, мы вообще мало чего пытались в башне авгуров, как бы подавленные ей, изначально невзрачные, мы развивали свою склонность к бескровности и апатии. Сегодня мы продолжение того дня, когда гуляли за пробоиной, нерешительные исследователи пяти метров до первых деревьев, не больше двух кварталов пешего пути, нелюбовь к общественному транспорту, большому пространству, крохотные квартиры, короткие связи, отсутствие глубокого увлечения чем-либо, все до одного антиманьяки и ненависть к путешествию, все еще – немного дети крепостной стены. Одетта никогда не занималась разговором о том, что будет после приюта, когда мы вырастем и... что-то случится с нами после этого, она никогда не тратилась на то, чтобы объяснить, чем мы должны стать потом и что надо выработать в себе, ее работа над подвижностью воска сводилась к правильной жизни внутри ее башни, история мироздания – это история, как неизвестный каменщик начал строительство, а затем – однажды – дом и стена, и колокольня – были закончены, и тогда же появились правила жизни (не совсем Одетты Сван, а той, кто могла бы быть на ее месте – ключницы башни авгуров), и тогда же в доме появились первые дети, сквозь которых правила были пропущены. Мы хорошо знаем, что реальность – это то, что отрезано от чего-то большего верховной властью, и что за этой границей – тоже есть реальность, отрезанная от нас так давно, что уже неинтересно. Нет сил найти и освоить ее.

Дальше – все, что она освоила, идет из сказки о Бумажной Грешнице. Она называет автора, но я думаю, такого автора никогда не было. Беглый поиск тоже так говорит. Одетта тоже не была ее авторам, но Бумажная Грешница между тем была, и мы все это прекрасно знаем. Раз в год она выбирала одного ребенка. Перед сном мы чаще всего говорили о ней, кто-то говорил, что видел ее лицо в вентиляции и что глаза у нее замазаны воском, но врал; или что ночью она гуляет по саду, ходит вокруг старого колодца и не может перестать ходить, до рассвета, или что на четвертом этаже есть ее комната и что она во всех комнатах сразу и много чего еще. Это нас интересовало – какая она? – больше причины ее присутствия. И места ее назначения – вверх по лестнице, в ту комнату, куда она уводила одного из нас. Там обычный железный замок, на всех комнатах замки, но мало какие использовались, и вот там был замок, но дверь самая обычная, вряд ли Грешница жила внутри, ее имя объясняло нам, что грешник не запирает себя сам, и его замок – не для того, что охранять и ограждать свой грех, а только для того, чтобы быть узником. Поэтому мы не верили, что она гуляет вокруг колодца, даже прогулка заключенного со связанными за спиной руками была странной; ее преступление было более глубоким, чем этот колодец, и соревноваться с ним в глубине могло только наше с ним детское сродство. Мы слушали только Одетту и преступление Бумажной Грешницы, о котором нам никогда не рассказывалось, и поэтому оно становилось

одновременно всеми нашими преступлениями. И поэтому мы принимали ее право выбирать из нас, забирать нас, запирать нас, отрывать от нас кого-то без права свидания и прогулки вокруг колодца, в этой старой крепости одного из детей раз в год, когда начиналась осень, забирали в комнату на четвертом этаже, а потом гроб прятали среди других гробов в мавзолее. Наверное, это законно. Если мы спрашивали, Одетта говорила, что не совсем, но нет руки, которая может по твоему пульсу ответить – от чего он умер? Это всегда были тяжелые формы гриппа, она отделяла их от нас, и для них – это была форма гриппа, а от нас никогда не пряталось, что это Бумажная Грешница.

В конце лета красные цветы распускались у колокольни №1, нам это не нравилось – это должное; на самом деле нам ничего не нравилось так же, как Одетте, и даже после башни авгуров нам ничего не могло понравиться, все свежие эмоции были притуплены этим детским зрелищем красных цветов. Наше либидо для той земли. Наши соки в ее руках, на ее пальцах, никаких слез, медленная скользкая темнота ночи, обвивающейся вокруг колокольни, продолжается внутри, иногда я думал о Бумажной Грешнице, о той тактике безграничной чистоты, которую мы освоили, чтобы избегать ее выбора – это чистота, как кирпичная кладка и коллекция режущих (от двойки до туза режущего), не подразумевает ничего, кроме самого себя; мы выгуливали нашу сексуальность до первых деревьев за пробоиной, и наша сексуальность не хотела большего. Огромные города не воспалили, не подожгли, сладкая лакричная взвесь ночных светильников не кажется нам притягательной, чтение заторможено и инертно, тело с погруженными в сон нервами стареет медленно. В первую ночь осени, даже если не спится, нужно лежать с закрытыми глазами и не подсматривать, начинается неделя обхода и выбора. Ты слушаешь, как скрипит старый дом, наконец, появляются вкрапления новых скрипов, это не скрипы сами по себе, а движение, и так как никто не двигается в такие ночи, ты знаешь, что это Бумажная Грешница. В других сказках чудовища являются тем, чем они названы, но ее имя – это титул, осевший и впитавшийся с давних пор в ту землю, которая по наследству – стала этой землей, когда одна страна закончилась и внутри нее вызрела другая, ведущие катакомбное существование поэты продолжали помнить и транслировать ее сущность – наказывать – а чтящие ее выбирали своим атрибутом жимолость и режущие предметы: булавки из стали в волосы или под кожу, алюминиевые чармы в форме двух слившихся затылком черепов, особого вида канделябры, где свечи нанизываются на тонкий штык, и пламя, касаясь железа, слегка окрашивается в темно-серый. В эту ночь нельзя укутываться в одеяло с головой, даже спасаясь от сквозняков, никаких оправданий, только белая майка, руки должны просторно раскинуться в стороны. Это так вплавлено и переплетено с тобой, что очень страшно случайно шевельнуться и нарушить позу открытости и принятия Грешницы. Мышцы начинают затекать, хочется на бок, или даже на живот, изменений. Изменения кажутся необходимыми, всеоправдывающими. Она начинает в одной и той же последовательности – от первой комнаты левого крыла первого этажа, и так далее в течение недели. Слышно, как платье ворочается по полу, ее шаги скрипучие и немного искусственные, затем ручка двери дергается, два-три раза у Грешницы не получается повернуть ее, как бы действует вслепую, потом со скрипом открывается дверь. Тут перед глазами начинает двигаться огонь, космические пятна, о которых Одетта говорит, что они приходят с севера, там, где земная ось какая-то не такая, как здесь, где космос в открытой близости. Запах горящего воска с тепло-темным ладаном. Когда она подходит к постели, космос становится еще ближе, но потом от волнения забываешь о нем, становишься не больше собственного тела. Она знает, что грех – внутри твоих глаз, в запястьях и в подмышечных лимфоузлах. Вначале водит по подушке, ища очертания черепа, ее прикосновение к нему подвижно, ладонь Грешницы не может справиться с ясностью границы височной кости, наконец, обхватывает его и большим пальцем ведет от виска к глазному яблоку, ощупывает веко, надавливает. Космос в одной секунде от сердца, а еще беспримесный детский страх. Убирает руку. Ищет запястье и крепко сдавливает его в поисках пульса. Грех там, где громче. А потом шарит подмышками. И все, ее вердикт – всегда после. Вначале она осматривает каждого, только потом выбирает. Это тоже беззвучно, мы пытаемся не спать этой ночью, чтобы увидеть, как она

забирает, но всегда засыпаем, убаюканные сильным волнением или волей стенного камня, а утром кого-то уже нет, – это не как что-то плохое и это не жалоба.

Мне не очень интересны книги, они ведь должны что-то напоминать мне, но не напоминают. Но я знаю, что Одетта Сван в какой-то степени любовница Пруста, но больше ничего. В своем интервью она называет фильмы, которые произвели на нее сильное впечатление, – все они о сексуальном насилии, и я посмотрел их за эту неделю, и это тоже нисколько не интересно. Я выбираю сексуальных партнеров – и женщин и мужчин – через ускоряющие поиск приложения, чтобы максимально никаких историй, это путь комфорта, это такая дорожка, которая извивается между западным холмом, где одуванчики, и тем, что по соседству, похожий на череп великана в черной короне. Города, вырастающие из леса, и черепа, которые лес обнажает от себя, сходит с них лоскутами для человека. Мужчины пишут: я пас, хочу прямо сейчас, есть место, #gaybro, последнее напоминает замкнутую пищевую цепь, ты можешь стать один из гейбро после прибытия с ним, затем передать это дальше, так все они могут по тегам найти друг друга и представить, что вместе с одним – поглотили каждого. Иногда они пишут 27/183/86/16, очень удобно. Я не связываюсь с #gaybro и #egagaysekta, за этим лежит что-то большее, чем удобно, другие воды, другие ожидания. С женщинами было трудно вначале – это объясняется родовой травмой замкового камня тех ворот, через которые мы вышли из башни авгуров. Иногда простыни под женщиной начинают в темноте или в легком свете напоминать викторианское скомканное платье или саван – таким, каким я представлял его на Бумажной Грешнице, реальность скомкана и за складками ее пограничье. Женское тело не такое, как на полотнах в коллекции Одетты, как будто художник всегда рисует с антинатуры, или его лимфоузлы начинают болеть, когда приходит пора ставить на масляные бедра родимые пятна. А вот поцелуи именно такие, как виделось, когда виделась нам только Одетта, старение и растрата, баронессам нужны дети, чтобы они вырастали каменщиками и продолжали их великую работу, но они растекаются наружу, утраченные ожидания становятся морщинами, а морщины похожи на складки старообрядного кроя платья баронессы. Башня не досталась ей от барона, и никакого барона не было, титул выужен из пересохшего колодца, это просто выдумка, башня передавалась из рук в руки тех, кто готов приводить в замок детей. Это единственная цель, а форма или средство могут быть любыми – в ее фильмах, которые как бы составляют ее ДНК; сканируя, можешь узнать причины своего детства – все сводится к сексуальному насилию, из этого можно понять, что и в башне авгуров оно процветало. Оно не всегда так вульгарно, чтобы умирать, кто-то вполне вынес его за пределы, просто некому и незачем было рассказывать. Там было суммарно пять женщин и один мужчина, каждый со своими потребностями, еще работа оловянных девочек и запертая комната, куда Грешница отводила избранного, – я уверен, что ни один из шести не инсценировал ее выбор, и Грешница жила в башне в неясной параллели насилию, не препятствуя, не потворствуя; возможно, в том донжоне – тюремной башне – которую Одетта приказала снести; может быть, она жила в ней эдиктом неясной силы и продолжает жить – в башне, которую снесли для нашего взгляда. Но есть и другой взгляд, и другие башни, телам которых не нужны камни.

Все мы были бумажными зверьми ее палисадника, она ласково давала нам другие имена, чтобы ей было проще запомнить, чтобы уничтожить межкультурные и межрасовые различия в нашем дворце. Я был Барсуком, а еще был Жирафик, Зубрик, Тигра и все-все-все; все, что можно вспомнить о животных, было в этой цитадели, у которой крепостная стена заросла мхом. Наши имена не утаивались и не хранились, они плавно превращались в свои аналоги, и я сам себя называл Барсуком без явного сопротивления. У Одетты были железные четки, отсылающие себя к той династии хозяев, к каким она страстно желала примкнуть. Так Esquire получает «баронессу», на фотографии – эти самые четки, вместо бусин на них шахматные фигуры со страшными лицами, у бронзового короля черная корона точно такая же, как на черепе того холма, который похож на великана. Все имеет невидимые связи друг с другом, но среди нас никогда не находились желающие хоть что-либо разгадать. И только одно было разгадано – в самый легкий год нашей жизни в башне, мне четырнадцать – почему Грешница выбрала тогда Зубрика. Когда это только

случилось, мы знали, что она выберет его, и после этого до самой осени наша жизнь отклонилась от правил насколько только возможно. В самом конце лета он признался, что она ему снилась: завернутая в праздничную белую сорочку для душевнобольных, на ступенях мавзолея, окруженная пауками и неясной темнотой, она была невестой космоса в этой сорочке одновременно сумасшедшего и королевской крови, ее лицо подготовлено к свадьбе вырезанными мягкими тканями и залитыми мутным воском переливами дельты черепа, ее лицо стало маяком для зябкого космического жениха, и оно горит в темноте, перестав быть лицом и став свечой, отлитой с участием телесного жира и магических трав с восточного холма, – оно горит в темноте. Это похоже на правду, Одетта рассказывала нам о старых королях, лепивших свечи из своих лиц, чтобы власть сияла не только над живым, но и касалась мертвых. Бумажная Грешница могла быть одной из них, и, может быть, ее свет ласкал только грешников. Но мы никогда не обсуждали грех и его проводников, его пути и его употребление было не таким, как у распятых божеств, но монополия на это знание оставалась в руках Одетты до той поры, пока в ее пальцах – железные четки с шахматными фигурами.

Зимой Зубрик изнасиловал одну из оловянных девочек, не совсем напрямую, но именно так все и было = осенью Грешница забрала его, мы даже не сомневались, он тоже не сомневался. В интервью Одетта рассказывает о тех, кто выносит из башни оловянные кольца на безымянных пальцах – отлитые рукой одного мастера с высокой целью обозначить братство; она рассказывает о кольцах как о символе глубокой внутренней связи Одетты и ее воспитанниц. Это должно вызывать аплодисменты и умиленные слезы. Но Одетта не может рассказать всего до конца – общественное эмбарго не позволяет говорить о том, чем именно оловянные заслужили свое положение в башне. Никто из нас не расскажет, потому что не видит в этом смысла, признание – может приманить Бумажную Грешницу, а может и нет, но мы все равно ничего не скажем. Раскаяния нет. Многим из оловянных нравилось носить кольца на безымянном пальце, с восьми до двенадцати лет они служили во благо Одетты, а кольца оставались навсегда – по ним прошедшие через службу могли опознать свободных сестер. Общая дань, гекатомба под старой крепостью и единственный источник существования. Когда утро еще холодное, мы выходили к колодцу, чтобы ободрительно похлопать оловянных по плечу и отдать им наше утешение. Это просто вопрос воспитания и вежливости, Одетта рассказывает, что всем ее воспитанникам ответственность и самоотдача впаяны на генный уровень, и это тоже правда. Оловянные никогда не сопротивлялись и очень редко плакали, это не унижение, это зов физической боли. У старой крепости не существует никакого внешнего финансирования, существование фонда «Вечная жизнь» лежит на плечах Одетты и ее воспитанников, а так как они не занимаются фандрайзингом, им приходится заниматься чем-то еще, чтобы привлекать капиталы. Косметический ремонт старины, похороны отобранных Грешницей, ежедневное питание - все это требует или жертв, или продуктивной работы. С восьми до двенадцати лет оловянные девочки выставлены на аукцион и продают свою незаконную молодость, капиталы инвесторов стекаются со всех стран. Одетта встречает гонцов у кованных железных ворот и объясняет правила – никаких увечий: это вынужденная служба во благо, а не вертеп. Она запрещает реализацию каких-либо прочих желаний, кроме желания отвратительной юности, дорогостоящей юности и горькой оловянной печали.

Если долго рассматривать крепостную стену, может начаться мигрень, запах старости впивается в мозг. Частью кирпичной кладки является и история Бумажной Грешницы, и тогда грех – это действие, направленное против стен. Все, что угодно, но башня авгуров должна стоять. Бумажные звери с резными-оригами именами и бумажные соучастники, мы никогда не подглядывали за ночными трудами оловянных. Никогда не перечили, никогда не представляли, не касались этого. Просто вопрос воспитания, Одетта, перебирая железные четки, рассказывает нам, как можно, а как нельзя. Нас оставляли для башни, она находила нас сама, она получала нас, так или иначе мы оказывались здесь, а потом вбирали старый донжон, старый колодец, крепостную стену, западный холм и холм-череп. Многие из фильмов Одетты посвящены снафф-съемке, как известно, придуманной журналистами, вещи максимально далекой от декораций

старого замка, но ведь и сам замок сегодня является какой-то пародией на старину, самой недостоверной ее частью. Она любит города, вырастающие из деревьев, но ее капиталы – из городов, победивших свои сады; когда-то восковые короли пришли из таких городов, а затем стали воском и не смогли принести с собой настоящий город; там, где он – никогда ничего интересного, в поисках интересного жители городов приходят за оловянным сестринством сюда, где законы все еще не запрещают курение или убийство.

Зубрик сказал, мы должны это увидеть, и мы пошли, он любил картины завороженной любовью и отказывался воспринимать их пейзажем, думал поймать намеки на Грешницу в полотнах Одетты, его любопытство заходило все глубже, его время растрачивалось на узоры старой крепости, и поэтому он первый узнал, что в одной из комнат оборудовали лазарет для оловянной. Он позвал нас посмотреть на застывший янтарь, на тело, которое лежит в космическом одиночестве, и мы решили посмотреть, потому что никогда не видели содержимого гробов, в мавзолее все от нас было скрыто каменными и деревянными преградами, чужая смерть в относительной близости, но этого недостаточно. Мы обступили постель, сочувственно держались за ее ногу сквозь одеяло, Зубрик смотрел рассеянно и особенно. С ее пальца сняли оловянное кольцо, как бы уже попрощались, но она еще была здесь в полуприсутствии. Одетта не скрывала, что некоторые умирают от разрыва тканей, а точнее – от болевого шока чаще, чем собственно кровотечений. Но обычно ускользали без нашего взгляда и прощания. Зубрику было важно, чтобы мы попрощались с ней, а не так, как обычно, и мы прощались, жали ее ладонь и гладили по плечу. Потом он спросил, а не хотим ли мы, ведь она никогда не отказывалась и всегда отвечала согласием. Несмотря на то, что она стала молчанием, он может ручаться, что это не изнасилование Мы слишком хорошо знали, через что и ради чего в нее пришла боль, отчего ее молчание, и не хотели быть частью всего этого. Сливаться с ее разрывами и болевым шоком. Грешница не могла забрать всех, но могла первого, последнего или – наиболее яростного из нас. Мы не то что стеснялись или искренне жалели оловянную, цена ее тела могла быть слишком неясной, не до конца названной. Так что только Зубрик решился и попросил нас выйти из комнаты. Одетта никогда не говорила с нами о сексе и его добровольности, отсутствие формальных согласий – не является грехом – но любая форма присутствия в капиталостроении башни буквально граничила со святотатством. Оловянные – были его гекатомбой и краеугольным камнем, прикосновение олова является особенным прикосновением, почти поцелуем яркого космического всесожжения, это так же, как посягательство на жен верховных политиков. В своем интервью она говорит, что олово – символ подсознательной печали, поэтому раньше невесты получали обручальные кольца из олова, и короны консортов – оловянные короны ненастоящей власти. Зубрик вернулся в нашу комнату потусторонне-потерянным, его рубашка и штаны измазаны кровью, он пытался стереть ее, но не вышло, и поэтому его руки тоже были в крови. Он сказал, что там провал, как в крепостной стене. И больше мы не обсуждали это, он стал очевидным выбором Бумажной Грешницы, кровь впитывается в бумагу без возможности что-то изменить, он даже стал в каком-то роде знатоком Грешницы, теперь все его предположения и гипотезы о ее природе привлекли наше внимание. Он рассказывал о символике воска и олова, о четках с железными шахматными фигурами и разрушенном донжоне – обо всех отпечатках знания прошлого, найденных в коллекции картин. Но потом его предсказуемо забрали, и тело в гробу отнесли в мавзолей, и по новой весне через пробоину мы выходили на склон, где одуванчики и спускались до первых деревьев, не дальше.

В своих правилах жизни Одетта Сван сказала, что никогда не повышает голос на своих подопечных, а их поведение не может спровоцировать ее гнев.

Мария ЛЕВИНА

И мы летим

Я работал и так летал, что незримый суд
Рассмотрел мое дело, и я увидел сверху
Лопнувший поясок, услышал словечко «плут»,
И пуговица стрельнула мне прямо в сердце.

Приземлился, короче. Возможно, что и у нас.
Усадили за суп, уловляю в нем круглый перец.
Голова моя – шпалы и сто проходящих фраз,
Но грызу отставший от поезда заусенец –

Свет бы, что ли, в его засиял конце
Для лежащих в жару, для припавших к пашне.
И гримасы как станции на лице.
Кто их там поставляет? Обманутый день вчерашний?

2014

Весна

Весенний полдень. Хламная халва
Подтаявшего снега вдоль дороги.
Нам пену из бокалов слили боги
Пирующие. Скоро трын-трава

Попрет. По снегу тени пролегли
Деревьев через всякие обновки.
И кажется, что у самой земли
Прорезались и чешутся веревки.

Пред кем склонить, вне видимой беды,
Известкой подведенные колени?
А отрубить решишь, что ты есть ты, –
Очнешься в одночасье на измене.

2011

Мария Левина родилась в 1979 году. Закончила русское отделение филологического факультета СПбГУ. Работала лаборанткой на кафедре иностранных языков СПбМАПО, редактором на Пятом канале, корректором и редактором в различных петербургских издательствах. Стихи печатались в газете «Вечерний Петербург» (1996), в журнале «Звезда» (2013), на сайте «Новой Камеры хранения» в разделе «Альманах НКХ».

Другу-стихотворцу. Гражданская лирика

К чему бы это? Думаю, для нас
Припасены и свечка, и свирели,
Или какой-то общий крестный час –
В одну весну мы крепко постарели.

Иль, места не найдя себе в стихах,
На наших лицах проступили тропы.
Возможно, это все на небесах:
Не зря же существуют гороскопы.

Нам плесени комок водвинут в грудь,
И в хворост обратились наши жилы.
По городу-музею как-нибудь
Плетется мысль, обутая в бахилы.

2014

80

Я в растерянности: мне почти
80. Как я могла до этого довести?
По частям осторожно: костыль, нога, поясница
Водружаю себя на поребрик. Встречаю взгляд,
Полный покоя, с которым n лет назад
Я читала Шаламова, сливой кропя страницы.

Я бреду тротуаром. Наперерез
Ринулся яркий флаер, мелькнул, пролез
В тряскую руку, что стала б охотно веткой,
И разместился – на «никогда потом» –
В сумке, что вся обернулась дном,
По соседству, может быть, с черной меткой
Или повесткой в казенный дом.

2014

Ночь на Ивана Купала. Гражданская лирика

Когда пришла пора волшебной трости,
Стучащейся в холмы, и пал Симсим,
Земля взяла и выплюнула кости,
Пресытившись довольствием своим.
И Пушкин, всех румяней и белее,
И прочие – грустны, как сохлый ствол:

Они порой и мертвые болеют,
Когда особо яростен футбол.

Кольчуги и пилотки. Пир сорочий.
Из мусора и времени рагу.
Как будто кто задрал покровы ночи,
И всё, во что играем на лугу,
В разгаре. Но терять прилюдно память,
Кровь отворять, хватать за купола –
Всё принято. Равно слепят и манят
Загар, и снег, и на снегу тела.

2017

Одиссея

если не око, а только щит,
напрасно кто-то был прав, напрасно
дело как-нибудь обстоит,
и настоящим надутый парус,
сделанный из лоскутьев сна
оттиску равен на плащанице,
в ракушке морю, клочку руна,
тому, что всё же смогло присниться
только по случаю целиком.
а как бы сверкала нам в горе суша,
и манка, скатавшаяся комком,
как ниспадала бы в наши души!

если не спасся, а уцелел,
то, вероятно, особо сладок –
даже в нужде – перепавший хлеб.
и красен тот помидор, и шаток

мир, если сразу всего не съесть.
но вереницей удержан стражи
город. А мы для нее –
не твердь.
цель мы ничья, но земная персть.
и значит, стрелы по праву наши.

2016

Вечное возвращение. Гражданская лирика

Их дерзость такова, что самый воздух пылок.
И души вновь спешат, одетые легко,
Не в очередь пройти сквозь сети мелких жилок,

Чтоб после штурмовать игольное ушко.
Я из-за них сумел забыть, как кости белы.
Запал не жуткий клип, но музыка, скорей.
И снова я вернусь – видать, меня заело –
Под небо, жидкое от света фонарей.
Зовет аппендицит. Как долго я – прохожий.
Карманы глубоки, не греет коньячок.
И знаю, что глядит, но что она там может –
Звезда, далекая, как суженный зрачок...

2017

Городок

Мы давно уже жили практически на авось,
мы себе положили в своих не пугаться странах,
но город приходит к нам, словно взрослый гость,
со своей штукатуркой. Руины в его карманах.
Хочешь тех закоулков, где ты играл один?
Там прорезался каменный зуб, набежал бассейн.
И в город, живущий во всю широту штанин,
долетает на лаковых крыльях иное семя
и гужуется в яркой пластмассе. И только им
и дано понимать, с какого тут нужен боку
вертоград перекладин, последний Рим,
наконец-таки обретенный оком.
Все нам снился, покуда еще спалось,
двор, состоявшийся вместе с пылью,
вот и солнце восходит, и белою стала кость,
и выпали за подкладку будущего без усилья.

2016

***

Мой сложный сон к земле меня привлек.
Но подрасту, и от холма отнимет.
Не то, когда, придерживая бок,
В столпотворенье строк лишь ищешь имя, имя.
Так, может быть, солдатская жена
Вагоны оставляет за спиною.
А в них звучит не встреча, а иное:
Гармошка, разговоры, тишина.
Придет тебя связать пустой рукав.
Но вывезут ли то, что позабыла,
Расплесканные в поисках чернила?
Мелькнуло ли лицо? Прошел состав.

2013

Конец девяностых, или Апокалипсис ни о чем

Первый ангел был машинистом. Он дал гудок,
И весь мир наводнили вагонные разговоры,
Бесконечные, как и путь до станции назначенья.
Говорить было несколько стремно. Представь себе:
Вот пойдешь покушать, проглотишь люля-кебаб,
И в печенках осядет маленькая машинка,
И кому-то не нужный твой трепетный жалкий ливер
Порвется на слове «лампа» или «пятно».
Следующий ангел дунул, скорее всего, в свисток.
Появился огромный зал. На полу бумага.
Все присели на корточки и рисовали споро
Что-то по поводу первой любви. Но чу! –
Третий ангел хлопнул в ладоши, и двинулись хороводы
Из тех же людей, по этим самым листочкам.
И кто-то нырнул нам под ноги, чтоб выудить свой рисунок.
Это, возможно, и был его смертный час.
После еще я думаю, что трубили,
Но никто не слышал. Лично я превратилась
В прозрачную суетящуюся фитюльку
В луже, избавленную от последней тайны.
А надо мной началась обычнейшая чума.

2017

Сергей ДИГОЛ

ЗЕРКАЛО ВЕРОНИКИ

Короткий детектив с молдавским акцентом

– Ну и как тебе сюрприз? – спросил я и открыл ей мир.

Кто-то ради этого безуспешно растрачивает собственную жизнь, мне же – сущий пустяк – пришлось лишь сдернуть пелену своих ладоней с ее глаз.

Спросонья Вероника пялилась на привычный вид с балкона, и я, дыша жене в затылок, мог на спор засвидетельствовать в ее глазах раздражение, которое она так удачно скрывает от непосвященных. Меня-то ей не провести, я за десять лет брака научился его безошибочно определять. Это чуть заметное подергивание крыльев носа, которое можно принять за признак надвигающегося чиха, на самом деле симптом кое-чего пострашнее. Закипающий вулкан ее ненависти, вот что это такое. Извержение, который никогда не находит выхода. Иногда я думаю, что лучше бы она наорала на меня, закатила истерику, наконец, расколотила б тарелку о кафельный пол в нашей кухне. Все что угодно, только не едва заметные движения носом. Только не ее свинцовое спокойствие, которое однажды – и это я тоже знаю наверняка, – закончится нашим с ней разрывом. В противном случае Вероника взорвет себя изнутри.

А все эта ее работа. Это благодаря ей жена без видимых усилий подавляет в себе даже самые неудержимые эмоции. Вероника – следователь центрального комиссариата полиции Кишинева, и только за прошедший год на ее счету четырнадцать раскрытых краж. Она на хорошем счету, о ней уважительно отзываются коллеги и боятся преступники, что, тем не менее, никак не укрепляет нашей с ней уверенности в завтрашнем дне. Каждый год в обязательном порядке просачиваются слухи о грядущих сокращениях, и уверенно себя чувствуют лишь некоторые сотрудники полиции. Как правило, начальники разных уровней, обязанные своим положением родственникам и кумовьям, которым в свою очередь посчастливилось пробиться в еще более высокопоставленные начальники.

В этом смысле Веронике крупно не повезло. Ее родители, провинциальные учителя на пенсии, теперь сводят концы с концами. Из меня же босс не вышел ни разу, а интернет-издание comma.md, куда я пишу уже шестой год – четвертое место работы в моей журналистской карьере. Все, что я могу предложить жене – это услуги моей интуиции, да и та безупречно работает разве что в отношении ее самой. Вот и сейчас интуиция меня не обманывает: шмыгнув носом, Вероника быстро находит в виде за нашим окном одно-единственное отличие по сравнению с вчерашним вечером. То самое, ради которого мы нелепо передвигались к балкону из спальни: она, временно ослепшая, впереди и я, плетущийся сзади, едва не наступающий ей на пятки, прикрывающий своими ладонями ее глаза. Единственное отличие – это слова, которые мы видим на стене напротив и которые я произношу вслух.

!!!ЮЛБЮЛ ЯБЕТ Я АКИНОРЕВ

Сергей Дигол родился в 1976 году в Молдавии. По образованию историк, работает в рекламной сфере. Автор романов «Утро звездочета», «Подлинные имена бесконечно малых величин», «Диагноз Веспуччи», повестей «Старость шакала», «Посвящается Пэт», «Пантелеймонова трилогия». Произведения входили в лонг-листы литературных премий «Национальный бестселлер», «Русская премия», «Премия И. П. Белкина». Публиковался в журналах «Волга», «Нева», «Москва», «Дружба народов». Живет в Кишиневе.

***

– Ну и что это такое? – развернувшись, Вероника посмотрела на меня с деланым равнодушием.

– По-моему, это граффити. Как думаешь?

«Перестань придуриваться», сказала бы любая другая жена. Вероника же только вздохнула, точно зная, что этим самым загоняет меня в тупик. Уж лучше с десяток пощечин или даже, в нарушение кодекса неприменения профессиональных навыков в семейной жизни, бросок через бедро с последующим болевым приемом. Она же, вздохнув, вернулась к ежедневным утренним обязанностям, первое из которых – завтрак для семейной бездетной пары.

Уже за столом Вероника прыснула так, что кусочек сыра из ее рта спикировал в мою тарелку.

– Ой! – прикрыв рот ладонью, она умасливала меня виноватым взглядом, – я только сейчас догадалась. Вероника, я тебя люблю? Только наоборот, да?

В награду за догадливость, пусть и непростительно запоздалую для грозы воровского мира, я наградил жену максимально возможным для торопливого завтрака жестом. Неспешно поднял выплюнутый кусочек сыра и медленно отправил его в свой рот. Сыр как сыр, без посторонних привкусов. Может, все дело в том, что я позабыл, какова она на вкус, моя Вероника?

– Мм, – сморщилась она, – перестань.

– А может, я напрашиваюсь на утренний секс, – сказал я.

– Тем более перестань, – Вероника кивнула на настенные часы. – Если через пятнадцать минут не выйдем...

Вероника не закончила фразу, но и так все было ясно. Пятнадцать минут – нам всегда не хватает их для семейного счастья. Ее пятнадцати минут, на которые она опаздывает каждое утро. Моих пятнадцати минут по вечерам, когда, вернувшись из душа, я застаю ее в постели и, увы, далеко не в романтическом настроении. Четверти часа, проведенных мной под теплым проливным дождем в душевой кабинки, обычно хватает, чтобы Вероника крепко уснула и проспала до самого утра. Стоит ли удивляться, что мы до сих пор так и не завели детей?

– Брось, дело не в сексе, – говорит она в ответ на мой привычный упрек, и я оглашаю комнату хохотом.

– О, да, нам детей выдадут вместо тринадцатой зарплаты, – утираю я слезы смеха. – Дочь достанут из редакционного ксерокса, сына обнаружат у скупщиков краденого.

– Не смешно, – пожимает плечами Вероника, не расщедрившись на оскорбление даже в ответ на мою плоскую шутку.

И потом, она знает, что я прав. Нас и в самом деле мало что связывает – в физиологическом смысле. Что не мешает нам быть мужем и женой, и вот уже десять лет идеально дополнять друг друга.

По крайней мере, в профессиональных интересах.

***

За Веронику мне никогда не бывает страшно, что при ее работе – мой огромный минус. Опасаюсь я одного – что однажды, потеряв работу, супруга лишит меня единственного источника информации. Ведь я – репортер криминальной хроники и, если быть до конца откровенным, инициатор нашего своеобразного семейного подряда. Вероника заботливо подносит снаряды, которыми я взрываю молдавский интернет. «Адвокат Ион Бузу может быть причастен к торговле людьми». «Почему полиция скрывает факт задержания фуры с героином?» «Днем в “элитном” ночном клубе снимают порно». «Новая версия в деле об убийства бывшего депутата».

Кстати, в связи с последним заголовком в редакцию нашего сайта пришли с обыском – в третий раз за последние пять лет. Для Андрея Сырбу, главреда comma.md, очередной визит людей в масках – совсем не катастрофа. Более того, он их заждался, ведь с последнего такого визита, способного довести до инфаркта любого представителя офисного планктона, прошло уже больше двух лет. Достаточный, надо признать, срок, чтобы поднадоесть очередным владельцам сайта.

Ну да, очередным, ведь Андрей – подлинный инноватор в отношениях с работодателем. Собственно говоря, созданный им сайт он не без основания продолжает считать своей собственностью, хотя продал его еще до моего прихода при условии сохранения редакторской должности. С тех пор сайт перепродавали еще дважды и, вполне возможно, скоро продадут снова. Для нашего сайта очередная замена хозяина – как смена панциря: сбросил грузную омертвелую оболочку и словно заново родился. Сырбу же умудряется из каждого кризиса извлечь максимум прибыли, заранее оговаривая свой процент в случае очередной перепродажи. Собственно, он сам провоцирует внештатные ситуации и мастерски зарабатывает на них. В конце концов, каждый кризис – начало нового расцвета, разве не так?

В первый раз на сайт серьезно наехали в две тысячи шестом, когда Андрей вывесил разоблачительный материал о сахарной мафии братьев Жосану. С изданием я тогда еще не сотрудничал, но отлично помню, о чем болтали чуть ли не на каждом углу. Сайт – мертвец, Сырбу – труп. Вероятно, этим бы все и закончилось, не запусти Андрей движение уже зацепивших его за штанину зубцов смертоносной шестеренки в противоположную сторону. Не такая уж невыполнимая задача, если, конечно, под руку подвернулся соответствующей прочности лом, которым можно заклинить пожирающий тебя механизм. У Андрея такой лом нашелся, он заранее припас его, понимая, что атаковать «сахарных братьев» можно лишь при наличии уверенности, что тебя самого не растворят, как рафинад в кипятке.

Оказалось, еще до публикации Андрей вышел на доверенных людей криминального авторитета Нику – того самого, которого при грабительской приватизации двух сахарных заводов обошли братья Жосану. С тех пор между группировками тлел огонь войны, время от времени разгоравшийся до степени пожара при разделе очередных объектов государственной собственности. Андрей, безусловно, рисковал, тем более что свидание пришлось на период относительного затишья – мало ли чем это могло закончиться для него самого? И где гарантия, что самолично полезшего в капкан редактора сайта не принесут в жертву собственным врагам? Жертву, безусловно, ритуальную, но оттого не менее своевременную – хотя бы с точки зрения отвлекающего маневра?

Андрею повезло: Нику не стал просчитывать этот вариант. В своем желании рассчитаться с конкурентами он, пожалуй, позабыл, что месть – это блюдо, которое нужно подавать в холодном виде. Забыл и оказался на крючке у Сырбу, который добился главного – опекунства одной из главных криминальных группировок Молдавии. И – финансирования из соответствующего источника, которое довольно быстро стало иссякать по мере того, как вместо необходимых заказных материалов Сырбу все чаще кормил представителей Нику разглагольствованиями о фирменной редакционной политике, о необходимости отвечать ожиданиям читателей и, главное, особо упирал на интересы рекламодателей. И это при том, что последний пункт был и остается для сайта самой что ни на есть болевой точкой.

Рекламу на сайте размещают не то что неохотно: пожалуй с мозолящими глаза баннерами на comma.md заметен серьезный перебор. Плохо другое. Стоит размещение такого баннера смешных денег, и на все убедительные спичи Андрея о том, что пора бы такому респектабельному изданию, как наше, платить за размещение своего логотипа достойные деньги, рекламодатели, словно сговорившись, вместе и поодиночке срезают красноречивого редактора одним простым аргументом. Покажите посещаемость, просят они. У новостного сайта в Молдавии есть потолок посещаемости, а больше мы нигде и никому не интересны. Отсутствие глобальной перспективы Андрей, как может, компенсирует своим природным авантюризмом, что до сих пор сходило ему с рук.

В чем, кстати, немалая моя заслуга. Ну да, моя – ведь это я выбрал себе в жены правильную женщину. Что, кстати, признает и Андрей, ежегодно повышающий мне зарплату. Ведь кроме информации, которую я конвертирую в кричащие заголовки и пусть не такую и звонкую, но все же монету, Вероника делает для нас кое-что более важное – сообщает, как отмазаться в случае очередного наезда на издание. Что куда опасней, чем банальный слив. Даже в тех случаях, когда ее информация не особо-то и помогала, ее усилий хватало на то, чтобы самой едва не попасть под

раздачу. Не знаю, что в эти моменты меня беспокоило больше: то, что она меня бросит, или что ей, наконец, надоест подставлять себя ради моих призрачных карьерных перспектив.

По большому счету, пик криминального жанра в журналистике сошел на нет, в чем не без горечи признается и сам Сырбу – между прочим, бывший журналист когда-то сверхпопулярной в позднем совке газеты «Частный детектив». Я был еще пацаном, когда газету раскупали как пирожки на вокзале, и каждая полоса привлекала читателя изображением если не обнаженной шлюхи, то обезображенного трупа. С окончанием расцвета печатной чернухи Сырбу вернулся на родину, где вовремя сориентировался и вместо новой газеты вложился в интернет-издание.

Не уверен, что он представляет себе наше долгосрочное сотрудничество. Я оказался на странном перекрестке: между сомнительным профессиональным будущим и подозрительным затишьем в семейной жизни, когда любовь, похоже, прошла, а детей мы так и не завели.

***

Председатель домкома Владимир Борисович смотрел на меня как на пришельца. Еще бы, ведь за десять лет я впервые удостоил его личным посещением – у председателя от неожиданности даже приподнялись обычно обвисшие усы. Похоже, моя просьба произвела на него эффект бомбы, разорвавшейся прямо на пороге его квартиры, где мы топтались, тупо глядя друг на друга и перебрасываясь короткими фразами.

– Открытки, – сказал председатель.

– Да, новогодние открытки, – подтвердил я.

– Было такое, – кивнул головой председатель.

Помолчав, я шмыгнул носом.

– Это же ваша идея, – напомнил я, – поздравить с Новым годом жителей нашего дома.

– Припоминаю.

– Лет пять назад.

– Да побольше будет. Вы тогда отказались.

– Да вот, – виновато поджал я плечи, – теперь созрел.

– Да-а-а, – протянул председатель.

Мне-то казалось, что трудностей не возникнет, да и легенда правдоподобная. Он действительно предлагал мне написать текст открытки, и, пожалуй, это действительно случилось более пяти лет назад. На дворе октябрь, самое время вернуться к идее.

– Появилось свободное время, – соврал я. – И потом, с годами появляется желание делать добро просто так.

Старший меня лет на двадцать Владимир Борисович лишь покачал головой.

– Это, поверьте, еще не то желание, – сказал он. – Ну так от меня что требуется? Деньги на открытки, так и быть, найдем. В конце концов, добавлю свои, если не хватит.

– Я сам могу добавить, – подхватил я. – Мне бы список жильцов.

– Список?

– Поименный, – подтвердил я. – Хотелось бы каждому написать отдельное поздравление. Представляете, как будет здорово, когда люди поймут, что каждый получил свое, личное послание? Еще и подписанное Дедом Морозом?

– Это конечно да, – почесал затылок председатель, – но в доме девяносто квартир. Двести шестьдесят пять жильцов.

– Вот и прекрасно! Или вы сомневаетесь в способностях моего пера?

– В чем, простите?

– В журналистском таланте?

Председатель взмахнул руками.

– Боже упаси! Мне лишь казалось, что это займет много времени.

– Ерунда, – бросил я. – Подумаешь, недельку вечерами посидеть. Так как насчет списка?

***

Ревность – затягивающая штука. Главное – убедить себя, что ревнуешь. Мне, похоже, удалось: достаточно было пробежать глазами по списку жильцов и убедиться, что в нем есть лишь одна Вероника – та, что прописана в одной квартире со мной. Ревность затягивает, почти как наркотик. А еще стимулирует мышление и память. Приревновав Веронику, я вспомнил про Дориана.

У Дориана Чекана я проработал два года, еще до comma.md, но при этом умудрился не спиться. Дориан уже тогда был алкоголиком, оставался он им и сейчас. В эпоху нашего с ним сотрудничества он возглавлял газету «Маркет-плюс», биржевое издание, извлекавшее основной доход от публикации банковских отчетов и сомнительных объявлений. Когда-то его дела шли неплохо, но потом появилась газета «Маклер», а затем и того хуже – интернет, и газете Чекана пришел конец. Я покинул его намного раньше, когда Дориан перестал реагировать на мои просьбы о повышении зарплаты. Свои требования я последовательно снижал, и когда дошел до символического повышения на 1 доллар, Дориан вышел из себя. Он был, как всегда, пьян, но как будто протрезвел, вполне трезво и логично утверждая, что не позволит подобным образом унижать своих сотрудников. Когда же я попытался поговорить серьезно, он заныл про кризис и был, в общем-то, прав. Вместо повышения зарплаты он предложил мне выпить за упокой газеты, и мне ничего не оставалось, как составить ему компанию. На следующий день я уволился.

Теперь Дориан называл себя независимым журналистом, ежедневно надирался до чертиков и был особо презираем теми, кто помнил его по предыдущим успехам. Втюхивать статьи ему все еще удавалось в начинающие журналы с состоятельными, но неопытными инвесторами, как правило, шедшими на такое неверное дело по прихоти своих настырных любовниц. У Дориана был нюх на такие проекты. Дорвавшись до очередного редакционного офиса, он писал все материалы для первого номера, после чего срывался в запой, ограничивая свои функции пьяными поучениями, которые неизменно заканчивались скандалом с увольнением. Еще через пару месяцев закрывался еще до рождения обреченный журнал, и Дориан, устраиваясь в новую редакцию, торжественно объявлял свое увольнение главной причиной краха очередного издания-однодневки.

Я позвонил ему после того, как с трудом нашел номер его телефона. Он оказался в записной книжке моей старой «Нокии», о которой я успел позабыть и которая включилась лишь после трех часов непрерывной зарядки. Аккумулятор в телефоне был сдохший, совсем как карьера Дориана. Впрочем, о нем я вспомнил в связи с чуть ли не самым лучшим материалом Чекана, статье о культуре граффити в Молдавии. Был ли Дориан в завязке, пил ли беспробудно, пока писал статью, не имело значения – настолько блистательным выдалось расследование. Кульминацией стал видеоролик, записанный с одним из граффитистов – меня-то, каюсь, все подмывало называть из граффитчиками. Вообще-то это было очень круто – напечатать в 2007 году, в молдавском журнале, ссылку на ролик в Youtube, который в те времена лишь начинал свое победоносное шествие по миру. На этом Дориан и погорел – не в первый, но и не в последний раз. Люди покупали журнал, но ролик не находили: Чекан ушел в запой прежде, чем выложить его в интернет. Само собой, журнал в скором времени закрылся.

Когда мы встретились, Дориан был трезв как стеклышко, хотя и выглядел постаревшим лет на тридцать: обвисшие щеки, глубокие морщины на темно-багровом лице, неистребимые мешки под глазами. Завершали вид хронического алкоголика зачесанные назад жирные волосы. По тому, как он быстро поскучнел, я понял, что он рассчитывал на приглашение в новый проект и потому с заметным разочарованием откликнулся на просьбу вспомнить каких-то граффитистов. Впрочем, я это просчитал, в нужный момент раскрыв принесенный с собой пакет.

– Лучше б водку взял, – сказал Дориан, доставая из пакета две бутылки виски.

– Водка не проблема, – сказал я. – Проблема в нужной мне информации.

За водкой мне все же пришлось сбегать. Ну как, сбегать – неуверенно передвигаться. И если этот, крайне проблематичный поход в ларек за углом я, хоть и с пробелами, еще помнил, то окончание вечера, с расставанием и усаживанием меня Дорианом в такси, отпечатались лишь в памяти моего собутыльника.

После этого Вероника не разговаривала со мной два дня, так что в виде прощения я уже готов был самолично закрасить граффити в нашем дворе. Спас меня Дориан, позвонивший на третий день.

– Я же тебе обещал телефон, – сказал он. – Ну этого, графолога. Или граффитчика?

– Граффитиста, – напомнил я.

– Ну да. Так что, встречаемся?

– А продиктовать не можешь?

– Могу. Только водку вперед.

– Не, я пас, – решительно отказался я.

– Да мне похер, что ты пас. Водку подгони – будет телефон.

Семь цифр мобильного телефона стоили мне трех бутылок «Kvintoff» тираспольского разлива. В качестве бонуса к номеру телефона Дориан продиктовал адрес дома и номер квартиры – почему-то в виде букв FM, – а еще пароль, без которого, по его словам, со мной и разговаривать не станут.

По указанному адресу я нашел захудалую пятиэтажку без единого стеклопакета. Перекошенная дверь в подъезд была, вероятно, ровесницей дома. Я трижды поднимался на пятый этаж, но так и не обнаружил нужной мне квартиры и, выслушав сообщение телефона о недоступности абонента по имени Дориан, в отчаянии спустился в подвал. К моему удивлению, там оказался общественный туалет, дверь в который была заперта. Я вышел на улицу, еще несколько раз набрал номер отключенного телефона Чекана, и уже собрался уходить, когда меня осенило. Спустившись в подвал, я понял, что стою у цели, и что две таблички с мужским и женским силуэтами обозначают дверь, за которой я рассчитывал открыть, возможно, главную тайну собственной семейной жизни. Ее, так сказать, отражение – совсем как буквы M и F, рокировавшиеся в заспиртованной памяти Дориана.

Я постучал. Потом еще дважды – решительнее и дольше. Подождав с минуту, я решил, что нет смысла выдавать свое присутствие, не услышав пароля.

– Это по поводу девятимиллиметровой фанеры, – сказал я, наклонившись к двери.

Никто не ответил, и оценить всю глубину моего позора не мог даже единственный его свидетель. Наверняка Дориан уже валялся в пьяном забытье, предварительно отключив телефон. Я уже развернулся, и тут за моей спиной послышался грохот засова, и дверь немного приоткрылась. Я повторил пароль, ожидая обещанного Дорианом отзыва. «Есть только шестимиллиметровка», вот что должны были ответить.

Не дождавшись отзыва, я пожал плечами и шагнул в темноту.

***

Шума за спиной я не услышал. За то мгновение, как что-то тяжелое, звякнув по лбу, сбило меня с ног, я не успел понять, что тени, закрывшие дневной свет за моей спиной – это отряд спецназа. Понял это тот, кто двинул меня по голове – потому и двинул. После того, как ко мне вернулась способность поддерживать разговор – на третьи сутки в больнице, – я первым делом спросил Веронику именно об этом. Чем меня двинули по башке. И сам же предложил версию.

– Баллончиком из-под краски? – спросил я, рассчитывая на утвердительный ответ.

Челюсть, кстати, двигалась свободно. Первое чувство не подвело меня – удар действительно пришелся в лоб, чуть левее от центра. Спасибо, что по касательной, в противном случае рассечением тканей и сотрясением мозга дело не ограничилось бы.

– Если бы баллончиком с краской, – вздохнула Вероника и взяла мою руку в свою ладонь. – Ударил тем, что подвернулось под руку. К сожалению, подвернулся огнетушитель. К счастью, он бил в полной темноте – почти что промахнулся.

– Все будет в порядке, – сказал я, думая, что утешаю ее. На самом деле мне стало до слез обидно и жаль себя. – Как ты... как вы в полиции узнали?

Она вздохнула, рука выскользнула, но я успел почувствовать, как повлажнела ладонь Вероники.

– Да случайно. Можно сказать, мы оказались в месте пересечения двух векторов.

– Каких еще? – я почувствовал, что мне нелегко говорить. Голова будто тяжелела от обилия слов, ее и моих.

– Об одном векторе знаем мы оба. Это твой интерес к граффити в нашем дворе. Второй же – это дело, находившееся в оперативной разработке нашего отдела. Так получилось, что пересеклись они в одном и том же подвале. Мы просто немного проследили за тобой, правда, чуть не опоздали со штурмом.

– Вы следили за мной? – наморщив лоб, я усилил головную боль до предела. – И ты об этом знала?

Она вновь взяла меня за руку, на этот раз за запястье.

– Я организовала слежку. Исключительно в рамках уголовного дела.

Кажется, удар огнетушителем повредил мне сознание. Неужели я сплю, а Вероника – лишь часть моего кошмара?

– Понимаешь, – сказала она, подавшись вперед и понизив голос, – вот уже месяц, как у нас в разработке эта группа... В общем, – она перешла на полушепот, – дело нам, по большому счету, спустили сверху. Эти ребята, ну которые рисовали граффити. Они работали на бывшего, – Вероника оглянулась, – ну на бывшего сам знаешь кого. На того, который возглавлял правительство. Ну, которому дали шестнадцать лет. Парни делали граффити с символикой его партии, получали деньги наличными. Граффити замазывали, они снова рисовали. Никаких контрактов, никаких лицензий на политическую рекламу. Никаких налогов – оплата только налом. Между прочим, прекрасная оплата. Ребята снимали офис в центре – двухэтажный особняк всего на пять человек. Собственная охрана, пропускной режим. Пока не посадили хозяина.

– Постой, – перебиваю я, – Дориан...

Я замолкаю, но Вероника лишь усмехается.

– Да знаю я, – говорит она. – И про алкоголика этого, и про... – она срывается в смех, – в общем, про все знаю. Говорю же, мы вели тебя все последние дни.

– Я хотел сказать, что еще за еще офис такой. Про подвал мне Дориан и рассказал.

– Ну, когда на них выходил твой Дориан, они действительно арендовали подвал. В него же и вернулись, как только закончилась малина.

Вот это поворот!

– А я, кретин, пароль заучивал.

– Насчет пароля – это они, скорее всего, издевались над твоим алкашом. А может, тогда для них тогда это было важно. Типа, они такие неуловимые, как этот, как его, англичанин. Ну, который самый известный граффитчик.

– Граффитист, – мрачно поправил я. – Бэнкси.

Мы помолчали.

– Знаешь, – сказал я, – как-то все это унизительно получается. Ты использовала меня как наживку.

Наклонившись, Вероника положила ладонь на уцелевшую область моего лба. Я было дернулся, но внутренний маятник в голове, умудрившийся ударить изнутри сразу в оба виска, заставил меня застонать и затихнуть.

– Бедняжка! – ее губы коснулись моей щеки. – Понимаешь, это дело из тех, от которых нельзя отказываться. Посмотри, что в стране творится. Каждый день вяжут кого-то из команды бывшего. Даже из тех, кто переметнулся и считал, что предал вовремя. Идет серьезная зачистка, шутки закончились. Добрались и до сошек, вроде наших художников. Парней покошмарят и отпустят, этим, что наверху, главное – собрать компромат на окружение бывшего. На всех, кого еще не подмели. Советники, пиарщики – все, кто придумал эту историю. Кто налом расплачивался, покрывал ребят, организовывал незаконную охрану.

– Наша доблестная полиция на службе у политических киллеров? – искривился я.

Вероника и глазом не повела.

– Веришь, впервые в жизни. До этого грешила лишь твоими личными заказами.

Я отвернулся и болезненный маятник вновь напомнил о себе.

– Не вертись, – сказала Вероника. – От меня не отвертишься. На самом деле ты нам очень помог. Я и представить не могла, что твоя ревность наведет меня на след.

– Господи, Вероника! – застонал я. – Какая еще ревность?

– Граффити во дворе, – напомнила она. – В конечном счете, из-за ревности ты и оказался на больничной койке.

– Я тебя умоляю. Ну какая ревность?

Я, должно быть, выглядел заискивающим лизоблюдом. Вероника же едва заметно повела бровью.

– Хм, значит, не ревновал?

– В этом смысле? А, ну тогда, конечно. Я просто не хотел вспоминать, не хотел опять обижать тебя подозрениями.

– Зато у меня, любимый, подозрений не осталось. Есть лишь голые факты.

Я вдруг почувствовал холод в ногах.

– Какие же?

– Например, зеркало заднего вида.

– Какое зеркало?

– Заднего вида. Такие бывают только в автомобилях, нет?

– Ну? А при чем тут...

– Я на самом деле случайно заметила, метров за десять до подъезда.

– Мимо чего ты проходила, Вероника?

– Ниссан примера, кофейного цвета. Ты замечал его в нашем дворе? Еще так нагло паркуется на бордюре, прямо у перекладины, на которую ковры вывешивают.

– Можешь дать мне воды? – у меня в горле и правда пересохло.

– Конечно, - она подала стакан. – Поднять подушку?

– Так нормально, – сказал я и сделал пару глотков. – Так что с этой машиной? Господи, у нас во дворе кто только не паркуется!

– Хорошая, кстати, была идея – узнать у председателя имена всех жильцов.

Я чуть не поперхнулся водой.

– Откуда ты знаешь?

– От него, от кого же еще.

Вероника улыбнулась.

– Да не закладывал он тебя. Принес, как он выразился, черновик поздравления. Просил передать тебе и по возможности учесть. Ты ведь взялся за написание новогоднего поздравления жильцам нашего дома?

– Угу. Поздравлений. Каждому свое.

– Ну да, каждому свое. Жильцам – поздравления, мне – подозрения.

– Ну прости, пожалуйста! – стыд и в самом деле затмил мою жалость к себе.

– Тогда-то я и поняла, что ты всерьез взялся за расследование. И меня, знаешь, озарило. Чтобы закончить свое расследование, мне нужно просто следить за тобой: ты сам выведешь меня на граффитчиков. Ну, то есть, на граффитистов. И еще, если никакой другой Вероники в доме нет, значит, ее нужно искать среди тех, кто так или иначе регулярно навещает наш дом. Про зеркало я сразу догадалась, только вот не сразу поняла, что речь об автомобильном зеркале.

– И кто же это?

– Еще одна Вероника? Помнишь швейное ателье?

Я нахмурился.

– Это которые? Те, что арендуют подвал в первом подъезде?

Вероника кивнула.

– Они самые.

– Директорша?

– Старшая швея. Это ее ниссан.

Я присвистнул.

– Сколько же они получают? Я-то думал, они там в подвале копейки считают.

Вероника усмехнулась.

– Неужели ты ее не замечал?

– В смысле? – не понял я.

На лице Вероники появилось подобие религиозного обожания.

– Она красавица!

– Ты это серьезно?

– Даже не представляешь! Что ниссан – да ей с такой внешностью и феррари мало!

– Швея, значит?

Вероника хмыкнула.

– А что, девочка права. Не стоит отрезать все концы ради... ради...

– Ради одного-единственного конца?

– Очень смешно! – скривилась жена. – Зато у нее есть выбор. Оставить того, кто есть, или выбрать другого. Да хотя бы автора любовного послания на стене.

Тут меня осенило.

– Ты с ней говорила! – воскликнул я.

– Да, и она подтвердила мою гипотезу. Даже позволила посидеть за рулем своего ниссана. Странно, – усмехнулась Вероника, – в тот момент казалось, что признание в любви адресовано мне.

– Постой, – спохватился я. – Вы, случаем, не арестовали ее воздыхателя? И не он ли огрел меня по башке?

– Вполне допускаю, что рука, выводившая граффити в нашем дворе, и рука, схватившая огнетушитель в подвале – одна и та же рука. Мы это еще не выяснили. Ясно лишь, что она точно не принадлежит тому, кто спит и видит себя с Вероникой: ему ради украшения стены пришлось раскошелиться. Кстати, ты заплатил бы за граффити в мою честь?

Я промолчал.

– Ну ладно. Ну перестань, – рука Вероники снова коснулась моей руки. – Не дуйся, ты же у меня мужчина.

Я все еще молчал.

Придерживая юбку, Вероника поднялась. Прошлась по палате, остановилась у окна. Постояв так с минуту, обернулась ко мне.

– Хочешь знать, кто ты? – спросила она. – Ты – волшебник.

– Да-да. Сраный Гарри Поттер.

– Может и сраный, но настоящий волшебник.

Улыбнувшись, она поправила волосы.

– Ну что еще? – устало спросил я. – Что ты смеешься?

Распахнулась дверь, и в палату вошла медсестра.

– Пора делать капельницу, – сказала она Веронике.

– Да-да, конечно.

Набросив на плечо ремень от сумки, жена склонилась над моим лицом.

– Так что, хочешь знать? – прошептала она.

Ее волосы щекотали мне щеки.

– Что именно? Почему ты смеялась?

– Почему ты волшебник, – и она поцеловала меня в кончик носа.

– Неудобно, – сказал я.

– Что, целуюсь?

– Перед медсестрой неудобно, – шепнул я.

– Подождет, – шепнула Вероника, загораживая собой гремящую стойкой капельницы медсестру. – Не каждый же день целуюсь с волшебником. Девять месяцев после десяти лет – это ли не волшебство?

– Правда неудобно, – сказал я, но Вероника уже поднялась и быстро пошла к выходу.

– Что ты сказала? – спохватился я. – Вероника! Что ты сказала?

– Не кричите, вам вредно волноваться! – подкатив стойку к кровати, медсестра решительно схватила меня за руку.

– Все-все! До завтра! – и прежде чем исчезнуть за дверью, жена послала мне воздушный поцелуй.

– Да не дергайте же рукой! Что с вами?

Взгляд медсестры говорил, что перед капельницей было бы неплохо вколоть мне успокоительное.

– Вы слышали? – спросил я ее. – Вы слышали, что она сказала?

– Молодой человек, да успокойтесь уже! Завтра спросите, – и воспользовавшись заминкой, она обездвижила меня уколом иглы в вену.

Словно в отместку установив мучительно большой интервал между каплями, медсестра напомнила, что в любой момент я могу рассчитывать на ее появление. Если, конечно, почувствую ухудшение – для этого в стене у изголовья есть кнопка вызова.

– А лучше всего, вздремните, – посоветовала она.

Когда дверь в палату закрылась, я остался наедине с капельницей и с собственными мыслями. Стоило, пожалуй, признать, что давно я не чувствовал себя так плохо и уж точно никогда – так вдохновенно.

Ничего мне не послышалось. Прошло всего-то минут десять, как Вероника сказала, должно быть, самые главные слова в своей и, уж точно, в моей жизни. Я слышал их так же ясно, как теперь видел капли в каплеобразователе.

Кап.

Кап.

Кап.

Десять лет. Девять месяцев. Я, должно быть, натворил уйму дерьма в этой жизни, и теперь, чтобы узнать величайшую новость, должен пройти хоть какое-то испытание. Сказать, что я дешево отделался, пожалуй, слишком пошло, и я, как могу, гоню мысли о сотрясении мозга, разбитой голове и больничной палате.

Все хорошо. Все будет хорошо. Тук-тук, тук-тук. Вот интересно – когда там, в утробе, начинается сердцебиение? Нет, не когда слышно на узи, или где там его улавливают. Когда начинается? Неужели сразу после слияния?

Господи, десять лет! Целых десять лет! Беременные – они тоже подергивают носом, и что это у них означает?

Медсестра права – мне лучше поспать. Может, получится обнулиться перед новой жизнью. Жизнью, в которой все поменяется – конечно, к лучшему. Так уж устроен человек. Даже если невыносимо трудно, в твоей жизни появляется смысл. Так уж вышло – только сейчас.

Все просто. И все – по-честному. Ты живешь для того, чтобы жили после тебя.

Кап.

Кап.

Кап.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

ВЕСНА 2017

***

В марте матрос разрывает тельняшку
И превращается в облако птиц.
Башня пизанская, храм-неваляшка,
Свечка провисшее небо коптит,

Змеи укрылись от снега под камень
Да и кораблик давно уж приплыл.
Чайки отчаянно машут руками,
Чтобы остудить тот октябрьский пыл.

Чтоб протрезвев в наступившем апреле,
Стены его подпирая плечом,
Не был случайно врагом он подстрелен
Прежде, чем в бунте замечен врачом.

2 марта

***

Дева в гипсе, но с веслом,
А поправится, со штангой
Встанет на борьбу со злом.
В цирке – новая Каштанка,

Гусь с повозкою в лугах,
И горнист, ударив в бубен,
На высоких каблуках –
Выбрит, чист и неподкупен.

Алексей Александров родился в 1968 году в городе Александров Владимирской области. Закончил Саратовский университет, работает инженером-конструктором. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», «Дети Ра», «Новый берег», «Урал», «Новая реальность», «Белый ворон», альманахах «Тритон» и «Улов», антологиях «Нестоличная литература», «Черным по белому», в сетевых журналах «TextOnly», «Цирк «Олимп»+TV» и др. Книга стихов «Не покидая своих мультфильмов» (New York: Ailuros Publishing, 2013).

Кто вас, бедные, сломал?
Виноград оплел террасу –
Выучи свои слова,
А к чужим не придирайся.

В зеркале танцует чорт
С опустевшим саквояжем.
Лето красное придет,
Галстук ласково повяжет.

7 марта

***

Корпус секретного прежде НИИ
Догрызают магазинчики и кафе
С хищными вывесками,
Шустрыми зазывалами,
Бесстрашно ныряющими в толпу.

Неповоротливый институт
Беспомощно хлопает дверью,
Понимая – скоро все кончится,
И новая партия дешевой одежды
Захватит зал на втором этаже,
А дети, визжа, побегут за мороженым
На третий, где всего лет семь назад
Люди в белых халатах с утра до вечера
Делали опытные образцы
Какой-нибудь важной детальки
Для оружия массового уничтожения
Макдоналдса и КейЭфСи.

10 марта

***

Принц госплана ест голубое сало,
Потому что он – заполярный волк,
Электричка трогается с вокзала
И смертельный делает кувырок.

Было вымя с хересом, очень вкусно.
Ангел лапкой трогает букву ю.
Из Кремля все время проходишь Курский,
Молоточки лед на реке куют.

Выбегает босс, выпускают джинна,
И машина резво летит на мост,
Из курантов выпавшая пружина
Загрохочет – волк прижимает хвост.

17 марта

***

Мы внутри голубого кита,
Он плывет меж цветными шарами,
И в наушнике ВИА гитар,
Словно поле, стоит под парами.

Солнце жабрами не шевелит,
Облака икряные вздымая.
Из трубы выливается литр
Неразбавленного первомая.

Не задерживай тару, не прячь, –
Говорят тебе некие трое –
Ты не холоден и не горяч,
Но процежен, оставлен, пристроен.

28 марта

***

Проснешься – снег, весна и нега
Разлитая, как молоко.
Последнего из печенегов
По следу вычислить легко.

Как возвратится из набега,
Армейским порохом пропах,
Помянет вещего Олега
Кумысом в свежих черепах.

Ему просроченную визу
Вчера вручили и ключи.
Уснешь – как будто телевизор
На Первом кто-нибудь включил –

Нашли степного иноверца,
Списали гордые нули,
На летнюю резину сердце
Заранее перевели.

31 марта

***

Пишите в стол, нам говорят,
Стихам в нем нужно отлежаться.

А если ящики забиты? –
Храните рукопись в комоде,
На антресолях, под столом
Обеденным, в коробках от
Осенних сношенных ботинок,
В машине, больше не стиральной,
И в холодильнике, чтоб пахли
Стихами фрукты и капуста.

Не дай вам боже в соцсетях
Или офлайн проговориться,
И в чате вслух произнести,
Забыв про ветви иерархий,
Зайти туда, где небожитель
Амбросию пьет и нектар
Своим мохнатым хоботком,

А дерево уходит вверх,
И листья сыплются, как буквы.

5 апреля

***

Последних людей на Луне зовут Юра и Герман,
Их контрабандой везли луноходы
И прятали в норах зайцы,
Они устали ждать помощи и хотят
Щей не из тюбика, настоящих котлет.

Вчера пришло приглашение на ток-шоу.
Последние люди думают: а зачем?
Нил умер, Георгий умер, и мы скоро умрем.
Холодно здесь, плохо растет овес.
Зайцы плодятся как заведенные.

Зайцы отгрызли антенну и забрались в дом,
Скачут по пустому столу и кроватям.
У них волновая природа, их невозможно поймать.
Земля – это лишь зеркальце у твоих губ.
И зрители кричат «браво», заглушая ответ.

13 апреля

***

Дорогу к даче перебежала ящерица.
Сева выкопал шмеля, и тот полетел.
Приходил Родион с собакой Лизой,
Поднялся ветер, и дом занесло
Лепестками цветущих яблонь.

И вот по колено в этом снегу,
Так и не спустившись к реке,
Наши тени ушли за помощью в город.
Собака Лиза взяла было след,
Но ящерица и шмель снова спрятались.

Будем дружить семьями, иногда воевать,
Кормить собаку Лизу сосисками-гриль,
Ждать возвращения ящерицы и шмеля,
Вспоминать новости, курсы валют,
Пока нас тоже кто-нибудь не откопает.

1 мая

***

Эта река прирастает ручьями,
В море вольется, волнуется раз.
Площадь, где ухает сердце как в яме,
Ночь, что давно, не вчера началась.

Вязкая словно мазут, подогретый
Памятью, что испаряется вмиг.
Тусклые лампочки лестничных клеток,
Тень у подъезда встает со скамьи –

На Первомайской в час воинской славы,
Орден Суворова, сам без ноги,
Там за столом подполковник Гиглавый
С рыбой вчерашние ест пироги.

Хвалит, «еще» говорит, наливая
Рюмку, жену свою теткой зовет.
Вот и отметка стоит нулевая,
Скоро и эту квартиру зальет.

9 мая

***

Дождь то выпустит иглы, то спрячет,
Птица в облаке ветхом мелькнет,
Вьется пар над напитком горячим,
И над ухом жужжит самолет.

Одуванчика желтые метки,
Мех зеленый, растаявший мох.
А соседа по лестничной клетке
Тащат к выходу, взяв за химо –

Просыпайся, просыпавшись в щели,
Стань еще одним мертвым цветком!
Видишь, споры твои полетели,
Словно дым над речным кипятком?

20 мая

***

Саратов спроектирован как райвоенкомат –
Здесь с потолка течет, поскрипывают доски,
В дверь постучишь, сойдешь под Сахалином,
Рассматривая, глаз закрыв, таблицы и картинки –

На выставку попал, где черный пистолет.
И рыбаки молчат, отгадывая буквы.
К подъезду подадут дежурный Наутилус,
Там безымянный капитан настраивает яндекс.

Как будто не тебя сегодня запретили,
Скачай себе бесплатно приложение и спи.
Во сне зубри устав, но яблока не трогай,
Когда тебе ушник о чем-нибудь шипит.

22 мая

***

У нас весна столетней выдержки
Клопами пахнет и луной,
Трава у каждого в заначке,
Чтоб не пропасть поодиночке,

Когда они придут громить
Универсальный магазин

И выбежит навстречу сторож
Их яблок, заспанный как Аргус.

А во дворе лежат дрова,
Как фокус неудачный, и
Ржавеют прочие детали
Ненаступающего завтра.

Дружи, но помни о кредитах,
О детях, пойманных сачком,
О ласточках и в Глебовраге
Подснежниках без документов.

27 мая

***

В Волге ловятся пираньи,
Ледоколы, башмаки,
Трудно угадать заранее,
Что поймают рыбаки.

Вот закинули под вечер,
Колокольчик прозвенел,
Булькнул початый портвейчик
Средь чешуйчатых венер.

Сколько их, куда их гонят?
Бьют селедочным хвостом,
Лезут из голодных комнат
К окнам в здании пустом.

Не бычки, а так, окурки,
На поверхности круги,
Словно из карманов куртки
Вытряхнул их бог реки.

31 мая

***

Гусеница говорит владельцу ларька,
Что как только станет бабочкой, больше никогда
Не будет пить эту разбавленную дрянь.
И тут начинается ветер, и слышно,
Как хлопает дверь сломанного холодильника.

Потому что летом надо собирать ягоды и грибы,
Высматривая удобное место для парковки,
Чтобы рядом были кафе и цветочный магазин,
Где розы – как скомканные письма от тех,
Кто ждет нас по ту сторону окошечка,

Кроме ласточки с серпом и пионера с горном,
Вырванной с корнем пятиэтажки,
Стихов на площади, безумного чаепития
В честь объявленного шорта одной из премий
В размере оклада иконы отечественного хоккея.

4 июня

***

В этом году дух Александра Сергеича
Изгоняли из тела какого-то служащего.
Несчастный орал, корчил рожи
И старался побольнее ущипнуть экзорсиста,
Рифмовал непристойности и фамилии
Высокопоставленных чинов,
Замолкал ненадолго, просил морошки,
Рисовал на стенах всадников и девиц.

При виде делегации из писательского союза
Побледнел и стал выкрикивать по-французски
Строчки из детской песенки.
Но это ему не помогло – дух вышел вон
И затаился между томов районной библиотеки,
Подкарауливая школьников, не уехавших к морю.

А не полетел на Красную площадь,
Как нас пытаются уверить некоторые
Легкомысленные товарищи.

6 июня

Денис ЛИПАТОВ

АЛЖИР

Рассказ

Была посмешищем. Для всей школы. Ходила всегда в каких-то безразмерных пиджаках и юбках, впрочем, любая одежда была бы на ней безразмерной: длинная, тощая, высохшая, выкуривала по две пачки «Беломора» за день. Ни мужей, ни детей (ну кроме нас, значит, по двадцать – двадцать пять балбесов в каждом классе) никогда, конечно, не было и в помине.

Алгебра. Всю жизнь только она – иксы, игреки, интегралы, производные, функции, системы уравнений, с двумя, тремя, с одними неизвестными. Теоремы и леммы. Доказательства. Дискриминанты и депримы. Чёрная доска, на которой в течение каждого урока она пишет все эти значки и буквы, соединяя их всю жизнь в одни и те же формулы, которые и составляют её жизнь, и которые в конце каждого урока дежурный – какой-нибудь вихрастый троечник, или пусть даже и не троечник и не вихрастый, а вообще девочка-припевочка-отличница, весь класс в неё влюблён – какая разница, в общем, кто, но в конце каждого урока стирает эту её жизнь с доски плохо отжатой и грязной тряпкой, оставляя от неё только меловые разводы.

Не любили и боялись. Потом, когда стали постарше, уже и не боялись. По-прежнему не любили, кое-кто даже ненавидел, но никто никогда не жалел. Да и с чего бы? Входила в класс уже взвинченная – почему доска грязная? – кто дежурный? – привести в порядок! – и начинается – ор, истерики, линейкой по столу – балбесы, неучи, дубины – марш к доске – вон из класса – чего, дура, накрасилась – чего, идиот, смотришь! И так пять лет! Вколачивала в нас алгебру, значит.

Но случались и у неё «приступы доброты», какие-то непонятные «лирические отупения». Это называется – не с кем поговорить, одиночество и тоска, и чёрная доска. Приходила в такие дни – садилась за стол, глаза будто затуманены, смотрит с минуту на всех, как на родных, улыбается – деточки, мои – говорит – бедные мои – говорит – на кой чёрт вам эта алгебра – говорит – на кой чёрт вам этот английский – говорит – он же такой скучный! А хотите, я вас французскому ещё буду учить? А мой сосед по парте уже злорадно шепчет мне в ухо: «Сейчас опять начнёт молодость вспоминать, про Алжир заливать». А то я не знаю!

Ага. Все знали. Наизусть уже: вечное лето, пустыня, пальмы, раскалённый до бела город – кофейни и школы прямо на улице, под огромными тентами или шатрами – революция, обретение независимости, нищета, чунга-чанга, колониальный французский, по сорок-пятьдесят чумазых ребятишек в классе, глазёнки распахнуты, стремятся учиться, хоть весь день в школе просидели бы – не то что вы – и конечно – море, море, море.

Денис Липатов родился в 1978 году в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева. Стихи и проза печатались в журналах «Нева», «Континент», «День и Ночь», «Крещатик», «Волга», «Новая Юность», «Графит», «Новая реальность», «Ликбез» и др. Автор книги стихов «Другое лето» (2015).

– Кто из вас бывал на море? – и смотрит на нас влюблённо, влюблённо, сияет улыбкой, просто сверкает вся лучиками и морщинками, будто то самое, блядь, алжирское солнышко, которого на самом-то деле она, скорее всего, никогда и не видела.

– Туфта это всё, – опять шипит Забелло, – насмотрелось фильмов с молодым Бельмондо, вот и несёт всякую пургу.

– Да? А французский у неё откуда?

– А хер её знает.

– Так я не слышу – кто из вас видел море? – прямо вся растает сейчас, светится прямо вся, что твой чернобыльский реактор, а в ответ смотрят на неё тридцать пар ненавидящих глаз, а она же не замечает! Она нам сейчас «Марсельезу» запоёт! Девочки ещё что-то пытаются изобразить, когда она на кого-то посмотрит, а мы – так и не пытаемся даже – просто глаза прячем, а кто и не прячет – а ей – хоть бы что!

В общем, выбешивала она этим своим Алжиром всю школу регулярно. Раз в четверть примерно. И когда случался у неё такой день, во всех классах, в которых были её уроки – у всех «наступал Алжир». А на следующий день – всё по новой – дебилы, идиоты, дуры, интеграл-что-ли-первый-раз-увидели, чего буркалы вылупил, какие вам институты – и вот так от звонка до звонка.

Директор терпел это всё с болью в сердце. Дотянуть бы её до пенсии, а уж там... Тем более, материал мы на удивление знали хорошо, контрольные, даже и «со штампом», районные, решали без троек, и родители наши её почему-то уважали.

Но до пенсии она не дотянула. Случился очередной «Алжир». Да какой! Для начала мы её просто не узнали: вошла в класс не прежняя кляча, заезженная, жалкая и дёрганная в какой-то нелепой и полунищенской одежде, которую носила она бессменно, а вошла – и с порога – «бонжур» – во всём новом, будто замуж собралась. И дальше – с места в карьер – сорок пять минут, без остановки, на чистом (наверное, чистом, кто ж его знал – спецшкола-то английская) французском ведёт урок, объясняя новую тему. Всю доску исписала формулами – и всё так мило, задушевно – хоть бы раз прикрикнула, или даже просто взглянула построже – ничего похожего – воркует себе, как голубка, как будто она сама только что из института и это её первый самостоятельный урок, ну ни дать, ни взять – именинница, невеста, отличница – «энтра наус», «труа», «пар экселленс». «Аревуар». И, конечно же – море, море, море. Алжир. Будь он неладен.

– А вот это уже билет в дурррку, – произносит Забелло даже и не злорадно, а как-то удивлённо, специально, впрочем, картавя, но шуточка получается так себе – нелепой и грустной, и в гробовой тишине, в которой класс не шелохнувшись впервые, наверное, с начала учёбы просидел все сорок пять минут, этот его «билет в дурррку» слышат, конечно же, все. Кроме неё, разумеется.

Забыли её в школе охотно и быстро: мы – как страшный сон, учителя – как свой стыд и позор. Как будто сплавили, наконец, беспомощного и бесполезного родственника. Алла Алексеевна, пришедшая на её ставку – и впрямь выпускница, отличница и невеста – дня три держала в лаборантской окна открытыми и не заходила туда – настолько там всё было прокурено. Нас она не боялась и не церемонилась и начала урок легко и непринуждённо:

– Ну что, цыплятки, продолжим учиться?

И мы, здоровенные пятнадцатилетние лбы, нахватавшиеся уже по сормовским подворотням блатной фени и «понятий», простили ей этих «цыплят» сразу и безоговорочно и влюбились в неё без памяти. «Алжир», казалось, был забыт всеми и навсегда. Но оказалось не навсегда. И не всеми.

Ближе уже к зиме, в самую непролазную жижу, в самые мерзкие ноябрьские деньки, когда и здоровому-то человеку удавиться не покажется такой уж глупостью, а уж дёрганным и прыщавым подросткам и подавно, родители стали подбивать нас на добрые дела, на подвиги – сходить, значит, навестить старую учительницу. Никто из нас, конечно, никогда не согласился бы на такую пытку. Но вмешалась Аллочка Алексеевна: нет – говорит – надо – говорит – благородное дело

– говорит. Вы же добрые, говорит. Ага. Добрые. Ну надо, так надо. Она и вызвалась нас организовать и тоже навестить свою предшественницу. Ну, в общем, некуда было деваться.

Набралось нас человек десять. Идти надо было к ней домой. В «дурке» она оказывается, тоже долго не задержалась: поставили её на учёт, прокололи там какой-то гадостью, чтобы поспокойнее была, и выставили за дверь – благо есть куда, не на улицу всё же. А что вы хотите: лимит койко-мест, бюджет куцый, и нормальным-то сумасшедшим не всегда места хватает, и здесь вам не богадельня, в конце-то концов.

Денёк выдался – мерзее некуда – в Алжире таких, наверное, не случается – идём, месим грязь, плетёмся, как на убой. Аллочка пытается нас как-то взбодрить – куда там! Проходим мимо каких-то ларьков, и тут Живоедов говорит:

– Нет, я так не могу! Реально надо сначала чем-то догнаться!

– Чтоооо? – это Аллочка.

– А давайте, и правда, скинемся, что ли, возьмём какой-нибудь бормотухи недорогой? Вермута или Солнцедара?

– Чтоооо? – опять она.

Почти ни у кого никаких денег нет, только у Живоедова, но он вызывается всех угостить.

– Женя, не смей! Женя, не смей! – кричит ему вслед Аллочка, но он уже возвращается с бутылкой и десятком пластиковых стаканчиков, на ходу срезая пластмассовую пробку.

– Алжир! – торжественно предъявляет он бутылку.

И в самом деле: на жёлтой этикетке самого отвратительного и дешёвого пойла грубо намалёваны пальмы, пески, море, восходящее солнце, негритята, какая-то чунга-чанга короче, и поверх всего этого аршинными буквами: «АлжиР» – вино плодово-ягодное.

– Девочки, ну вы-то куда? – чуть не плачет Аллочка.

– Да бросьте вы, Алла Алексеевна, – отвечают они ей, закуривая, – мы же по чуть-чуть, для настроения. Давайте с нами.

Кажется, она тогда не выдержала этого безобразия и ушла. А мы и правда поймали настроение: переместились в какой-то дворик, на лавочки, выпили эту бутылку, наскребли ещё на одну, на закуску раздраконили пару сладких рулетов «к чаю» и вафельный ореховый торт, которыми снабдили нас родители. Жизнь на мгновение улыбнулась. Даже выглянуло скупое и бледное солнце. Девчонки, покуривая, щебетали в сторонке о своём. Мы захмелели и чувствовали себя мужчинами. Живоедов, накрывший всю эту «поляну», сидел, нога на ногу, раскинув по сторонам руки и запрокинув голову, подставляя лицо лживому ноябрьскому солнцу, и, глубоко затягиваясь, то и дело повторял: «Алжиррр...», что, вероятно, означало, что ему хорошо.

Настроение у нас переменилось. Появился хмельной и мстительный азарт. Теперь уже всем хотелось пойти «навестить» старую учительницу, увидеть то убожество, в котором она, вероятно, пребывала, дать, наконец, выход своим обидам и непримиримой детской ненависти.

– А про Алжир она, кстати, не звездила, – сообщает нам по дороге Забелло. – Я спрашивал у отца, и правда – была такая тема, когда у них там в шестьдесят каком-то году революция случилась, наши посылали туда учителей, инженеров, врачей – помогали, типа.

– Интернациональный долг?

– Ну, типа того. Только без войны, не как в Афгане.

– Интересно, а с неграми она там спала?

– В Алжире нет негров, там арабы.

– Африка же.

– Ну, вот сейчас у неё и спросишь. Пришли.

Гогочущей толпой отморозков ввалились мы в подъезд. Звериная наша решимость росла с каждым шагом. Но перед дверью мы заробели, топтались минут пять.

– Ну... звоните уже кто-нибудь.

И Живоедов позвонил...

Возвращались мы молча. То, что мы увидели, было слишком даже для нас. Голодная и безумная старуха не помнила ничего и никого. Кто-то предложил купить ей хотя бы хлеба, но деньги, какие были, все уже были истрачены. Мы не могли даже этого. Соседка, открывшая нам, полчаса тараторила, как ей тяжело с ней в одной квартире, и что надо уже что-то делать, а сама она уже ничего не может, пенсия мизер, да и цен она не знает, не ориентируется ни в чём, и на рынке её недавно чуть не побили. Сказав, что сейчас мы сходим, купим ей хлеба и ещё каких-нибудь продуктов и вернёмся, мы просто сбежали. Аревуар.

– Не стыдно? – спросила на следующий день Аллочка.

Ещё как. Да что поделаешь.

А следующий год был для нас выпускным. Многое позабылось, а уж это... Между первыми экзаменами и последними уроками оставили нас как-то подготовить класс к ремонту. Надо было вынести всякий бумажный хлам, «макулатуру»: старые классные журналы, стенгазеты, да мало ли всего накопилось за столько лет. Среди прочего попалась пухлая папка, тесёмки развязались, и оттуда рассыпались старые школьные фотографии. И выпорхнула одна: группа молодых, счастливых людей, на берегу моря, среди них одна девушка. Они улыбались так, как можно улыбаться, когда впереди вся жизнь. Девушка была и впрямь красотка. Мы невольно залюбовались.

– А ведь это наша Эльвира Львовна, – вдруг проговорил кто-то, будто и сам себе не веря.

– Ктооо?

– Эльвира... Алжир.

И, конечно, море, море, море.

Катя КАПОВИЧ

ОДИНОКАЯ ОСТАНОВКА

Рассказ

1.

Может быть, это было результатом вируса, которым Осип переболел полгода назад, но он заметил, что помнит мало из прошлого. Последние месяцы он видел как спектры: тускло-желтый, оранжевый, совсем ярко красный. Рядом с его домом была одинокая остановка, дальше шел лес. На остановке росло дерево, выбежавшее из заповедника, и на нем был скворечник, но старый, с отвалившейся задней стенкой. От остановки вниз, к реке вела улочка под названием «Ореховая». После развода он жил тут. Они с женой расстались мирно. Отдавая ключи, он описывал ей новую среду обитания: остановка рядом с Ореховой улицей, лес.

– Ты всегда преувеличиваешь! Не лес, а небольшой заповедник, – заметила Эльза, отдавая ему чемодан с вещами.

Дерево на остановке уронило лист, и, когда он вынул зимний костюм из чемодана, он увидел, что вещи переменились. Пиджак стал похож на сюртук, висел на хозяине. Новый декан, переврав его имя, представил его двум молодым коллегам как Оскара, и еще через минуту как Освальда. Это была ежегодная вечеринка по поводу близящегося Рождества, на которую он пришел, когда все уже были навеселе. Он сел в углу с бокалом вина и стал наблюдать. Комната была освещена обманчивым светом, источником которого оказался крутящийся шар с цветными глазками. С ним рядом остановился высокий старик в черной сутане, поверх которой был накинут блестящий малиновый плащ, круглая малиновая шапочка прикрывала загорелую макушку. Они обменялись улыбками.

– Мне нравится ваш маскарадный костюм! – дружелюбно заметил Осип и потеребил шелковистую накидку.

Все-таки эта была костюмированная вечеринка, и хвалить наряд коллеги считалось хорошим тоном.

– А, это? Это у меня вовсе не маскарадный костюм, я епископ, – сказал старик, улыбнувшись.

В четверг Осип зашел за книгой в Старую библиотеку, которая помещалась в здании собора, где снова увидел его. Епископ его помнил.

– Я почитал ваши работы... Прекрасно, прекрасно...

Катя Капович родилась в Молдавии, училась на Урале, первую книгу стихов издала в Израиле, в Америке живет с 1992 года. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. В 2001 году за сборник английских стихов «Gogol in Rome» удостоена премии Библиотеки Конгресса США. Лауреат Русской премии 2013 года в номинации «Малая проза». Живет в Кембридже, работает редактором англоязычного поэтического ежегодника Fulcrum, преподает литературу и ведет мастер-классы. В «Волге» публиковались стихи (2013, № 9-10) и рассказы (2015, № 1-2).

Они остановились посреди балюстрады, сверху голубела роспись. Голос у него был приятный, как шелест камыша; слова тихо оседали в голове, хотелось закрыть глаза и слушать. Он что-то говорил про Кимерию, про то, как там нужны хорошие учителя. И, внимательно взглянув на Осипа своими светящимся глазами, совсем иным голосом добавил:

– Если в первый раз мы что-то не исполнили в жизни, нам придется пройти по тому же пути второй раз. Так что даю мое благословение.

Осип кивал: он поедет, поедет.

День рождения Осип отметил в компании нескольких коллег. Приехали профессор филологии Длуга и лектор по философии Мерсье. Последний, как и Осип, был в разводе. Была новая знакомая Джин, озеленитель из заповедника. Впервые гостиная видела столько людей.

– Как продвигается наш африканский проект? – спросил Мерсье.

Как выяснилось, в результате общей неразберихи какие-то последние важные письма, отправленные с кафедры, до него не дошли. Епископ Клэр рекомендовал его как кандидата миссии в Кимерии. Мерьсе и Длуга довели до его сведения всё, что слышали про Лигу учителей.

– Я надеюсь, вы будете мне писать? – спросила Джин, отвозя Осипа в аэропорт.

Он поселился в деревушке под Гринвилем. Дом принадлежал Лиге; съехавший в марте предшественник оставил книжный шкаф, куда Осип определил свою дорожную библиотечку.

«Дорогая Джин, – писал он, – я сижу в своем доме, за окном льет дождь, который, говорят, будет лить еще месяц. Он начинается ровно в два часа, стучит до восьми вечера. Опишу мою келью. На столе горит электрическая свеча, которую я купил в городе. Все другие окна потушены. Люди ложатся спать с наступлением темноты. Поэтому во всей деревне, по сути, бодрствую я один. Школа наша, Джин, помещается в здании, где был курятник. Курятник!!! У меня сорок человек студентов, которых направила ко мне Лига преподавателей. Я не сомневаюсь, что вам было бы интересно с ними поговорить. Они думают, что самые богатые люди в Америке – это те, у которых много коров. У здешних жителей я не в почете, у меня ни одной коровы. Быков они используют на полевых работах. Джин, здесь много воды, техника тонет, да и нет ее. Дорогая Джин, я часто думаю о вас, когда рассказываю детям про природу. Пишите мне почаще, дорогая Джин. Ваши письма я буду читать перед сном. Да, забыл спросить, как ваше бедро?»

Отправив письмо, Осип начинал ждать ответ. Письмо от Джин приходило в конце недели. Из местных он сдружился с доктором Лозеном. Осип кипятил чайник, вынимал печенье, и начинался длинный разговор. Говорили о прошедшей войне, о больницах. Лозен не допускал в речи цветистостей.

– Приходите ко мне завтра, – сказал Лозен, уходя.

«Дорогой Осип! – писала Джин. – Я тоже часто думаю о вас. Я представляю вас в вашем домике, в залитой дождем деревне, когда хожу по своей территории. Я, конечно, от души посмеялась, читая ваши строки о коровах и быках. Мы продолжаем укрепление почвы вокруг нашего озера. Вчера мы очищали нижнюю дорогу от ядовитого плюща. Я надеюсь, что не заболею. У меня, как это ни смешно, сильная реакция на это чудо природы. Вы ведь знаете, что ядовитый плющ – удивительное растение. Голландцы специально высаживают его по берегам моря. Своей сильной корневой системой ядовитый плющ препятствует коррозии. Бедро мое ведет себя хорошо, я почти не хромаю. Пишите мне о ваших учениках и будьте здоровы! Ваша Джин».

Следующим вечером Осип навестил Лозена. Доктор жил на краю села в таком же, как у него, узком сером доме. К ним присоединился еще один знакомый, англичанин Далзил. Он был ин-

женером, жил в Африке не первый год. Шумный, веселый, он задал тон дискуссии. Говорили о непутевости правления.

– Протянуть электролинии, что, казалось бы, проще? Я именно для этого и приехал, и, как видите... – он развел руками. – Первые месяцы мне платили, а потом перестали.

– На что же вы существуете? – спросил Осип, очарованный добродушным лицом англичанина, его манерой шевелить усами и пощипывать во время разговора свой кривоватый нос.

– Вечерами потихоньку пьянствую, днем же... – Он пощипал нос. – Тоже последнее время стал выпивать. Вот эти лампы и спасают меня. Это ведь я их завез сюда.

В гостиной – Осип только сейчас обратил внимание – свет исходил из стоящей у стены черной расширяющейся кверху трубы.

– Они горят шесть часов, луч не очень мощный, но на маленькую комнату хватает. В нашем краю новое воспринимают болезненно! Зато в ходу мобильные телефоны. Здесь бы свой Волмарт выстроить, электричество подвести, включить лампу в розетку, вот тогда бы начался прогресс. А когда ложишься спать в восемь часов, какой прогресс! – Он махнул рукой.

– Что касается ваших возлияний, Далзил, то у меня есть теория, – сказал доктор, разливая по стаканам вино, которое отдавало корицей. – Вы посмотрите на Италию, Францию, Испанию, наконец. Цивилизация идет именно оттуда и пока что, как мы видим, не угасает. Почему? Потому что солнце способствует вырабатыванию фермента, который, в свою очередь, помогает организму справиться с алкоголем. Климат – вот в чем секрет. В странах с теплым климатом люди могут себе не отказывать в этом маленьком, но важном удовольствии. Но, – доктор предостерегающе поднял палец, – важна мера.

С этими словами доктор налил всем еще по бокалу. Все трое ввиду холодной ночи, продолжали сидеть в верхней одежде. На инженере был плащ и широкая брезентовая шляпа.

– Трудно представить, что где-то дома сейчас тепло, цветут липы.

Осип подумал о своей улице. Она хоть и называлась Ореховой, но ни одного орехового дерево, насколько он знал, на ней не было. Зато липы благоухали в конце мая так оглушительно, что невозможно было уснуть. Этот запах всегда напоминал ему детство, далекую страну.

– Ничего, ничего, скоро зима кончится, и вы еще будете вспоминать с тоской этот дождик, – сказал доктор. Поверх рисовой лепешки он положил кусок брынзы и протянул Осипу. – Впрочем, вы, возможно, и не досидите до того времени?

Хорошая компания и вкусная еда действовали на Осипа. Он уже мысленно составлял письмо, которое напишет Джин. Доктор перебил его мысли:

– Я вам дам свой мотороллер, поездите по окрестностям! Здесь не так однообразно, как кажется. Есть места. Поезжайте вглубь... Чем дальше от океана, тем своеобразней жизнь... М-да, – добавил он задумчиво и постучал пальцами по столу. Он выстукивал довольно долго.

Инженер закурил. Механически он пощипывал нос:

– Я бы на мотороллере не разъезжал... Не везде безопасно, ведь могут и... – он быстро согнул пальцы пистолетом...

– Типун вам... – сказал доктор.

Еще пара писем пришла в конце недели. Писала бывшая супруга. Эльза пряталась за восклицательными знаками. Все было прекрасно, все. Осип отложил ее письмо в сторону и взял в руки манильский конверт из университета. По просьбе епископа его благодарили за хорошую работу. В конверт была вложена грамота.

«Дорогая Джин, – писал Осип, – вы спрашивали о моих коллегах. Их не так много – священник Уриэль, его жена Мария и их старшая дочь. Они – чудесные люди, и я чувствую себя своим в

коллективе. А дома меня тоже не забывают. Сегодня мне прислали грамоту, которая теперь лежит передо мной на столе. У меня в комнате светло. Далзил, о котором я вам писал, подарил мне свою удивительную лампу. Когда я еду в школу, я оставляю ее на крыльце, чтобы она зарядилась, и вечерами я блаженствую, читая книги. Мне почему захотелось сделать ревизию мыслей, я взял в городской библиотеке великих англичанок. Какой реализм! Вы спрашивали меня о здоровье. Чувствую себе очень хорошо. Мотороллер, данный мне в пользование доктором, изрядно облегчил мое передвижение из села в город. Завтра с утра я поговорю с детьми о прививках. Пишите мне, милая Джин. Ваши письма я ношу с собой и перечитываю по многу раз. Думающий о Вас Осип».

В конце недели небольшая компания снова собралась. Доктор был особенно задумчив в этот вечер.

– Не прижился я во Франции. Продал дом, уволился из больницы и вернулся. – И вернулся, – повторил он как эхо через какое-то время. – А вот, кстати, собираюсь поговорить с детишками, и будет очень хорошо, если я их привью до окончания занятий. Предупредите!

Они вышли все втроем на крыльцо и встали под козырьком, поглядывая на небо.

– Слыхали, что нашли алмазы рядом с поселком Пуни? Сейчас налетит саранчи...

– Нет, не слыхал. Какой саранчи?

– Ехали бы вы домой, голубчик!

Доктор прикоснулся к руке Осипа.

– Доктор имеет в виду военных... – сказал Далзил, поковыряв в зубах зубочисткой.

2.

В конце июня в одном из опустевших домов поселилась учительница с сыном. «Из Канады мы, из Монреаля», – весело ввернула она, протягивая ему руку. С Таней был сын Иван, серьезный мальчик лет четырнадцати, но из-за своей бледной серьезности выглядевший старше. Он был полной противоположностью матери, разговорчивой и показавшейся сначала напористой украинке.

– Сам откуда вообще-то изначально? – спросила она по-свойски певучим голосом.

И услыхав, что оттуда, где сам давно не бывал, поняла всё, покивала.

– Кровица – не водица, я своих сходу узнаю.

Она будет его замещать, когда он уедет. Он ведь скоро уедет?

И, не дождавшись ответа, она уже рассказывала про мужа, что тот старше ее, очень хороший человек, прогрессивный, что у него бизнес... У нее еще было двое детей от первого брака, и муж любил их как своих. Те двое уже учились в Канаде.

Татьяна покачала головой, что вот опять что-то затевают. Она говорила с ним как со своим, и Осипу показалось, что он ее давно уже знает. И вот он уже с радостью принимал предложение заняться йогой. Да, вот йогой с глубоким погружением. К тому времени в поселке появилось много военных. Они вроде ничего не делали, постоят, поплюют семечки, но отчего-то становилось неуютно. На их фоне жалко выглядели работяги. И все это были мелочи, а только хотелось оказать опять в мире с нормальными больницами, с чистым асфальтом.

Их утренние с Татьяной медитации, для которых очень подходила прохладная крыша, обостряли чувство одиночества. Огромное светлое небо и глиняная земля внизу были большими чужбинами. Скоро уже он поедет.

День Независимости встречали дружно, ученики поднимали флаги. Татьяна с ленточками цвета радуги в волосах стояла рядом с Осипом, сын остался дома, ему нездоровилось, мальчик был болезненным и чурался толпы.

– Мужа дела задержали в Тонровии, сын переживает, – пояснила Татьяна.

Празднование совпало с концом учебного года, дети носились с криками друг за дружкой.

Через неделю Осип будет дома.

Утро было солнечное. Во дворе школы Осип обменялся рукопожатиями с коллегами.

– Хелло, мистер Осипа! – кричали дети.

– Хелло!

– Вы сегодня выглядите здоровым!

– Вы тоже, – отвечал он.

Каждый понедельник он стоял так на ступеньках, и прибывающие в школу дети кричали ему приветствия. Но сегодня Осип не говорил о физике, он хотел бы, да, да, очень хотел бы поведать им о великих врачах. О Парацельсе, о Галене, об Альберте Швейцере. О пользе медицины. Прививки не противны Богу. Богу важно, чтобы дети были здоровы. Прививки помогут им быть неуязвимыми для эпидемий. Дети закивали головами. Они все дружно хотели стать неуязвимыми. В тот день они говорили о разных племенах. Его спросили, к какому племени он относится. Осип объяснил, что он не относится ни к какому племени.

– Так не бывает! – сказали дети.

Осип рассказал им про епископа, про высокое здание церкви в университете, где была старинная библиотека.

– Епископ мне сказал очень важную вещь.

– Какую? – спросила дети.

– Если человек чего-то не выполнит, он должен будет вернуться на тот же путь повторно.

– А что будет, если он и во второй раз не выполнит? – спросили дети.

Осип честно сказал, что не знает.

– Может быть, он тогда умрет? – сказали дети.

В их мире смерть была естественной вещью.

– Что Вы не исполнили в первый раз? – спросили тогда дети.

Осип пожал плечами.

– Вы не уезжайте, мистер Осипа! Выполните, а то умрете, – просили дети.

«Дорогая Джин! – писал он. – Я остаюсь на лето в деревне. Да, я знаю, что писал вам, что скоро приеду, но так получилось, что я пообещал здешней ребятне быть здесь во время работ. Это – горячая пора, все, включая совсем малых, работают. Далзил собирается в Англию. Пишите мне о новостях в городе. Кто будет нашим новым мэром? Я немного скучаю. Знаете, Джин, я заметил, что у здешних совсем другие представления о времени. Научиться бы жить, не замечая дней! Я тоже бы стал свободнее. Пишите о чем угодно, но чаще. Да, забыл сказать. Далзил оставил мне свою машину. А еще, я слышал новость, что где-то к востоку нашли месторождение алмазов. Жди теперь нашествия!»

В воскресенье после церкви священник и его жена беседовали с прихожанами. Длинные столы под парусиновым навесом были уставлены блюдами; ели куриный суп с рисовыми лепешками. В разгар веселья пришли военные, они постояли в стороне, покурили и ушли. Вместе с ними ушло несколько мужчин. Осип находился под странным впечатлением от проповеди. Уриэль никогда не был так красноречив. Пожилой человек, он обычно говорил тихо и почти смущенно, а сегодня был в его голосе другой звук. Беседа была о страхе. Когда он был молод и жил в Париже, с ним случилась беда. Он работал в магазине одежды. Однажды он потратил

деньги, которые должен был сдать в банк после рабочей недели. Это была большая сумма. До того он оправдывал доверие хозяина, а тут на него что-то нашло, и вместо того, чтобы идти в банк, он пошел в казино, где за вечер проиграл пять тысяч франков. Он думал о самоубийстве. В страшном настроении он пошел в метро. Мысли его вращались вокруг смерти. Он решил, что сядет в ванну и вскроет вены. Да, он это сделает, потому что ему нечего было терять: семьи у него не было, образования тоже, достоинство было всё, чем он владел. Время было полночное, в конце пути в вагоне осталось только два человека. Они хотели, чтобы он отдал деньги. Он сказал, что денег у него нет. Один из них достал пистолет и приставил дуло к животу. И тут Уриэль ощутил страх и одновременно сильное желание жить. Желание было таким острым, что страх через секунду прошел, и он мысленно молил Бога сделать чудо. И чудо произошло. Поезд вдруг накренился. Тот, который держал пистолет, упал. Дальше Уриэль не помнил; он пришел в сознание уже в больнице, рядом с ним была медсестра и дочь хозяина магазина, молодая женщина, в которую он был влюблен. Она рассказала ему странную историю. Хозяин почему-то решил его в тот день проверить и оставил в сейфе фальшивые купюры. Он чувствовал, что с Уриэлем происходит в последние недели что-то странное. Эта девушка и стала его женой через полгода.

Дети не стеснялись, носились с криками, забегали в церковь. Священник был чем-то удручен и не обращал внимания. Рядом с ним сидел гость, к которому Уриэль обращался уже несколько раз. Гость, крупный кимериец в цветастой рубашке, пару раз кивнул, но священник не успокоился. Когда Осип мыл тарелку, он видел сквозь материю, как священник нервно ходит взад-вперед. Он слышал их разговор, они говорили по-кимерийски, но чувствовалось по голосам, что между ними неприязнь.

«Дорогая Джин, – писал Осип вечером, – я сегодня тревожен. Невольно подслушал беседу двух людей. Я, наверное, не буду писать какое-то время...»

Отправляясь в экспедицию, он пришел проститься с Далзилом. Уютом дыхнуло прокуренное гнездо англичанина. На выходе он встретил русскую, которая тоже шла прощаться. «Сын едет с вами! – сказала она – Вы там приглядывайте за ним». Осип был в замешательстве, мальчик не выглядел спортивным. Говорить об этом он не стал, а, надев брезентовую шляпу, направился к себе.

Они поселились в больших палатках по десять человек. Только Осип пока жил один в небольшом доме. Если бы прямо посреди кемпинга не стояли солдаты, можно было подумать, что они в обычном бойскаутском лагере. Июль отличался от других летних месяцев относительной сухостью. Из игр неизменным предпочтениям пользовался европейский футбол. Первые дни Осип немного хворал из-за прививок. На них настоял доктор, и Осип лежал на раскладушке и думал о том, что мог бы вполне обойтись без уколов. Болело все, и особенно мешала резь в глазах. Потом он выздоровел и обнаружил себя в центре детских игр. Вместе с ребятами он носился по вытоптанной до песчаного слоя площадке, вспомнил ловкие ходы, которым научился в русском детстве, мотался не хуже своих тринадцатилетних учеников, посылал мяч в ворота и даже иногда попадал. «Мистер Осипа забил гол!» – кричал дети в восхищении, выставив большой палец вверх. Он вспомнил счастье быть обожаемым командой, быть похлопываемым по плечу подпрыгивающей ребятней. Почты поблизости не было, поэтому он писал письма Джин и складывал их в клеенчатую папку. «Никогда, милая Джин, никогда я не был ребенком! Голова моя с детства была набита кучей ненужных сведений. Сделали они меня счастливым? Нет, не сделали. А вот сегодня я забил гол, и как дурак счастлив».

Пришел понедельник. Утром после завтрака за детьми приехало несколько микроавтобусов и увезло их на прииски. Спокойные утренние часы Осип провел за чтением Джордж Элиот. Роман

«Мидлмарч» был упоительным чтением, сравнимым разве что с Толстым. Какие были женщины. «Das Leben Jesu», которую она перевела, была когда-то его любимой книгой. Гораздо важнее сочинения Ренана. Но Ренан был гуманист. Штраус был человеконенавистником. Как легко думалось в этом укромном месте. Осип представил себе мучительный век с коротким человеческим циклом. Какого же масштаба должен был быть человек, чтобы столько успеть?

На следующее утро, убедившись, что дождь теперь начинается только после обеда, с фотоаппаратом пошел бродить по окрестностям. На нем были штаны и куртка из льняной ткани. Под большими деревьями было очень влажно и темно, но, когда глаза привыкли, он поразился многообразию жизни в этой обители из ветвей, лиан и мха. Огромный храм качался над ним и вокруг него, из высокого купола сочился жидкий свет, в струях его порхали бабочки и красные стрекозы. Он сделал несколько снимков и прилег на мшистую землю. Прихваченный атлас с животным и растительным миром края быстро был отложен. Вот он был перед ним, весь этот мир, и какие картинки могли сравниться с ним. Он полюбил это место и продолжал посещать его. Мысли спокойно и лениво текли в голове, оборачивались вокруг невидимой оси, возвращаясь. Постепенно совсем старое время обретало линии и достоверность. Что-то грустное и тяжелое, что так долго мешало его взгляду проникнуть в начальные годы, поднялось. Он увидел отца в военной форме, как тот садится в автомобиль во дворе. Видел бегущую за машиной собаку, и даже вспомнил ее имя – Тундра. Он вспомнил одноклассников, летний лагерь. Он очень не хотел в него ехать, умолял отца оставить его на лето дома. И дальше шло то страшное, о чем ему было тяжело вспоминать... Ему тогда было двенадцать лет, он был одинок. В лагере автобус вез детей на море. Один раз он остался вместе с еще несколькими ребятами. Сначала чистили картошку, потом приятели предложили пойти в домик к девочкам. И там вот произошло плохое.

Река, вернее, небольшая речушка, в которой, по словам водителя, нашли алмазы, была красного цвета от железа в почве. После сезона дождей она выкатилась из своих некрутых берегов и разбежалась на десятки водяных ответвлений. Дети приезжали, покрытые глиной, умывались собранной в лохани дождевой водой, наскоро ели и шли спать. На второй неделе день Осипу было неспокойно. Он по сложившейся привычке взял фотоаппарат и пошел на охоту, как он это называл. Он миновал уже знакомое наизусть место под кронами и побрел вглубь леса, в сторону, где были прииски. Каким-то образом он сбился с дороги, повернул налево, куда вели свежие следы машин. Путь оказался не правильным, не тем, который он видел, когда они ехали в кемпинг. Он собирался возвращаться, когда среди старых карьеров увидел полицейского с девочкой лет одиннадцати. Полицейский заправил рубашку и застегнул брюки. Девочка стояла рядом и ждала, пока он соберется.

В лагере он нашел охранника и рассказал ему об увиденном. Тот слушал и смотрел на сапоги. «Я разузнаю, а вы идите спать, мастер учитель».

Осип спать не мог. Он сел писать письмо в мэрию. Утром после тяжелой ночи он взял сумку и вышел к детям. Он поедет с ними, сказал он. Ехали по дороге, параллельной той, что он шел вчера. Через пятнадцать минут автобус стало сильно трясти, красная глина летела из-под колес, и скоро они выехали на прииск. Дети засобирались, они закатывали штаны и завязывали на поясе узлы. Прииск располагался в низине, слева на расстоянии полумили бурлил приток, тут он обрывался водопадом; часть детей пошла туда. «Кто здесь главный?» – спросил Осип водителя. Тот показал рукой на вагон, стоявший под двумя одинаковым пальмами. Осип нашел в вагоне человека. Он его узнал по цветастой рубашке. Его звали Жан. Осип заговорил с ним по-французски:

– Послушайте, я учитель из Гринвила. Я здесь с детьми. Но дело не в этом. Вчера я стал свидетелем преступления.

Мужчина пил чай из жестяной кружки, наконец поднял на него глаза.

– Какого преступления?

Осип стал рассказывать, следя за реакцией кимерийца. Поначалу Осипу казалось, что его собеседник потрясен, его темное лицо подернулось еще более темной тенью. Какого же было разочарование Осипа, когда тот зевнул и перевел взгляд на окно. Одна часть окна была затянута марлей, в другой торчал осколок стекла. Жан озабоченно потрогал его пальцем. В эту минуту Осип заметил, что подъехал грузовик, другие дети, видимо, из соседней деревни, выгружали из него фанерные ящики с канатами. Дети разошлись по местам промысла, и, как Осип не высматривал, он не видел вчерашнего ребенка.

– Пойдемте посмотрим! – сказал Жан спокойно.

Вместе они двинулись к грузовику, который уже начал отъезжать. В зеркале мелькнуло вчерашнее лицо, зеленая фуражка. Осип побежал, облако горячего дыма застлало видимость. Когда Жан сравнялся с ним, Осип только кивнул, говорить он не мог. Тот его понял.

– Вы уверены?

Он закивал сильнее и вдруг зарыдал. Несколько рабочих в оранжевых комбинезонах повернулись и смотрели на них. Осипу было всё равно. Гулкий ветер проходил сквозь его голову, которую он обхватил руками, садясь на землю. Потом он поднялся и спросил кимерийца, что тот собирается делать. Человек, на которого указал учитель, принадлежит полиции другого округа, у них разные боссы, объяснил Жан.

– Но этого же быть не может, чтобы не было никакой управы! Я требую, я прошу арестовать его.

– На каком основании? То, что вы видели, могло быть совсем другим.

– Нет, это было то самое.

– Хорошо, давайте вы запишете, что видели, и я отдам записку в районную полицию.

Они составили документ, оба расписались: Жан – в знак того, что составитель записки находился на прииске.

На следующее утро он сделал попытку найти военного. Рабочие подвезли его до развилки. Он пошел быстро, потому что ему казалось, что если он найдет его, то утром. Он сделал ошибку, что не взял с собой воду, в горле горело, фотоаппарат казался очень тяжелым, и кожаный ремень резал шею. Осип свернул с дороги и нашел свои высокие деревья. Он положил фотоаппарат на мох и присыпал его палыми ветками. Подумал и снял сумку и тоже положил ее рядом с деревом. Через час он подошел к поселку. На пути ему попались две женщины-монашки с тазами на головах, и тазах лежало что-то грязное и покрытое кровью. Заговорил с ними по-французски, и они вежливо поклонились. Женщины были из лазарета, сказали они. Он спросил их, где разместились военные. Они показали в сторону длинного бетонного забора, за которым виднелось здание полиции, но тут же добавили, что сейчас в здании скорее всего никого нет. Они видели уезжающие машины. Действительно, машин у ворот не было, на густой красной пыли остались глубокие рубцы следов от колес. Он подошел к солдату, который сидел у ворот с другой стороны. Солдата он раньше видел, и вспомнил даже, что тот не разговаривает.

– Друг, тут кто-то есть?

Солдат улыбнулся, и улыбка его была испуганная.

– А?

Солдат снова улыбнулся и покачал головой.

Еще одна неделя прошла без всякого сообщения.

Сын Татьяны днем оставался в кемпинге, и сердце у учителя застучало так сильно, что он с трудом поднялся. Мальчика он нашел в палатке.

– Ваня, собирайся!

Тот мутно посмотрел на него.

Осип присел на кровать. Небольшой стол в углу был завален книгами. Осип смотрел на корешки. Это было нормальное детское чтиво, какое читали все его одноклассники, на котором и он рос, пока не попал в пионерский лагерь. Он вернулся в город другим. Отец больше не имел над ним власти. Осип стал присматриваться к взрослым и заметил, что они врут. Он плохо помнил, что случилось дальше и каким образом отчужденная отцом мать увезла его с собой.

Почему-то вспоминать ему и не хотелось.

Он вопросительно посмотрел на мальчика.

– Собирайся, а?

В комнату заглянул солдат. Увидев Осипа, он поклонился, как всегда это делал, и собирался уйти, но Осип его остановил.

– Послушай, друг, мне надо в город.

У солдата было круглое лицо, в ответ на все слова он только кивал и улыбался, как глухонемой.

Осип его знал, солдат был из их села, вдовый. У него было три дочери, и все работали в швейном цехе, но семья оставалась бедной. Осип по инерции говорил с ним громко, попросил заводить машину, объяснив, что это важно и что поедут они той дорогой, которая проходит по старому карьеру.

– Знаешь место?

Солдат опять покивал, на этот раз воодушевленно. Наверное, он был рад случаю повидать семью. Старшей дочери было лет двадцать пять, но по причине бедности замуж ее никто не хотел брать. Солдат пошел к машине, наклонив плечи вперед. Он так всегда ходил, потому что был когда-то ранен в спину. От доктора Осип знал, что жену его убили, и жалел солдата.

Они сели на заднее сиденье, потому что впереди было тесно, в кабине стояли мешки, и по запаху Осип догадывался, что в них еда. Сын Татьяны заговорил с их водителем по-кимерийски, и тот в ответ улыбался и опять кивал. Потом он показал рукой, как бы спрашивая, правильно ли едет. Осип в ответ покивал. Он думал об этом человеке, крестьянине, который родился в такой глуши, никуда никогда не ездил и, наверное, не представлял даже себе, что где-то есть большие, ярко освещенные города, где дороги покрыты гладким асфальтом.

Когда подъехали близко, Осип взял свой чемодан и попрощался с Ваней и солдатом.

Солдат улыбнулся и развел руками, спрашивая на своем немом языке о намерениях учителя.

– Да, надо кое-куда зайти. Потом сам доберусь.

Он пошел по направлению к селу. Солнце уже садилось, или это начинался дождь. Становились слышнее голоса птиц.

Когда епископу предстояло что-то важное, он всегда особенно тщательно занимался своим туалетом. Он принял душ и растерся полотенцем до красноты. Далее, стоя перед умывальником в одних висящих на подтяжках брюках, он чисто выбрился и опрыскал лицо одеколоном. Он надел свою самую мягкую рубашку, поверх нее теплый шерстяной костюм с реверендой. Бумаги он сложил в портфель с вечера. Он был в форме, он предвкушал прекрасный день. Он шел на встречу Совета директоров университета.

В знакомой комнате, в которую он когда-то в юности приходил беседовать с наставником, он сел в ореховое кресло. Спинка и подлокотники предмета от многолетней службы приняли человеческую форму. Епископ думал о том, каким большим стал нынче человек по сравнению с прошлыми веками, что даже вещи уподобляются ему. Это была его вечная дума. Как мало места человек занимал раньше. Войны, голод, эпидемии, сложные родовые отношения – всё это делало нас соразмерными своему духу. И Клэр испытывал двойственное чувство: с одной стороны, он приветствовал избавление от страданий и верил, что Господь их Иисус всегда с людьми, не только в горе. Но, с другой стороны, легкость бытия делала физическую смерть более значительной,

чем хотелось бы епископу. Смиренные и сирые мира сего умирали легче. Вот он был пожилой человек, ему нужно было готовиться скоро уходить, а его по-прежнему все радовало, молочный свет из зимнего окна, цветы в горшках, вот это гладкое кресло. Внутренне пора было двигаться к простоте. Он подумывал о том, чтобы и самому уехать в Кимерию, где люди по-прежнему умирают тихо, уходят в лес, ложатся на траву и засыпают.

Епископ Клэр вынул из папки бумаги. Он разложил их на столе. Их присутствие в Кимерии было исключительно важным. Именно в конкретном смысле – участие преподавателей их конфессии в процессе формирования свободной Кимерии. Он будет говорить перед Советом об апостольстве мирян. Католическая церковь была там самой сильной, они помогали больницам оборудованием и врачами, но епископу всегда хотелось, чтобы и их вера утвердила себе там. В связи с тяжелыми обвинениями в педофилии и судебными процессами в его родном штате он особенно уповал на миссионеров. Он был наслышан про своего кандидата как человека исключительной веры. Ему была известна его биография. Католиком он стал по убеждению, хотя оба его родителя были протестантами. Его первое направление на миссионерские работы в Африку он получил, когда был в Принстонском университете. Тогда уже он прекрасно себя зарекомендовал, у него в Вашингтоне были могущественные друзья. «Это важно, это важно», – пробормотал епископ, доставая из бархатного футляра очки. С возрастом у него ухудшилось зрение. Образ Папы мелькнул перед его взором. У того были очки в золотой оправе, которые он снимал только перед сном. Епископ Клэр был в немилости из-за экуменизма. Это огорчало его. Он достал из конверта фотографию кандидата и вгляделся в его лицо. Кандидат был высоким, видным мужчиной. Отец Клэр умел читать лица. Лицо кандидата было волевое, но одновременно в нем угадывалось смирение. Оно виднелось в опущенных уголках треугольных глаз. Нижняя губа была меньше верхней и съезжала в коротковатый округленный подбородок. Епископу нравились люди безотносительно к их этнической принадлежности, но ему было особенно приятно как человеку демократических взглядов, что его кандидат был из Восточной Европы. Из Румынии. Он отложил фотографию и задумался. Из опыта он знал, что начинать нужно с конкретного. В Кимерии на протяжении двух веков велась работорговля, в результате народ не верил никому и ничему. Если его кимерийский кандидат сумеет прижиться, то в следующем году они откроют в Аруше свою миссию и направят учителей и туда. В задумчивости отец Клэр вышел из дверей своего кабинета и по длинной галерее проследовал в здание ратуши.

Он помолился о спасении народа Африки, о Святой Католической церкви, о душах близких. О своей душе он тоже помолился, немного кряхтя. Его старые колени поскрипывали, когда он вставал.

Елена МИХАЙЛИК

В ГОРОДЕ Р.

I

Ты гадать перестань: нам наперед знать не дозволено,
Левконоя, какой ждет нас конец. Брось исчисления
Вавилонских таблиц.

Квинт Гораций Флакк

Процеди вино через лён,
Потрогай пятно.
Как прикажешь гадать? – Вавилон песком занесен,
Атлантида ушла на дно.
По полету птиц разве что время года,
По латинским стихам разве что русла рек,
Одноликий Янус смирно висит у входа,
Не поднимает век.
Нет гражданской войны, и ладно, не за что больше драться,
Золотая латынь, покой, виноградный свет.
Сколько жить кукушке, бывший военный трибун Гораций?
Подожди. Промолчи. Левконоя знает ответ.

II

Я памятник себе воздвиг...

Квинт Гораций Флакк

Сошелся счет, отданы все долги,
Остальное – подарок, придача к осени, птицам и островам,
На исходе лет тебя любят и ценят твои враги –
К счастью, всего лишь за вкус к словам.
Каждый миг требует звука и мысли, река образует речь,

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Лауреат Первого австралийского фестиваля традиционной и экспериментальной литературы «Антиподы» (2006). Автор книги стихов «Ни сном, ни облаком» (2008). В «Волге» публиковались стихи (2013, №11-12; 2016, № 3-4).

Ты обязан вместить и выпустить к людям все то, что накатывает чередой.
На исходе лет кости легли, как и должны лечь,
Русло умелой жизни проложено упрямой плотной водой.
Время тянется медом, медным медом сочится предутренняя звезда,
В спальне чуть с опозданием отражают страсть зеркала,
А твоей республики, в общем-то, и не было никогда,
И только Тирренское море хрипит из строки – была.

III

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Квинт Гораций Флакк (перевод А.С. Пушкина)

Как военный трибун, Гораций, вероятно, не носил щита.
Л.Р. Вилкинсон

Человек, написавший, что бросил щит,
Не имел его и не бросал ничего,
Но амнистию принял – война решена и незачем длить ее.
По полям торопливо растет былье,
Акведук отстроен, вода пахнет свинцом и чуть-чуть горчит,
В казначействе теперь воруют, возможно, чуть меньше, чем до него.
А возможно и нет, но слова и расчеты в большой цене,
Карта ползет вширь, по ней скользит латинская вязь,
Можно жить вовне и внутри языка, а то, что лежит на дне,
Прорастет в стихи, встанет ветвясь,
Как узор на металле, в двенадцать слоев прошит,
Как ракушки в стене, как злая труба во сне,
Что он скажет Бруту, встретившись с ним на той стороне?
Ничего – тот и сам, наверное, догадался, что затея не удалась.

IV

non di, quos iterum pressa voces malo.
Квинт Гораций Флакк

стихи – искусство возможного, война – просто искусство,
там, где они встречаются, земля – горит, комментатор – нем,
сын торговца рыбой, ушедший на фронт с непонятно какого курса,

под конец командовал... какая разница чем?
какая разница, до сих пор нет брода в гражданском споре,
над Филиппами дым, над стихами – сдвоенный дым,
а тот полковник до самой смерти потом не пенял ни командованию, ни мойре,
и все, что помнил – что он согласился выйти оттуда живым.
вот так и продолжил, сводя в гармонию, все, что попадалось под руку,
вот так и продолжил, ловя в строфу дыханье дымных времен,
оставаясь живым, не сдавая свой клок земли ни врагу, ни другу,
ни переводчику, ни тому, кто сочинял этот сон,
не владея – увы – пулеметом, владея рацио,
наводя слова через любой прицел, через любой провал –
тот, кто потом написал «Мы не хуже Горация» –
что-то он понимал.
...Что бы он понимал.

V

Смертному ничто не тяжело
Квинт Гораций Флакк

После заката город глотает мгновенный мрак,
Не разглядеть ни волка, ни солдата, ни человека,
Ведущий кивает – в городе Р открывает глаза Квинт Гораций Флакк,
Встает, подходит к окну, глядит на черную реку,
Текущую сквозь него, насквозь, навсегда, дотла,
Заполняя легкие и глаза, не пересыхая и не мелея,
Впрочем, для мира после гражданской в городе Р не так уж плохо идут дела,
Да и игра была не из тех, о которых потом жалеют.
Кости легли, а все прорехи цветом и ливнем заплетены,
На восковой дощечке – другие строки,
Впрочем, нынешнее его занятие ничем не хуже войны –
И кончается примерно так же и в те же сроки –
Это вопрос цены и меры, слово и счастье берут свое,
Оседая медью в узлах строфы, отливаясь воском,
С удовольствием, щегольски и, естественно, не всерьез,
обращаясь в воздух
и держась за него
внутри и снаружи границы тела,
Перемалывая движение лет, надземный грохот планет,
Мир, в котором свобода, любовь и смерть, как всегда, не знают предела,
А должны,
Потому что у мастерства тоже предела нет.
А ведущий будет держать рассвет за краем желтой воды,
Не выпуская утренних кошек на приречные крыши,
Покуда этот, вовне, нигде, не отыщет собственные следы,
Не вернется к столу с добычей – и не запишет.

VI. **На смерть Мецената**

...выступим, выступим
С тобою вместе
Квинт Гораций Флакк

Вода в реке, сверчок на листке, солнечный блик – выпали во вчера,
Язык остался прежним, но смысл, но воздух – глух и неведом,
Разве что строем, звучанием, дыханием серебра,
Что-нибудь передашь венетам или венедам,

Неожиданное, неважное, ракушки и водоросли, наслоившиеся на стих,
Пустяки, прочтенные поперек, уловленные на выдох,
Но от полей Прозерпины в земли живых
Есть только этот выход,

Ныне доступный не всем – ускользают ходом кометы, в осень, наискосок,
Те, кто защищал, те, кто осаждал Трою,
Не поскупись, мореплаватель, на летучий песок
Для всех, кто грамматикой помнил, что оно было такое.

Вадим МЕСЯЦ

ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

Рассказ

– Тебе нельзя лазать по горам, – сказал Петелин сыну, когда они оба поднялись метров на триста вверх по склону. – Не помнишь, что говорил тебе врач? Ты можешь сломать ногу в любой момент.

Со зловещим шорохом осыпались складки известняка. Небо было черным и отполированным, как столешница из темного камня. Звезды казались лишними, словно сор на столе.

Они присели отдохнуть. Внизу виднелся освещенный блокпост израильско-иорданской границы. Отсюда он казался игрушечным. Машинки подъезжали к шлагбауму, останавливались и через несколько минут исчезали во тьме арабских территорий. Там было хорошо и уютно. Петелин с удовольствием оказался бы сейчас в таком авто или в будке пограничника.

– Папа, тут есть змеи? – спросил его Гришка.

– Есть, – ответил Петелин. – И змеи, и тарантулы, и скорпионы.

– Отлично, – сказал мальчик. – Будем охотиться на змей.

Лезть на гору в новогоднюю ночь решил ребенок. Они приехали сюда из Тель-Авива часа два назад, перекусили, сходили на море. Потом Гришке приспичило посмотреть на праздничный фейерверк с высоты. Петелин и не думал, что восхождение будет столь утомительным.

– Мы с тобой находимся в прицеле иорданского пограничника, – сказал Петелин сыну. – Мы – нарушители границы, и он может начать стрелять.

– Он – дурак? – отозвался мальчик. – Зачем портить людям новый год? Он видит, что я – ребенок, а ты – мой отец. Шпионы и диверсанты не переходят границу семьями. Не будет он стрелять, я знаю.

При слове «семья» Петелин мрачно улыбнулся.

– Тебе нравится тетя Кристина?

Мальчик опустил глаза, не ответил.

– А девушка, которая принимала нас в гостинице? Какие глазищи! Мировая скорбь, а?

Мальчишка вдруг психанул и быстро полез дальше вверх, шурша осыпающимися камнями. Петелин двинулся за ним следом, бормоча что-то себе под нос. Оба освещали дорогу фонарика-

---

Вадим Месяц родился в 1964 году в Томске. Окончил физический факультет Томского государственного университета, кандидат физико-математических наук. Автор множества публикаций в литературных «толстяках» («Урал», «Знамя», «НЛО», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Крещатик» и др.) и более пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат премии NewVoices in Poetry and Prose (1991, USA), Бунинской премии (2005), премии им. П.П. Бажова (2002), финалист Букеровской премии (2002) и др. Организатор «Центра современной литературы» в Москве и руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». В «Волге» публиковались стихи (2015, № 7-8) и рассказы (2016, № 3-4). Живет в Москве.

ми от мобильных телефонов. У Петелина зарядки почти не оставалось. Сколько зарядки было у сына, он не знал. После приезда он уже изрядно кирнул за стойкой бара и сейчас тяжело дышал. Мысли в голове скакали как кузнечики.

Новый год должен был наступить с минуты на минуту. Петелин поставил будильник в своем телефоне на двенадцать, хотя понимал, что они все равно увидят салют в назначенный час. Гришка хотел встретить Новый год на самой вершине. Он торопился. Петелин не мог угнаться за ним.

Он подвернул себе ногу и схватился за лодыжку обеими руками, корчась от боли. Мальчик растворился в темноте. Вскоре звуки его передвижения стихли. Петелин массировал лодыжку, но боль не утихала.

Он позвал ребенка, потом закричал. Ему стало понятно, какую глупость он сегодня сделал. Он сидел на склоне и орал как чокнутый. Когда в долине сразу в нескольких местах вдоль побережья взлетели разноцветные огни и шутихи, чуть не заплакал.

Ребенок не появлялся. Петелин перетянул лодыжку банданой, которую нашел в кармане куртки и, продолжая кричать, пополз к вершине.

– Гриша, мать твою! Где ты?

Странный сегодня получился праздник, думал он. У него бывали Новые года и похуже, но что может быть глупее, чем потерять ребенка ночью в горах? И еще эта чертова граница. Петелин не знал, насколько серьезно нужно относиться к их «пограничному состоянию». Размышлял, что будет делать, если с Гришкой что-нибудь случилось. Куда здесь звонить а экстренном случае? Зарядки в телефоне было три процента. Петелин выключил его, чтоб сохранить энергию.

Он продвигался метров на десять и садился передохнуть. Звал ребенка и потом опять поднимался еще метров на десять. Наконец где-то вверху раздался характерный сыпучий шорох и крик мальчика.

– Папа, тут флаг! Иди сюда.

Петелин крикнул, что подвернул ногу, но скоро будет на месте. Вскоре они сидели на вершине горы и смотрели на море с отражающимися на воде огоньками гостиниц и пансионатов.

– Хороший получился Новый год, – говорил Гришка. – Я как раз успел забраться на самую высокую точку. Нога сильно болит?

– Болит, – отозвался Петелин.

– Это чей флаг, израильский?

– Да.

– Давай его переставим.

– Зачем?

– Расширим границы какого-нибудь государства. Ты за кого: за арабов или евреев?

– Не знаю. За евреев, наверное. Мы же живем в израильской гостинице.

– Вот и давай им поможем.

Флаг стоял на стальном треножнике, крепко приколоченном к скалистому грунту, был закреплен дополнительными тросами. Они поняли, что конструкция монументальна. Идею пришлось оставить.

Назад спускались намного быстрее. Петелин хотел успеть на банкет. Нога внезапно перестала его тревожить.

В гостинице стоял дым коромыслом. На сцене танцевали самбу бразильские красотки в блестящих купальниках. Народ подражал им, едва попадая в ритм. Петелин покормил ребенка пиццей со шведского стола, отправил в комнату и пошел на дискотеку. Тусовался он там недолго. Пригласил какую-то чернявую девку на медленный танец, долго объяснял ей что-то по-английски, но понять, какой она национальности, так и не смог.

По окончании танца подвел ее к тому же месту, где взял. Его тут же обступила толпа из пяти маленьких уродливых женщин и мужика, заявившего что это – его жена и он сейчас вызовет полицию.

– У ней на лбу не написано, что она чья-то жена, – сказал Петелин.

Плакальщицы по команде мужчины начали орать и возмущаться. К ним подошли служащие секьюрити, работник бара и горничная. Они начали о чем-то спорить на своем языке. У Петелина не было сомнений, что это разводка на деньги, и он решил не вестись на нее ни в коем случае.

Из номера спустился Гришка с пластмассовым пистолетом в руке. Он послушал крики шантажистов и шутки ради выстрелил в толпу со словами «бубух». Раздался вопль, толпа расступилась. Женщина, которая танцевала с Петелиным, лежала на мраморном полу холла и выглядела мертвой. Народ сгрудился над ней и начал приводить в чувство, забыв как о Петелине, так и о его сыне. Хохоча, они вернулись в номер.

Утром появилась возможность осмотреться. С балкона открывался вид на залив, который в это новогоднее утро был изысканно синим. Вдоль прибрежного шоссе торчали редкие пальмы. Над пустынными пляжами кружились чайки. Пирсы доставали краем высветленную полоску прибоя. Левее виднелись подъемные краны местного порта, блестящие нефтеналивные баки, корабли и кораблики. Дальше начинался город, который отсюда казался кучей рассыпанных белых кубиков. Гора, на вершине которой они вчера побывали, казалась не такой высокой, как представлялось вчера.

– Гриша, – сказал Петелин, обращаясь к сыну, – обещаю больше никогда не заводить с тобой разговоров про женщин.

– Правильно, – сказал сын. – Иначе я буду их отстреливать.

Михаил БАРУ

***

осенний дождь...
серое небо
в мелкую веточку

***

хорошо сидим...
уже никуда не летят
журавли с этикетки

***

ветрено...
самолет сшивает облако
белой ниткой

***

деньги кончились...
ветер раскачивает лампочки
на дереве у ресторана

***

хитрая улыбка...
вот-вот покажутся
за губами зубы

Михаил Бару родился в 1958 году в Киеве. Окончил Российский химико-технологический университет в Москве. Химик и инженер, кандидат технических наук. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 1999 года. Автор нескольких книг стихов и прозы, в том числе «Обещастье» (2005), «Следы птиц» (2007), «Один человек» (2008), «Цветы на обоях» (2009), «Записки понаехавшего, или Похвальное слово Москве» (2010), «Тридцать третье марта, или Провинциальные записки» (2011), «Дамская визжаль» (2011) «Повесть о двух головах» (2014). Составитель первой российской антологии хайку и трехстиший «Сквозь тишину» (2006). Живет в Москве.

***

Благовещение...
Весь дом пропах
Жареной мойвой

***

Весенние облака...
Дети кричат:
– Самолет! Самолет!

***

Кончился дождь...
Осмелели, подходят к калитке
Подосиновики

***

Хлопнул дверью...
Бесконечное
Многоточие фонарей вдоль дороги

Константин КУПРИЯНОВ

ТОЛЯ ШВЕИН И СВЯТОЙ

Повесть

Глава первая

Потом Толя вышел из подъезда, пересек улицу и обернулся, чтобы снова поглядеть на особняк. Не верилось, что целый дом в самом центре Москвы занимает всего одна семья. Хотя к таким вещам пора бы привыкнуть. Сколько роскошных квартир, офисов, коттеджей, ресторанов он посетил за последний год?.. Каждый раз он думал, что в следующий раз уже не удивится, но очередное поручение шефа отправляло его туда, где снова впору было открывать рот в недоумении перед чужим вопиющим богатством.

Толя пожал плечами и пошёл по улице, думая в очередной раз о том, что хочет стать богатым. «Деньги», «успех», «инициатива»... – эти слова пропитали Толину жизнь. Их произносили или подразумевали друзья, девушки, коллеги – все, с кем он сейчас общался. Слова не давали ему покоя. Он угадывал их между строк, когда получал очередное задание от шефа или забирал зарплату. Толя знал, что настоящее богатство ждёт его впереди, что всё, что он имел сейчас, – это мелочь, которую серьёзные люди могут бросить со своей вершины кому-нибудь на чай.

Толя прошёл по Камергерскому переулку, свернул на Большую Дмитровскую улицу и стал медленно подниматься вверх, к Тверскому бульвару. Ветер заставлял ёжиться, вжимать голову в лёгкое не по погоде пальто и мечтать о новом шарфе. Как всегда, ранний март обманул горожан, принеся в город короткую оттепель, чтобы потом на много недель она сменилась ветреной колючей стужей.

По пути Толя заметил двух девушек, неподвижно застывших посреди улицы перед яркой витриной бутика. Они с вожделением глядели на меха за толстым золотистым стеклом, и Толя остановился, глядя попеременно то на девушек, то на шубы. Потом к ним присоединился и четвёртый – мужчина средних лет, который уставился на дорогие мужские куртки. Это был какой-то клерк с уставшим взглядом, ослабленным узлом галстука, лицом, по нос обмотанным выцветшим шейным платком. «Неужели и я могу когда-нибудь таким стать?» – подумал Толя. Мужчине было на вид лет под сорок, и по его одежде было понятно, что ни успеха, ни богатства он в этой жизни не добился. Зачем же тогда он живёт и продолжает чего-то хотеть? Этот вопрос часто пронзал Толю, когда он встречался глазами с очередным городским неудачником, каких на пути было немало.

Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Международное право», семь лет работал юристом в коммерческих компаниях. Выпускник ВЛК при Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Нева», «День и Ночь», «Знамя», в составе сборников «Новые писатели» (2013, 2014). Финалист премии «Лицей» (2017). Лауреат премии имени Марка Алданова (2017, 2-е место за повесть «Толя Швеин и Святой»).

Наконец, Толя заставил себя отвернуться от витрины, оставил зачарованных людей и побрёл своей дорогой. Чувство чего-то до невозможности неправильного порой поражало его при взгляде на такие сценки на улицах Москвы, но он не находил сил ни выразить, ни даже толком осознать эту неправильность.

У Толи под мышкой был конверт, который ждал шеф. Очутившись в метро, он привычным образом отключил сознание и позволил голове наполниться бесконечным стуком металла, качкой вагона, приветливыми механическими голосами дикторов. На периферии сознании Толи, как и у всякого опытного москвича, была нарисована карта метро, по которой он лениво отслеживал своё путешествие, почти не замечая реальность: «Пушкинская» – «Баррикадная» – пересадка – «Краснопресненская» – «Киевская» – снова пересадка, долгая и утомительная из-за ожидания редкого поезда в сторону «Международной»...

Оказалось, что сегодня Толя слишком устал, чтобы в пути послушать очередную книгу про успех или о том, как стать богатым. Лиза частенько скидывала ему новое название и автора, и он прослушал таких книг уже больше пяти десятков, после чего сбился со счёта. Уже довольно давно ему стало казаться, что все эти спикеры говорят примерно об одном и том же, что они попросту повторяют один и тот же набор слов на разный ряд, соединяя их в разные книги, но по сути не привнося ничего нового. Но Толя упрямо продолжал слушать, исключая лишь такие дни, как сегодня, когда московская мартовская хандра лишала его сил.

Дорога до Москва-Сити заняла минут тридцать. Здесь люди, которые не ездили на машинах, чувствовали себя немного ущербно: чтобы добраться до огромных башен, им требовалось долго идти по яркому подземному коридору. Толя уже давно не замечал этого мелкого неудобства. Он поднялся на двадцать пятый этаж жилой башни, повернул направо, прошёл мимо трёх массивных дверей и очутился перед квартирой – офисом шефа.

«Тук-тук» (шеф не любил, когда звонили), – ответа не последовало. Потянулись минуты ожидания, но никто не открывал. Пришлось звонить.

«Сейчас опять начнет ругаться, – промелькнуло в голове, – может, устроит разнос». Шеф был человеком настроения: если его обрадовать, мог просто так подарить пятитысячную купюру и сказать, чтобы шёл с девушкой в ресторан; но если попасться под плохое настроение – жди беды. В маленькой Толиной жизни настроение шефа занимало много места, но он ничего не мог с этим поделать.

Впрочем, на этот раз звонок в дверь не имел последствий – никто не открыл. Прямого контакта с шефом у Толи не было – он мог набрать лишь его личной ассистентке Любе (с субботы по понедельник её заменяла Света).

– Привет, – сказал он. – Ты не знаешь, где шеф?

– Привет, Толя. По-моему, он в бильярд поехал играть.

– Вот блин...

– А что?

– Так у меня для него посылка, – Толя пнул толстую входную дверь – заболел палец.

– Ну так оставь в почтовом ящике и иди домой. Уже седьмой час, Толик.

– Да я знаю... Но он говорил, что это важно. Велел отдать лично в руки.

– Видимо, забыл, – Толя невзирая на расстояние почувствовал, что Люба безразлично пожимает плечами.

Он опустился на мягкий ковролин прямо посреди общего коридора, уверенный, что никто его здесь не заметит. В соседних квартирах люди появлялись редко: топ-менеджеры, экспаты, бизнесмены... обладатели яхт, бизнесов, пароходов – у них, как и у шефа, эта квартира была одной из многих. «Что для них двадцать пятый этаж и пара миллионов долларов? – подумал Толя. – Всего лишь вариант для ночлега при очередном посещении Москвы».

Чтобы время потекло быстрее, он включил на телефоне сериал. Актёры говорили на английском, а внизу появлялись субтитры. Толя последние несколько месяцев силился выучить английский, чтобы, как выражались спикеры в его аудиокнигах, «выйти на новый уровень

саморазвития и самопознания», «повысить свою конкурентоспособность на рынке», «раздвинуть границы». Однако пока он не слишком преуспел: не помогали ни кинофильмы, ни сериалы, ни музыка. Толя смутно чувствовал, что ему не достаёт какого-то финального рывка, после которого он по-настоящему войдёт в чуждый язык и овладеет им, но как его сделать – не имел понятия.

Четверг – один из самых тяжелых дней в неделе. С одной стороны, завтра уже пятница, а в пятницу всегда открывается второе дыхание; с другой – день, когда экватор уже преодолён, а работа всё не кончается. Короче, паршивый день. Сериал не увлекал его, он вяло читал субтитры, не вникая толком ни в устную речь, ни даже в перевод. Что-то там делили наследники какого-то богача...

Наконец, спустя минут сорок позвонила Люба.

– Пляши, он едет к тебе.

– Ну, наконец-то.

– Зря не радуешься. Мог и не поехать. Он после бильярда собирался в бассейн – скажи спасибо, я о тебе упомянула.

– Спасибо.

«Интересно, – подумал Толя, повесив трубку, – когда же шеф зарабатывает деньги, если он все дни проводить в бассейне, бильярде, на курорте?..» Впрочем, глупый вопрос. Ответ на него спикеры дают уже в первой или второй лекции: «Чем больше твоё богатство, тем меньше тебе приходится работать. И наоборот – чем тяжелее ты трудишься, тем скромнее живёшь». «У по-настоящему богатых людей свободного времени в десять раз больше, чем у нас», – подумал Толя, ударяя затылком о глухую стену. – Интересно, какие мысли у них, когда они целыми днями расслабляются? Чёртово богатство – почему меня вообще это беспокоит?!.»

Прошло полчаса, и шеф приехал. Толе показалось, что он немного не в себе. Шеф посмотрел сквозь него и вяло покивал, когда они здоровались, сосредоточившись на замочной скважине. Как будто под чем-то, подумал Толя. Шеф грустно пригласил Толю зайти в квартиру.

– Вот он.

– Что это? А... – принимая конверт, шеф попытался сосредоточиться, но было видно, что он напряженно думает о чем-то другом. Он забросил конверт, даже не вскрывая, на диван. – От Олега?

– Нет, от Виктора Самуиловича.

«Блин, потратил три часа жизни на этот конверт, а он, оказывается, ему и не нужен», – разочарованно подумал Толя. Лишь теперь он понял, что ужасно хочет есть. Шеф начал энергично уплетать принесённые с собой суши. Его взгляд опять устремился в одну точку, он явно о чем-то раздумывал.

– Ладно, Леонид Викторович, – сказал Толя, – хороших выходных.

Он знал, что шеф завтра улетает куда-то в Европу. То ли Германия, то ли Австрия. «Хоть завтра, может, освобожусь пораньше. Пара поездок, и к обеду...»

– Стой.

Это было неожиданно. Толя обернулся. Шеф спешно утёр рот и махнул Толе, чтобы тот зашёл.

– Закрой дверь. Сядь.

Толя сел на диван и стал ждать. Живот стало тянуть протяжной болью – настолько шеф аппетитно поедал суши. Наконец, он отправил в рот последнюю и, усевшись в кресло напротив, сказал:

– Слушай, напомни, ты же у меня работаешь через Сёмика?

– Семён Кириллович меня привёл, да.

– Ага, ага... Мы с Сёмиком же когда-то... Короче, – шеф жестикулировал больше обычного, дёргался, менял позу, – будет спецзадание для тебя. Завтра едешь в Благодельск.

– Куда?! – Толя чуть не подпрыгнул. – Зачем?

– Ты там давно не был?

– Ну-у, со школы...

– Это сколько? – спросил шеф, с трудом скрывая безразличие.

– Семь лет скоро...

– Короче, это неважно. Я щас тебе расскажу, – шеф придвинулся ближе, опустив локти на кофейный столик между ними, – но ты обязан быть как могила, окей?

– Окей.

– Мы же с Сёмиком оттуда тоже, вот я и вспомнил, что ты там расти должен был...

Отец рассказывал, что познакомился с шефом, когда тот помог ему вытащить из каких-то кустов мотоцикл. Тогда ещё шеф был никаким ни шефом, а просто Лёнькой (отец и сейчас его так называл, но это уже не работало), и у него были веснушки и огромная, не по размеру рубашка, и куртка с надписью AC/DC, которой многие завидовали на провинциальной дискотеке, но главное – тогда он на короткое время стал папиным другом. Только потом почему-то Лёнька поднялся и стал ворочать миллионами, а папа никуда не поднялся, а всего лишь завёл дочь, потом встретил маму и усыновил Толю.

– Держи, вот деньги, – шеф не глядя вынул из кошелька пачку купюр и отдал Толе. Тот постеснялся считать сразу, но прикинул, что там могло быть тысяч тридцать. А может, и сорок. «Вот бы сорок, – подумал он, – премийка, командировка...»

– Завтра садись на поезд и едь туда. Сколько ехать, знаешь? Часа два?

– Часов пять...

– Садись на экспресс, – раздраженно сказал шеф, – есть же у них экспресс? И едь в Благодельск. А там...

Шеф взял паузу, которая наполнила полутёмную гостиную тайной, кремовый цвет кожаной обивки придал ей нуарный оттенок. Толя забыл и про голод, и про усталость. Азарт бил ему в виски, а деньги жгли руки, но шеф прищурился, словно взвешивая на невидимых весах цену слов, которые произнесёт. Потом вздохнул и сказал:

– А там найди этого святого, про которого говорят по интернету, и договорись мне об аудиенции. Понятно?

– Святого? – переспросил Толя.

– Ну да. А чего ты так таращишься?

– В смысле как святого? Не понимаю.

– Святой у вас... у нас в Благодельске завёлся. Творит чудеса, исцеляет, предсказывает. Это знак. Мне надо туда с сыном, – шеф говорил нервно, тряс ногой, как будто немного стеснялся собственных слов.

– А что с ним?

– Он... – шеф немного отшатнулся. Его взгляд стал спокойнее и холоднее. – А, ты же не знаешь. У моего старшего рак этого... неважно. В общем, болеет. Я уже во все клиники его возил, вот завтра в Мюнхен опять летим, но они... – он махнул рукой, встал, налил себе бокал виски. Потом налил и Толе.

Они молча чокнулись и выпили.

– Короче, хочу это тоже попробовать. Говорят, он вылечил уже нескольких – просто поговорили с ним, и на следующий день как новенькие. Я бы не... но это наш Благодельск, понимаешь?

– Понимаю, – ответил Толя, хотя не понимал.

– Если это совпадение, то я уж совсем ничего не знаю тогда... Короче, едь и выясни на месте, кто он и что, и почём. Так и спроси – сколько надо?

– За лечение?

Шеф мрачно кивнул. Толя почувствовал, что тот сам слабо верит в то, что говорит, но по тому, как он сжимал бокал, как смотрел в одну точку, было ясно, что спорить не надо.

– Ладно, Леонид Викторович, я всё выясню и позвоню Любе.

– Нет. Вот мой номер, – шеф дал ему личную визитку. – Звони мне напрямую. И никому не говори. Тайна, понимаешь? – он слабо улыбнулся. – Такие вещи в наших кругах лучше не обсуждать. Если кончатся командировочные, ты говори, – добавил он.

Толя вышел на улицу. Не болела голова, не хотелось есть, не было усталости. Он не очень хотел ехать в Благодельск, город детства... Но пачка (в ней оказалось тридцать три тысячи) приятно жгла карман, а главное – он наконец-то почувствовал, что это такое дело, после которого карьера мальчика на побегушках может превратиться во что-то большее.

Глава вторая

Толя чувствовал нарастающее возбуждение. Когда-то он дал себе обещание, что ни за что не вернётся Благодельск, но теперь чувствовал чуть ли не теплоту к этому месту. Казалось бы, дыра дырой, но именно благодаря ей появляется шанс подняться. Что ему заплатит шеф, если он устроит? А может, возьмёт в настоящие помощники? А может, начнёт поручать одни из тех заданий, с которых исполнителю причитается процент?.. Что-нибудь по экономической части – ведь, в конце концов, именно за карьерой экономиста Толя пошёл к нему после института... Воображение принялось рисовать перспективы, одну слаще другой.

И вот уже серость мартовской, не проснувшейся, не согревшейся Москвы перестала казаться давящей, а уже люди в метро – угрюмыми. Оказывается, достаточно получить какую-то надежду, и человек расправляет плечи. Пару раз Толя вернулся к этому странному, не из сегодняшнего дня слову – «святой» – но оно ничем не отзывалось в нём. Крестик на его груди висел мёртвым грузом, ничего не значил, просто кусок железа на цепочке, который он надевал и забывал снять. Если вдруг оживить этот металл, дать ему значимость, то за ним открылся бы целый мир, в котором, как ни удивительно, есть место и святости, и чудесам, но Толя чувствовал, что тяжесть такого открытия неподвластна ему, он просто не смог бы к ней прикоснуться или осилить сейчас. И вместо этого думал о деньгах. Фантазии о них кружились легко, плясали, манили, грели.

Ещё в метро он открыл на телефоне расписания в Благодельск. Ажиотажа не было – на завтрашние скоростные поезда оставалась ещё куча билетов. Толя купил себе сидячее место комфорт-класса в поезде «Сойка», который шёл три с половиной часа.

«Сегодня бухаем?» – спросил его по смс приятель.

«Тебе бы лишь бы бухнуть. Всё. У меня завтра командировка. Не до этого», – ответил Толя. Ему сложно было контролировать собственную гордыню.

«Х****е, – написал Юра. – Но вообщета есть вопрос. Давай ка встретимся», – добавил он спустя минуту.

Толя не ответил. Домой он попал, когда на улице уже полностью стемнело, и пытался не шуметь, но родители всё равно услышали.

– Это ты? – спросила мать.

– Да.

Больше она ничего не сказала, но Толя всё равно почувствовал досаду, что его заметили. Он любил проскальзывать домой незаметно.

– Па, – сказал он, зайдя в тускло освещённую кухню.

– А?

– Можно тя?

Отец ничего не ответил. Он медленно грыз семечки, уставившись в старый маленький телевизор. Экран, на котором носились футболисты, был единственным ярким пятном в помещении. Мать в сером халате неторопливо резала салат. Она посмотрела на сына косым разочарованным взглядом и вернулась к готовке. Сколько Толя себя помнил – она вечно что-то готовила, но холодильник оставался полупустым.

– Па-а...

– Да от****сь ты, видишь, я эта... занят.

Толя пошёл в комнату и включил свет поярче, словно наперекор родительской любви к тусклому освещению. Он упал на кровать и уставился в телефон. Лента новостей, сообщения от знакомых, новости, рассылки про компьютерные игры... Несколько мегабайт информации протекли по его сознанию транзитом и вытекли в никуда. Спроси его через десять минут, что он прочитал и что ему понаписали, – Толя бы не вспомнил. Потом он сосредоточился, потому что надо было дать знать Лизе.

– Я завтра уезжаю в командировку. Не, не так. Мне шеф поручил важное задание. Не, непонятно... Ээ, у меня завтра бизнес-встреча в Благодельске. Возможно, она продлится пару дней. Короче, на выходных не встретимся. Это уже получше.

– Ты чё тут, сам с собой п****шь? – спросил отец, ввалившись в комнату без стука. – ***, чё ты вечно свет так врубаешь?

Он выключил одну из ламп и продолжил раздражённо щуриться на Толю.

– Ну?

– Чё «ну»?

– Чего ты меня спрашивал? Там перерыв.

– Я еду в Благодельск.

– Опа, – на лице отца вдруг появилось что-то вроде сопереживания.

Толя знал, почему, и усмехнулся:

– Есть чё передать ей? – спросил он.

– Ээ, ну-у...

– Ээ, бээ, м***к, – проворчала проходившая мимо комнаты мать. Проворчала не громко, но так, чтобы её услышали. Отец злобно захлопнул дверь и сел на Толин стул. Толя это ненавидел, но смолчал. Он знал, что отомстит по-своему.

– А зачем?

– Посылают по работе, – вполголоса ответил Толя, привставая. – Надо там встретиться с одним чуваком.

– Странно, в Благодельск... Видать, Лёнька совсем уже от бабок спятил, да?

– Да нет, вроде нормально. У него... проблемы личного характера, – Толя вдруг почувствовал, как изо рта чуть не выскакивает правда, но заставил себя смолчать, – и я вот буду их решать.

–***, ну ты хоть намекни! – отец походил на мальчишку, и Толя с удовольствием закачал головой.

– Работа, па. Не могу.

– Сучёныш.

– Ну так что, передать ей чего?

– Да пошёл ты н****.

Отец злобно встал и вышел из комнаты. Толя удовлетворённо откинулся на подушках. Отец был ему не родным, но он почти никогда этого не вспоминал. Только если изредка разговор заходил о дочери отца от первого брака, которая так и жила в Благодельске. «Вот она удивится», – пробормотал он. Толя думал, что относится к Нинке безразлично, но изредка, произнося её имя, вдруг ощущал спрятанный очень-очень глубоко внизу ропот ненависти, детскую щемящую догадку, что если бы не её существование, то их семья могла бы быть абсолютно другой. Может быть, даже счастливой.

Он не успел продолжить репетировать речь, потому что Лиза уже звонила сама. Они договорились встретиться в круглосуточном баре через час. Сначала с Юрой, потом с ней. Толя почувствовал себя начинающим бизнесменом. Встречи, командировки, манипуляции людьми... Он закинул руки за голову и в оставшиеся до выхода полчаса с наслаждением покурил.

– А ну перестань курить в комнате! – крикнула ему мать, проходя мимо, но он сделал вид, что не слышит. Музыка в наушниках стала громче, дым ядовитее, и Толя чуть не уснул. К счастью, потом мать толкнула дверь в комнату и разбудила его, отобрав сигарету.

Обычно она начала бы нести всякую ахинею про здоровье, но тут он заметил другой, понимающий взгляд, и угадал, что отца задело как следует. Интересно, почему он так стыдится? Ну, дочь и дочь... Мать смотрела на него секунд пять, и они словно без слов о чем-то договорились, хотя ничего не было сказано. Даже не наорали друг на друга в этот раз. Уже когда он выходил, мать быстро подошла, поглядела на него снизу вверх и скороговоркой сказала:

– Ну, ты уж этой сучке скажи всё, что я о ней думаю, если увидишь.

– Акей, ма, – согласился Толя и закрыл за собой дверь.

Юрец уже сидел в баре.

– Да, здарова, – сказали они друг другу.

– Ну чего, бухаешь, Толян?

– Нет, написал же. Ты за этим?

– Не, я спросить про бабки.

– Какие бабки?

– Ну, которые ты обещал достать.

– Слушай, ты запилил меня уже этим. Нет пока бабок, – Толя решил не раздеваться и сразу уйти, но Юра опустил огромную лапу на его плечо.

–***, Толян, не разговор. Нужны бабки. Откроем дельце, поднимемся, давай. Ты с таким человеком крутишься. ***, да мы бы...

– У тебя ничего нет, – сказал Толя с раздражением, – ни плана, ни идеи. Ты пробухаешь их просто и всё. Я тебя знаю. Тебе сколько ни дай – всё попусту.

– А ты попробуй.

– А на, – Толя вдруг вынул пятнадцать тысяч и положил перед Юрой. – Чё, слабо на что-то, кроме х***и, потратить?

Этот порыв был совершенно спонтанным, но Толя испугался лишь в первую секунду. Потом он успокоил себя: столько командировочных ему в Благодельске никогда не понадобится, шеф просто дал столько, сколько выгреб из кошелька, и явно не собирается проверять.

– О***ть, – с искренним восхищением сказал Юра, робко взяв пачку купюр.

– Ну и? Вот скажи идею, и я тебе их оставлю.

– Как тебе такая идея – ты мне отдаёшь их в счёт разбитой тачки, а потом приносишь остальное?

– Да пошёл ты, – Толя попытался забрать, но Юра крепко держал деньги в руках.

– Куда это мне пойти? Ты же мне торчишь, помнишь?

– Уже нет. Твоё корыто на это два раза можно починить.

– Ну, посмотрим, – Юра спрятал деньги в карман.

– Сука, тогда угости хоть.

Юра с охоткой заказал пива на двоих. Выпив, он, как всегда, стал веселее и заулыбался.

– Что-то ты легко стал сорить деньгами, разбогател, что ли? Квартиру продал?

– Нет.

– А откуда тогда?

– Заработал, – гордо ответил Толя.

– Надо свой бизнес... Надо-надо своё дело, – энергично проговорил Юра, обнимая бокал и подставляя его Толе для чокания.

Через минут двадцать вялого разговора пришла Лиза. Толя знал, что она недолюбливала Юру, но решил сделать вид, что подзабыл, и они сидели некоторое время втроём.

– Как твоя учёба? – без интереса спросила девушка.

– А, да я не помню толком, – Юра улыбнулся, потом стал ковырять во рту зубочисткой. – Надо бы зайти отметиться, занести за сессию... Хорошо, что напомнила.

Когда он ушёл в туалет, Лиза громко прошептала:

– Вот видишь, с кем ты общаешься?! И из-за такого окружения ты сам там, где ты есть.

– А где я есть? – удивился Толя.

– На дне.

– На днище, – передразнил он её, но Лиза не поняла.

– Да, вот именно.

– На ё***ном.

– Чего?!

– На ё***ом днище, – он рассмеялся.

– Ох, Толя... Ты же понимаешь, что я не могу быть с кем попало. Я всё жду-жду... уже год жду, что ты за ум возьмёшься... Но, кажется, зря это всё.

– Нет, кисик, всё будет хорошо. Шеф меня продвинул. Дал задание. Завтра еду в Благодельск.

– Это что такое?

– Это вообще-то город, наш с ним общий родной дом. Пять часов от Москвы.

Толя ждал, что это произведет больше впечатления, но Лиза смотрела на него без восторга. Он обнял её покрепче и вкратце рассказал суть задания, закончив повествование фразой: «Главное, не про***ться», – как раз, когда он её произносил, вернулся Юра.

– Что-то ты долго, – холодно сказала Лиза.

– Придавило посылочку отправить...

– Ой, ладно, не хочу слушать... Так, ладно, мальчики, я пойду, не хочу завтра на работу проспать.

Толя понял, что надо уходить и ему.

– Я тебя провожу. Дай только Юрцу скажу кое-что на прощание.

Они отошли к барной стойке.

– Юрец, ты вот деньги взял, а делать чего-то будешь?

– Буду, Толян, буду... мы магазин с тобой откроем. Модный, красивый.

– Какой магазин?

– Крафтового пива. Это сейчас пи**** как модно!

– Да, я что-то такое слышал...

– Во-о... главное, лицензию проплатить, а дальше всё пойдёт. Давай, старайся, ты с таким человеком общаешься! Попроси у него проинвестировать! Он в накладе не останется.

Толя помолчал. Он думал, что если сумеет выполнить поручение шефа, тот сделает всё, о чём ни попросишь. После двух бокалов крепкого пива уже не казалось таким безумием существование где-то под Москвой настоящего святого целителя.

– Как ты думаешь, это возможно? – спросил он Лизу, провожая её домой. Почему-то на улице немного потеплело (а может, это алкоголь разлил по его крови тёплую умиротворённость), они шагали в обнимку, её голова чуть склонилась к его плечу, он с удовольствием водил ладонью по её спине.

– Нет, конечно. Поэтому и переживаю.

– О чём?

– Ну как. Он окажется шарлатаном, и шеф твой расстроится. Или даже разозлится. А кто получает наказание первый?

– Кто?

– Гонец с плохими вестями, Толя. Ты такой глупенький, когда выпьешь. Не пей, а?

– Это же всего лишь пиво.

– В общем, поскорее там всё узнай и скажи своему начальнику, что святой этот шарлатан, чтоб он зря не надеялся. Главное, не давать человеку ложных надежд, понял?

То, что Лиза относилась к нему, как к неразумному ребёнку, обычно бесило, но сейчас Толя почувствовал настоящее волнение о себе и нежно обнял её. Потом они решили не идти сразу к Лизиному подъезду, а немного прогуляться по району. Хотя он не готовил ничего специального, это оказался один из лучших вечеров, какой за последнее время они проводили вместе. Видимо, несмотря на весь свой скепсис относительно святого, Лиза наконец-то почувствовала прилив надежды – аналогичный тому, что испытал сегодня сам Толя, – и в глазах её забрезжила влюблённость и мечтательность.

Она много говорила о том, каким видит будущее. В этот вечер – даже больше, чем обычно. Толя понял, что она больше живёт событиями, которые только могут наступить, нежели настоящим, а прошлое для неё и вовсе размыто и несущественно. Хотя он редко раздумывал над такими вещами, но сейчас мысль посетила его голову: «Мы, казалось бы, такие разные, но именно это в ней – не похожее на меня – и привлекает больше всего. Я обычно думаю только про то, что есть. А Лиза, о чём её не спроси – всегда уже где-то в будущее убежала, понастроила планов...» И после того, как это размышление пронеслось в его голове, он ответил на её вопрос:

– Знаешь, я думаю, хочу в будущем лучше разбираться в природе людей. Мне кажется, если это понять: типа, кто и почему, и что делает в разных обстоятельствах, то можно примириться со всем этим.

– С чем?

– Ну, со всем этим говнищем. Принять его.

Лиза слабо улыбнулась.

– То есть всё-таки ты одно говнище видишь?

Толя вздохнул, представляя себе, как сейчас выглядит дом, где он живёт: отец напился (потому что его команда проиграла или выиграла), орёт (от злости или на радостях) на мать, та шипит в ответ, ворчит несмолкающий телевизор, щемятся по углам тараканы и пауки... Его жизнь – это дно, с которого нет никакого способа подняться, кроме самого очевидного. Деньги. Они меряют людей, определяют их.

– Пока нет денег, да. Ты же и сама об этом говоришь.

– Я говорю только, что тебе самому понравятся изменения в себе, если ты станешь жить по-другому, – и тут она опять предложила ему очередное название книги, которую надо было прослушать. Толя тяжело вздохнул, но чего не сделаешь ради девчонки, с которой вы вроде как влюблены друг в друга.

Потом они стали целоваться, и серьёзные темы сами по себе ушли, замененные смешками и нежными прикосновениями. Толя даже подумал заманить Лизу к себе, тайком от родителей, подождав ещё часок, пока они уснут. Но она твёрдо ответила, что должна идти спать домой.

– Мы не увидимся несколько дней, – предупредил Толя.

– У тебя всё получится, – ответила она, поцеловав его в лоб. – Я чувствую, что ты можешь вернуться оттуда изменившимся! Просто постарайся.

Она даже не знала, насколько окажется права. Её улыбка была такой красивой, что Толя едва удержался, чтобы не брякнуть, что любит её.

Глава третья

Естественно, Толя не выспался, но более неожиданным для него оказалось то, что он не может уснуть и в поезде. Хотя глаза и были закрыты, в голове назойливыми осколками метались сомнения: «Святой?», «Юра с его магазином? Сколько раз он ему давал денег, и ничего путного так и не вышло», «Лиза – у неё слишком возвышенные запросы. Пожалуй, мне никогда не дотянуть до того уровня, который она ждёт». И всё в этом роде. В этих тревогах он бы и провёл

весь путь, если бы случайно не услышал разговор двух женщин, сидевших за его спиной. Он не сразу понял, что их речь касается того же человека, за которым ехал сам, но как только во второй раз послышалось слово «святой», Толя обратился в слух:

–...А что удивляться? Конец света скоро, вот и посылаются такие люди.

– Да что ты говоришь такое, матушка?..

Стук колёс иной раз проглатывал слова женщин, но Толя вслушивался в каждое оставшееся.

–...мне батюшка наш ... так и объяснил: когда начнутся чудеса, то надо смотреть в оба глаза.

– В смысле?

– Ну, так чудо может и от тёмной силы идти!

– Так и от какой же Вадичка силы? Тёмной али светлой?..

–... я думаю, по крайней мере... Но люди разное говорят, на то они и люди.

– Точно ... – объявление правил безопасности и торговли надолго скрыли диалог от Толиных ушей. – ... А что вот он по этому поводу говорит?

– Ой, не знаю, матушка, ой, не знаю... моё дело простое было. Я за внученьку попросила, он дал вот иконочку и сказал через месяц приехать. Я вот и еду... Пенсия-то у меня маленькая, но я у деда выпросила на билет, ох, не хотел давать!

– А сколько у вас пенсия?

Женщины перешли на другую тему, Толя немного отодвинулся и бросил подслушивать. Чуть погодя он обернулся, чтобы запомнить, как выглядят попутчицы, и спустя полчаса, когда они достигли Благодельска, последовал за ними. После платформы женщины разошлись в разные стороны, и он пошёл за той, которая несла больше вещей.

– Вам помочь донести? – предложил он.

– Ой, спасибо, молодой человек! Спаси вас Господи! До Приречного района мне!

Они начали неспешный путь вниз под горку, к излучине Благожки, возле которой когда-то был и Толин дом. Женщина рассказала, что приехала к родственникам, что остановится у них на выходные, что привезла им с пылу с жару пирожков, что дед не хотел её отпускать, ворчал и жадничал давать денег, но почему-то ничего не говорила о святом. Когда они остановились у маленького коттеджного домика (Толя его не помнил – наверное, построили в последние семь лет, что его тут не было), он решился спросить напрямую:

– Я сам местный, матушка, но давно не был на родине...

– А где ж ты был, сынок?

– Да в Москве, где же ещё.

– А, ну да, всё в ней, проклятой, – добродушно засмеялась женщина.

– Так вот. Слыхал, что тут у нас святой живёт теперь...

– О-о, сынок, это да-а-а, – женщина немного отстранилась от него, и, кажется, стала говорить недоверчивее, – так говорят люди... Но ты знаешь, то ж тебе не баловство.

– Да какое баловство, если человек чудеса совершает, – Толя нервно засмеялся.

– Ну-у, чудеса... Ты знаешь, каждый к нему своей тропкой приходит, прямой-то нету.

– Как нету? Адреса его нету, что ли?

– М-м, я, молодой человек, не знаю. Я так, погостить же. Хорошего тебе денёчка, дорогой, спасибо ещё раз! Как зовут тебя?

– Толя...

– Анатолий, я поставлю за тебя свечку.

«Странная бабка», – с раздражением подумал Толя. Он сам не заметил, как ноги вывели его на родную улочку и пропетляли разбитой, не изменившейся дорогой до знакомого каждым камушком двора. Он встал перед своим домом-бараком и поглядел на него с насмешкой. Неужели когда-нибудь он не поверит, что вышел из такого дома в новую успешную жизнь? Или, может, наоборот, о его нелёгком пути будут снимать передачу, и он станет давать журналистам интервью прямо перед руинами домишки, объясняя, как мечтал вырваться из его тесных стен?..

Как ни странно, домик выглядел сносно. Его уже года четыре как расселили окончательно, но было видно, что в некоторых квартирах собираются бомжи или подростки и устраивают вечеринки. Может, и в их квартире сидит парочка наркоманов, пьёт водку и ждёт наступления сумерек, чтобы ширнуться? Толя не хотел проверять.

Дом показался ему чужим, и он отошёл от него. Другое дело двор. Хмелящая ностальгия захлестнула его, и он надолго залип посреди футбольной коробки, где с друзьями сыграл не один десяток матчей. Движения, запахи, имена, крики – осколки прошлого можно было собрать прямо с земли и вернуться в детство.

– Эй, ребята! – крикнул он, заметив, что со стороны двухэтажной жёлтой школы по грязи топают какие-то дети. – Вы слыхали о святом?

– А?

– О святом, говорю, слыхали?

– Нет. А ты кто? – один из ребят подозрительно поглядел на Толю.

– Да так... жил тут раньше.

– Где?

– Да вон, – он махнул на заброшенный барак.

– Там прям? Ничо себе.

– А чо?

– Да так, – ребята загоготали и пошли своей дорогой. Может быть, они были слишком маленькими, когда дом ещё оставался жилым.

Толя пошёл в магазин напротив, надеясь наткнуться на знакомых продавцов, но внутри не было тех, кого он помнил. Какой-то алкаш, зависший перед витриной и тщетно считавший на ладони монеты, показался похожим на их соседа. Вася? Или Витя? Или Вова?.. Толя чертыхнулся на свою дурную память, но решил спросить.

– Привет, Вить!

– При-вет, – отрывисто сказал мужчина. Вблизи он казался уже не таким старым.

– Эт я, Толя! По-моему, жили раньше рядом. Вы в третьей, а мы в пятой, помнишь? В том доме?

– Не пом-ню, – мужчина не взглянул на Толю, всё ещё тыкая грубым коричневым пальцем в монеты.

– Ну, э-э... Ладно, ты не слышал случайно про святого, который у вас тут появился?

– Свя-то-го? Н-нет, я таки-ми ве-щами не инте-ре-суюсь.

– ***, это че, стиль робота у тебя? Очнись! – Толя слегка коснулся его плеча, и мужчина резко вздрогнул, крепко сжал кулак с монетами и изумлёнными глазами уставился на парня.

Толе сделалось не по себе. Глаза собеседника постепенно наливались злобой, словно до его сознания не спеша доходила ярость от прерванного подсчёта денег. «Наверное, нарик», – подумал Толя и поспешил предложить ему стольник.

– О-о, – выдохнул мужчина, и злоба медленно покинула его взгляд, оставив в глазах лишь пьяную пустоту, – спа-сибо. Долж-но хватить.

Толя даже не стал отвечать и повернулся к продавщице.

– А вы случаем не...?

– Молодой человек, вы покупаете? У нас тут не справочная! – бойко заявила она.

– Да ***! Что с вами со всеми тут?!

Несмотря на раздражение, Толя купил бутылку воды и вышел под серое мартовское небо. Оказалось, на улице сыпет мокрый снег, хотя ещё десять минут назад изредка пробивалось солнце.

«Это какой-то пи****», – написал он смс Лизе, но потом переделал последнее слово на «пипец». «Я в тебя верю», – ответила она через несколько секунд. «Круто». «Давай, зай, ты должен победить это задание, всё получится!».

Воодушевлённый Толя отправился в отдельный одноэтажный дом, стоявший чуть в стороне от двора, в тенистой липовой аллее. Здесь жил его друг детства Чапыгин. Перед домом стояла огромная красная Нива, которая когда-то принадлежала отцу Чапыгина, а с недавних пор (судя по фотографиям Вконтакте) стала собственностью самого Ильи. Впрочем, судя по развороченному капоту и торчащим наружу внутренностям, машина не скоро куда-либо отправится.

– Чапа! Ча-а-а-па-а! – закричал Толя, прямо как в детстве. Воспоминание о том, как он когда-то звал друга точно таким же именем и в точно таком же месте, развеселило его. Он заулыбался, позабыв даже о пронизывающим ветре. Но Чапа не выходил. Пришлось звонить в дверь.

– Привет, – сказал Чапыгин. – Картина маслом, *****, «Не ждали!».

– Ага. Привет.

Они пожали руки, потом даже коротко обнялись.

– Зайдёшь?

– Да уж. Погодка у вас пи***с Яковлевич тут, – заметил Толя.

– Ну а чо, в Москве не так, что ли? – спросил Чапа, пропуская гостя внутрь.

– Нет. Там тепло.

– Не п****. Только сейчас новости смотрел – такой же снег, как и тут.

– Ладно. Давно это ты новости смотришь, а, Чап?.. ***, ну ты и располнел... Точь-в-точь как батя стал!

Сходство с отцом у Чапы и впрямь стало поразительным. Он превратился из круглолицего румяного пацана в бугая, заросшего бородой, с неопрятными чёрными волосами и носом-картошкой. Пожалуй, только отсутствие седины отличало его от почившего Чапы-старшего.

– Не п****. Я в мать, – со значением поправил его товарищ.

– А где она?

– В смысле? – удивился Чапа. – Всё там же. Два метра под землёй.

– Как?! И мать тоже?!

– Ага. Перед тобой чистый, как слеза, сирота. Но я не унываю. Видишь?

Чапа показал Толе своё рабочее место: огромный дубовый стол, выглядевший таким же старым, как и полувековой дом, завален бумагами и книгами, но главное – увенчан аж тремя ноутбуками. Вероятно, именно ими Чапа и хотел похвастать.

– И на*** тебе три? В дотку рубишь?

– В ху****у. Это вы там в своей Москве рубите. Я тут серьёзным бизнесом занят, – Чапа уселся в грандиозное чёрное кресло перед столом и выудил из-под вороха бумаг какую-то книжку. – Во!

– А, Форекс. Ну, не намного дальше ушёл, – снисходительно сказал Толя, хотя внутренне похвалил друга.

– Иди в жопу. Чай будешь?

– Да.

Они выпили чаю на кухне.

– Пьёшь? – спросил Чапа, потянувшись за бутылкой, которая располагалась прямо на полочке над обеденным столом.

– Рановато ещё пить-то.

– Эм-м, дуешь, может?

– Да нет, ***, я вообще по делу!

– По какому это делу? У нас сюда приезжают только бухать и дуть. Ну и колоться. Весь класс, кто не уехал, сторчался либо сел, – Чапа хохотнул.

– А ты?

– А я деньгу зарабатываю. И в ус не дую. И **** я при этом вашу Москву. Как тебе раскладик?

– Неплохо.

– Неплохо? – переспросил Чапа, – П****то! – он стукнул по столу кулаком, поднимая фарфоровый звон. – Я бы так охарактеризовал!

Он говорил каждое слово весомо, неторопливо, по-отечески. Толя всегда любил Чапыгина за то, что от того веяло духом уверенности. Он и в классе был поэтому старостой, и единственным, с кем старались дружить все.

– Дело такое, Чап, тут у вас святой завёлся. Мне бы надо с ним поговорить. Подскажи, где он живёт?

– А, ты про Вадичку?

– Ну, наверное, про «Вадичку». Что это за имя-то такое?

– Да просто сначала появился какой-то бомж Вадик. Никто, в общем, и не заметил. Всем же по***. Тут и те, кто с жильём, как бомжи, а тут со стороны бомж приехал. Ну, короче по***.

– Да я понял. И?

– А пото-ом... ***, потом начался какой-то странный движ с ним, – Чапа улыбнулся, медленно расчёсывая густую чёрную бороду, – начали какие-то бабки шептать, что он, мол, будущее видит. И всякие вещи предсказывает.

– Ну, типа чего?

– Ну, типа, что Немцова грохнут, типа такого.

– Да ладно?!

– Прохладно! Я *** знает, Толь, я в этом не секу и не лезу в такие темы. По мне так это бред всё, сам понимаешь. Я человек математики.

– Давно ли? Еле тройбан получил, я помню.

– Ну, с тех самых, как на бирже стал играть.

– Ой, да ты всерьёз заморочился. Много выигрываешь, что ли? – улыбнулся Толя.

Но Чапа, похоже, относился к делу без шуток. Он нахмурился и ответил не сразу.

– Смех смехом, п**** кверху мехом, – холодно продекларировал он, – на квартплату хватает и ладно. Ты-то сколько имеешь?

– По пятнахе в неделю, – соврал Толя, не задумываясь. По лицу Чапы он тут же понял, что биржа приносит меньше.

– Ладно, – мрачно сказал Чапа, – ты извини, мне надо за котировками следить. Я на падающий бакс поставил, а он, сука, растёт третий день, скоро закрывать позицию буду, иначе...

– Погоди, Чап, ну ты прости, что я так... Как снег на голову. Давай вечером засядем, поговорим нормально... Я бухла куплю приличного... А пока просто скажи мне – где этот е***** святой? Я уже трёх человек тут спросил. Даже четырёх. Ты пятый. Адрес просто скажи, и я к нему сбегаю.

Толя с удивлением заметил, что уже начало смеркаться. Оказывается, время клонилось к четырём часам. Чапа чесал бороду, измеряя одноклассника умным, взвешивающим взглядом.

– Бомж он, я ж говорю, – ответил он после долгой паузы, – не местный.

– И что? На улице, что ли, живёт?

– У бабок он разных живёт. Надо выяснять, где щас именно. Одно время при монастыре нашем жил, но потом, когда слава потянулась, его оттуда выперли. Попы сразу поняли, что если человек имеет славу, то им меньше бабла будет доставаться. Поэтому он вписывается теперь то у одной бабки, то у другой. Повыясняй, короче.

– ***... – Толя откинулся на диване-сидушке. – Не ожидал, что это так сложно окажется.

В этот момент зазвонил телефон. Незнакомый номер.

– Алё?

– Толя, как дела? Это я.

От неожиданности Толя зачем-то поднялся из-за стола и тревожно осмотрелся.

– Это кто? – спросил Чапа с усмешкой. Толя замахал на него руками.

– Расскажи, как у тебя продвигается, – спокойно, но строго попросил шеф.

– Э, ну, я, э, доехал до Благодельска.

– Ага. И как он? – без интереса спросил шеф.

– Да всё по-прежнему.

– Ладно, Толя, мне некогда. Что там со святым? Ты поговорил с ним?

– Ну... тут это, есть сложность.

– Какая сложность?

– Я его пока не нашёл.

Шеф молчал пару секунд.

– А давно ты приехал? Почему с утра не поехал?

– Я часа три назад приехал...

– А, понятно, – холодно оборвал шеф. – В общем. Ищи и дай знать. Информация нужна срочно. Я в Германии. Надо понимать, что мы делаем и когда мне приехать. И ты помнишь, да? Говоришь ему, в деньгах нет вопроса! Понял?

– Да, Леонид Викторович, вы не волнуйтесь, я...

– Я не волнуюсь. Ты волнуйся, – холодно сказал шеф и повесил трубку.

– Ого, – прокомментировала Чапа.

– Вот так и живём, – развёл Толя руками.

– И зачем ты на этого м***** работаешь?

– Как зачем? Деньги... – Толя сел обратно за стол. Он зачем-то выложил перед Чапой оставшиеся купюры. За минусом отданных Юре пятнадцати тысяч здесь ещё было почти восемнадцать. – Вот, представляешь. Дал, просто так. Ни отчётов, ничего. Чтобы я приехал и всё тут разузнал. А по сути, на что мне их тратить?

Толя говорил и при этом смотрел на деньги завороженно, забыв о Чапином присутствии.

– Деньги – это воля. Если бы мне дали столько, сколько у шефа, я бы мог столько сделать со своей жизнью. Мне бы хватило. Человеку, по сути, не надо больше одного-двух миллионов. Долларов, конечно. После этого можно просто ничего не делать и развиваться как человек. Тут бы я и почитал, наконец-то, что-нибудь интересное, и отвёз бы Лизу на Мальдивы, и...

– Что за Лиза?

– А? О, ну это девчонка моя нынешняя, – Толя поднял взгляд на Чапу и тяжело вздохнул. Реальность вернула его на кухню, где пахло кошачьим кормом и подгнившими половыми досками. Он опять спрятал деньги.

– Да уж, ты ими особо не размахивай. Это такая неплохая зарплата тут. Люди на котельной за пятнарик впахивают.

– Пусть впахивают, – безразлично сказал Толя, – низшие столько и должны получать.

Чапа расхохотался.

– А ты у нас кто, высший, что ли? Раскольников х**в.

– Кто?

– Ой, всё. Ты, я смотрю, со школы особо не изменился, всё так же много о себе думаешь и в облаках порхаешь.

– У меня тогда цели не было. А теперь есть, – ответил Толя. Его стал раздражать поучающий тон друга.

– И что это за цель? Бабки? Тут никого такой не удивишь. Не строй из себя, а? Весь мир щас только ради бабок... Просыпается, работает, засыпает – всё к ним. Поэтому людям и нужны святые. Чтоб была надежда, что ещё есть какой-никакой бог, кроме них.

– Мне другое интересно, – сказал Толя, – он настоящий или нет? Потому что если нет, шеф не обрадуется.

– Я тебе уже сказал, что об этом думаю. Нет там ничего, – Чапа поднял палец к потолку. – И святых поэтому тоже нет. Жулик. Так что езжай лучше назад в Москву и найди нормальную работу.

– Это какую?

– Это на которой ты что-нибудь делать будешь. Желательно руками. На завод пойди. Или хоть в офис работать, по клавишам стучать...

– Не вижу, чтоб ты на заводе работал, – раздраженно сказал Толя.

– Я этим форексом занимаюсь из-за математики, – Чапа улыбнулся, – нравится считать, составлять алгоритмы. Это развивает мозг. Получше, чем быть мальчиком на побегушках.

– Иди ты, Чап.

Толя направился к выходу.

– Не найдёшь, где спать, – приходи! Дом большой! – крикнул ему вдогонку Чапа.

На дворе всё ещё шёл снег. С Чапой вышло как-то по-тупому. Вроде и рад его видеть, а получается, что поругались. Странно это. Всё странно в этой жизни. «На что бы я действительно потратил время, будь у меня уже деньги?»

Толя шагал вверх по улице к вершине холма, где стояла церковь. Я ведь Лизе правду сказал – понять бы людей. Я бы сел, обложился книжками и стал бы исследовать. Почему они такие. И зачем? Зачем они тут? Ведь если всё это отбросить... В смысле отбросить всё это выживание, зарабатывание, карабканье по холму – ну и дать каждому по миллиону, то окажется, что мы живём совершенно зря. С другой стороны, возьмём Лизу. Иногда... редко, но иногда – бывает такое счастье видеть её. Пока она не начинает просить ей купить всё на свете... Но до тех пор, пока она всё не испортит...

Но, в общем, это какое-то тупое, телячье счастье. Самое интересное – оно тоже кончается. Ведь потом мы расходимся или срёмся, или попросту расстаёмся. Все рано или поздно делаются бывшими друг другу. Человек ведь всегда помнит, что умрёт. Да еще и разрушит всё прекрасное вокруг себя. Рано или поздно лишишься молодости, друзей, родных, даже памяти, начнутся болячки, которые, в конце концов, утащат на тот свет. Тогда зачем же всё?..

Толя перестал думать, потому что наконец-то крутой подъём кончился. Долгие хаотичные мысли помогали ему идти, но наверху уже не были нужны. Он просто шагал под липким снегом, сделав музыку громче. Дорога к храму сделалась прямой. Снег таял за шиворотом и под ногами – едва коснувшись чёрного уличного месива.

«Что там в церкви положено? – мозг опять напряженно загудел, когда Толя очутился во дворе храма. – Чего у них сейчас? Почему открыто? Вечерняя какая-нибудь. Пятый час. Да, наверное. Х** его знает. Снять шапку. Ок, шапку снял. Перекреститься. Готово. Можно заходить». Толю ласково обнял запах ладана и густое, настоявшееся тепло. Несколько женщин покосились на него, пока он неуверенно прошёл к иконе, которую счёл за главную, и приложился. Ну, вот вроде и всё. Нет больше ритуалов. Можно пойти спросить.

– Извините, – обратился он к женщине в церковной лавке, – вы не слышали, где нынче живёт Вадичка? Святой.

– Нет, – резко отозвалась женщина. Толя решил, что она наверняка знает, о чём он спрашивает, но из упрямства или по глупости скрывает.

– Совсем нет идей?

– Нет. Вы покупаете или как?

– Вот оно что... Ну ладно, давайте тогда три свечки.

Толя не знал, что делать со свечами, распихал под три самые симпатичные иконы и встал посреди храма. Опять можно было не думать, потому что время текло само собой, было тепло, и даже есть не хотелось – спасибо Чапе за печенья... Но потом кто-то коснулся его локтя, и он услышал:

– Хотите про Вадичку спросить, я вам расскажу, только давайте выйдем.

Он послушно зашагал наружу за маленькой скрюченной старушкой. Хотя прошло всего двадцать минут, городок в низинах вокруг холма погрузился в полумрак. В большей части домов не горел свет, улицы, за исключением центральной, не освещали фонари, а огромный лес, окружавший Благодельск со всех сторон, теперь посинел и контрастировал с чёрным небом. Но снег так и валил – упрямо и долго, беспомощно продолжая таять от

прикосновения к людям и земле. Впрочем, крыши немного побелели, и насколько хватало глаз – покосившиеся домики спускались к полузамёрзшей узкой реке, увенчанные зыбкими белыми шапочками.

– Так что там с Вадичкой? – устало спросил Толя. Ему стало казаться, что уже никто ему не поможет.

– Я только сегодня у него была, – восторженно ответила старушка. – Только вы батюшке не говорите, а то он...

– Да не скажу я, не скажу, – про себя он добавил пару крепких. – Просто объясните, как до него добраться. Это заговор какой-то – никто не говорит!

– Ну, так то Божья воля, – старушка усмехнулась, – если бы к святому было легко попасть, какой же он святой? Должен Вадичка сам тебя выбрать.

– В смысле?

– Он сам выбирает, кого принимать, а кого нет.

– Вот ***...

– Не ругайся, мы же в храме, – возмутилась старушка и, кажется, стала даже менее скрюченной и более громкой.

– Нет, мы на улице.

– Это тоже храм. Вся территория – храм, – упрямо объяснила она.

– Ну ладно. Так что там с Вадичкой? Как он должен меня выбрать-то?

– Приходи на Удальцова, дом семь. Занимай очередь и жди.

– Удальцова, дом семь, наконец-то, – Толя поспешил записать адрес в телефон. – А там что, типа очередь по записи или как?

– Он сам выбирает, с кем говорить, – ответила старушка, – и когда.

– Ну а что можно сделать-то, чтобы он меня выбрал? У меня дело срочное!

– У всех срочное. Никто просто так не приедет. Но Божий человек лучше ведает, когда и кому помочь.

– А вам он помог?

– Да. Вот иконку дал очищенную.

– От чего очищенную?

– От скверны. У меня в доме демоны завелись, одолевали. Спать не давали. Я чуть закрою глаза – тянут в бездну. Прямо вижу: слева, справа – наползают! И тащут, и тащут!.. Нет спасенья. Спать не могла, дышать не могла. И на дне видать глаза было! Прямо два огромных зрачка, ты знаешь, как страшно! Ничего не говорят, ничего не делают, но от одного ужаса я тряслась, как листок, и понимала, что отдала бы чего угодно, чтобы это кончилось. Оно и тянуло ко мне: отдайся, отдайся. Один раз я чуть не наступила туда. Чтобы это только кончилось. Потому что они обещали кончиться потом. Но я вовремя поняла, что это просто жульничество. После первой уступки захотят второй, а там и...

Старушка зажмурилась, прекратив наконец-то своё странное повествование. Толя немного отошёл от неё, ему стало не по себе.

– И вот дал эту мне, – она показала крошечную иконку. – Чистая, сказал, как слеза Христа на кресте. Защитит. Демоны больше не имеют надо мной силы после этого.

– А почему имели? – с сомнением спросил Толя.

– Не знаю, сынок. Слабая была, видимо. Много позволяла себе, – старушка по-простецки развела руками. – Человеку за всё суждено расплатиться. Кому на этом свете, а кому – на том. Но всегда будет расплата.

Толя подумал о шефе. Наверняка, тот предавал, подставлял, врал, грабил... Может, даже убивал. А почему нет? И где его расплата? Дюжина квартир, огромная корпорация, собственный самолёт.

– Да нет, бабуль, – сказал он, – всё попроще... Но спасибо вам. Сейчас тогда пойду туда.

– Сейчас уже не ходи. Он в темноте не принимает. Ложится отдыхать. Ты с рассветом приходи.

На том они и расстались, и тут Толя понял, что не хочет спать в гостинице, и пошёл проситься к Чапе.

Глава четвертая

Впрочем, уже почти дойдя до липовой аллеи, в глубине которой мерцали огоньки Чапиного дома, Толя подумал, что нельзя приходить и просить о ночлеге с пустыми руками. Тем более он уже козырнул перед Чапой деньгами. Он повернул в магазин, куда заходил днём, но из алкоголя там оказалась только водка самых разных видов и маленький ассортимент вин, шампанских и виски сомнительных брендов.

– А есть тут у вас что-нибудь типа сети?

– А? – продавщица с трудом вышла из транса, в который погрузилась, лузгая семечки над кроссвордом.

– Ну, сеть какая-нибудь появилась у нас тут? Типа «Перекрёстка» там, я не знаю...

– Нету, – лениво отозвалась женщина и уткнулась в кроссворд.

Но поиск в интернете показал Толе, что есть работающий до девяти магазин «О'кей». Правда, стоял он, судя по карте, у самой трассы, а значит, надо было идти через пол-Благодельска. Но Толя подумал, что поиск нормального алкоголя – это достойный повод прогулять по родному городу, тем более не известно, когда он снова тут окажется.

И вот ему снова пришлось идти по крутому подъёму вверх, потом проходить мимо церкви (свет внутри уже погасили), мимо родной школы (тоже ни одного огонька), мимо пустыря, где как не было ничего всю его школьную жизнь, так и не появилось, мимо сквера «Памяти героев Великой Отечественной войны» (в центре фонтан: ладошка бронзовой девушки отломана восемь лет назад, но девушка всё ещё не унывает и машет культей мирному чёрному небу). В этот раз проголодавшийся Толя ничего не думал – только слушал, как грязь хлюпает под его ботинками. Снег перестал, но завыл ветер, и стало даже холоднее. Полностью стемнело, по лужам пошёл лёд, и Толя поскользнулся, упал, перемазался в грязи. Кто-то помог ему подняться, в темноте было плохо видно.

– Аккуратнее, парень, – сказал мужчина, похлопав его по плечу сильной рукой.

– Спасибо.

Незнакомец исчез, и Толя продолжил путь в одиночестве, подгоняемый визгливым вихрем. В «О'кее» он купил джин и тоник, каких-то булок и питьевой йогурт для завтрака.

– О-па, какая встреча! – стоило выйти из магазина, как к нему подошёл молодой парень.

– Привет.

– Здорово, Толян! Какими судьбами?! Решил вернуться?!

– Не совсем.

– А по виду решил, – парень рассмеялся, – или это в Москве так модно ходить?

– Да это я... – Толя с досадой стал отряхивать с одежды подсохшую грязь.

– На****лся, – весело закончил незнакомец.

– Слушай, прости, я не помню, ты из школы, да?

– Обана! Три года вместе во дворе мяч гоняли, и тут такие новости! Лёха я!

Лёха снял с головы шапку, обнажая слипшиеся волосы. Этот жест не придал ему ни грамма узнаваемости, но Толя вяло пробормотал: «А, ну да».

– Так как оно в Москве? За*****?

– Ну, нормально.

– Путина видел?

– А? Не.

– А кого видел? Медведева видел, может? Или этого, как он, Шайгу!

– Да где их увидишь-то?

– Ну, блин, а кого видел?

Толя призадумался.

– Ну, Басурдинова видел.

– Ё***, а это кто?

– Да банкир один...

– Банки-ир, – Лёха озадаченно почесал голову и вернул на место шапку.

– Ладно, давай, до встречи. Я тут ещё на пару дней – может, повидаемся, – сказал Толя, но парень остановил его.

– ***, Толян, может, подогреешь меня маленечко?

– Чего сделаю?

– Ну, подогрей на пару сотенчиков, а? Денег на горькую не хватает, а сегодня, блин, пятница, сам понимаешь... Жена не поймёт.

– Жена?

– Ага! Но ты не думай! Я с твоей сестрой давно завязал. У меня это, Ленка из восьмого «бэ».

– Восьмое «бэ», – зачем-то пробормотал Толя, напрасно силясь вспомнить, о ком говорит Лёха. Видимо, раз он упомянул сестру, парень был одним из многочисленных ухажеров батиной родной дочери. Толя старался никогда не запоминать их лиц. Линия разграничения в те годы шла прямо посередине коридора квартиры. Слева оставались кухня и их с родителями комната, а справа было «лежбище» (как называла мать) Нины – маленькая комнатушка, из которой двадцать часов в сутки громыхала музыка либо телевизор. Он видел её редко – тогда разница в четыре с половиной года ещё выглядела огромной, да и по правде сказать, Толя боялся сводной сестры, потому что она неизменно смотрела на него с ненавистью и отвращением. Уже под конец этого ужасного соседства Нина начала всё чаще приводить к себе каких-то парней, причем поначалу отец пробовал выгонять, запрещать и даже дрался с парочкой, но это лишь разозлило Нину, и парни стали появляться чаще и чаще – почти каждый вечер. Тогда отец плюнул, и поток гостей немного ослаб.

– Ну, здорово, что у тебя теперь семья... – растерянно сказал Толя.

– Ага, – Лёха расплылся в улыбке, – и вот смотри: Ириша... наша...

Он выудил из кармана телефон и стал показывать Толе фотографии какого-то младенца.

– На тебя похожа, – сказал Толя, чтобы что-нибудь сказать.

– О, это точно! Папина дочка. Блин, рад тебя встретить! Прям напомнил мне про былое время. Эх, Нинка-то... Держи! – Лёха с удовольствием закурил, Толя без охоты затянулся раз-другой. – Так что, поможешь другу?

Толя поковырялся в кармане и наощупь вынул купюру, надеясь, что это окажется пятисотенная. Но в руках очутилась тысяча. Глаза Лёхи благоговейно засветились.

– Вот это ты человек. Вот это я понимаю, – он ударил Толю по плечам, предварительно утянув купюру в недра кармана. – Спасибо, брат! Сегодня выпьем за тебя... Эй, слушай! А хочешь с нами?! Приходи, Ленка рада будет! Она щас мелкую уже уложила, картошечку жарит. Ща мы с тобой луковицу купим и за****им о*******нький ужин, а?! Чё скажешь?!

– Не, спасибо, я это...

– Чё?

– Ну, я уже иду в гости.

– К кому?

– К Чапыгину, это мой одноклассник...

– А, Чапа, что ли? – перебил Лёха. – Так и он пускай приходит.

– Окей, я ему скажу.

– На, запиши мой телефон, – Лёха деловито продиктовал номер и заставил Толю позвонить себе. – Всё, теперь на связи, Толян!! Та-ак, я за чекушкой, а ты постой тут, ща куплю и ещё перекурим. Расскажешь мне про своих банкиров в Москве. Я мигом!

Едва Лёха забежал в магазин, Толя шагнул прочь с освещенного пятна асфальта перед входом и, пользуясь прикрытием тёмной загородной ночи, заспешил обратно к берегу реки. Через несколько минут телефон начал вибрировать от Лёхиного вызова, но Толя не ответил.

Он шёл долго, потому что прилично устал и пару раз потерял дорогу. Оказавшись в третий раз в незнакомом переулке, в недрах которого были слышны пьяные голоса большой толпы, Толя решил, что надо идти более длинным, но надёжным путём, и вышел на центральную улицу, которая была мало-мальски освещена фонарями. Часы показывали почти семь. Толя удивился, как быстро и бестолково пролетел день. Он позвонил Лизе, но та ответила, что ещё работает. Неожиданно позвонила мать:

– Ну как ты там? – спросила она.

– Да ничего.

– А? Не слышно!

Пришлось остановиться, чтобы связь не пропадала.

– Ничего, говорю, ма. Всё тут по-прежнему. Наш дом расселили окончательно. Но не снесли вроде.

– Как город?

– Ну, город как город.

– Что ты мямлишь там? Я не слышу!

– Город как город! – крикнул Толя в трубку. – Иду вот по Ленина.

– А-а. Куда идёшь?

– К Чапе, ма. Помнишь его?

– Помню, конечно. Отец тут опять устраивает.

– Чего он?

– Да как всегда.

Толя не знал наверняка, что отец утраивает «как всегда», но выбор был невелик: напивается, орёт матом или, может, как в старые добрые времена, колотит мать, а потом уходит плакать в туалет, но на всякий случай сочувственно вздохнул.

– Держись, ма, я приеду – разберусь.

– Ты уж разберёшься. Ладно, давай, пока.

– Пока.

Толя сделал пару шагов, как его остановил какой-то мужик и попросил закурить. Пришлось искать зажигалку и только затем продолжить путь. Ему начало казаться, что он идёт уже какое-то бесконечное количество времени: с самого утра, и дороге всё нет конца. И вдруг странная мысль посетила его: ведь это не такая уж и мелочь – просить Бога о чуде. Шеф, пожалуй, пошёл самым лёгким путём – отправил курьера, дав ему в зубы денег, и ждёт результата. А попробовал бы он помесить ногами Благодельское говно, выясняя адрес этого Вадички. Попробовал бы походить под снегом, ветром, в темноте, натыкаясь на кучу непонятных личностей ... Может, цена чуда стала бы ему понятнее. Ещё Толя заметил, что думает о святом со страхом, что гонит прочь от себя его образ и старается представить скорее какого-то буддистского истукана, к которому достаточно будет подойти и поклониться, но умом-то он понимал, что всё будет не так просто. А вдруг святой спросит, верит ли он в Бога? Что тогда сказать? Надо будет посоветоваться с Чапой.

Наконец-то, через ещё полчаса, он добрёл до церкви и начал в третий раз за день спускаться к реке. Несмотря на мороз, от реки поднялся лёгкий молочный туман, который густел по мере спуска. Навстречу Толе попался какой-то мужик. Вовремя не заметив друг друга, они столкнулись плечами.

– Извините, – сказал мужчина спокойным уверенным голосом, словно ни капельки не удивился, и исчез наверху.

Толе вдруг подумалось – вдруг это один и тот же человек встречается ему трижды: сначала поднял его из грязи, потом попросил зажигалку, потом столкнулся с ним плечами... А вдруг это и есть святой?! Решающий, пускать его к себе на приём или нет?!.. Впрочем, нет, бред-бред-бред, да и где это видано, чтобы святые люди курили. Не, о таком он точно никогда не слышал.

– Привет, Чап, – сказал Толя, когда, наконец, добрался и протянул пакет с выпивкой и закуской.

– Ну, здарова. А я уже подумал, ты не придёшь.

– Да не, я просто ходил тут...

– А чё такой за****ный?

– Да за****ся. Долго ходил.

– Поехал бы на маршрутке – она тут прям от моего дома до «О'кея» ходит.

– Да если б я знал. Раньше же ничё не ходило.

– Раньше было раньше, – своим привычным менторским тоном разъяснил Чапа.

Они уселись на кухне. Чапа тоже жарил картошку – точь-в-точь как Лёхина жена.

– Весёлый у тебя вечер пятницы, – заметил Толя.

– Не умничай. Сейчас только открывается нью-йоркская биржа. Вот закроется – тогда и пятница началась.

– А-а, ну-ну. Торгун.

Некоторое время они молчали: Чапа мешал картошку, чтобы она не пригорела, Толя гладил кота. Потом по кухне распространился ещё один запах, и Толя сглотнул слюнки.

– Грибочки? – спросил он.

– Ага, родные, благодельские. Сам собирал, сам замораживал. Впрочем, я теперь всё сам, – озадаченно добавил Чапа, почесав нос. – Знаешь, Толя, ты если будешь говорить с этим святым, ты уж спроси у него – действительно ли там всё так, как они говорят.

– Там – это где?

– На том свете, ё***.

– А-а, ну... А тебе зачем?

– Как зачем? Это же единственная причина во что-либо верить.

– Ты разве не решил уже всё для себя?

Чапа не ответил. Он разложил тарелки, щедро отвалил себе и гостю по порции картошки с грибами и разлил напиток по рюмкам. Сам он отказался смешивать джин, а Толя залил себе тоника.

– За встречу, – сказал Чапа. Они выпили. – Так вот. Единственная причина такому, как мне, человеку с математическим складом ума, во что-то верить, – это надежда встретиться потом с ними.

Толя повернул голову туда, куда кивнул его друг, и увидел чёрно-белую фотографию родителей. На ней они были совсем молодые – наверное, выпускники института, и стояли в каком-то поле, под ярко-белым казахстанским солнцем. Чапин папа ещё даже не был грузным, а мать была очень красивой, и они улыбались, как будто не знали о том, что умрут через какие-то двадцать лет.

– Ну, я спрошу. А чего ты сам с ним не поговоришь, раз тебе интересно?

– Признаться в том, что интересно – это почти то же самое, что признаться, что Бог есть. А там и до трёх китов, на которых Земля крепится, недалеко, – ответил Чапа, тщательно пережевав пишу. – Понятно, что человек не исчезнет бесследно: его материя просто трансформируется в другие материи, но память, мысли – что с ними? Я же почти наверняка знаю, что ничего нет для них. Но всё-таки любопытно: а вдруг?

Они ещё выпили и поели в тишине. Потом Чапа сказал:

– Ни бога нет, ни рая, ни ада... Просто темнота и... это. Как его?

– Небытие?

– Ну, вакуум. Да, по сути небытие. Но это тоже что-то религиозное. Не, лучше вакуум.

– То есть это типа твоя позиция, но я всё-таки должен спросить? – уточнил Толя.

– Да.

– Это ты как бы вполглаза хочешь подсмотреть туда, в существование чего не веришь?

– Да ***, не хочешь – не спрашивай, – Чапа нахмурился и отложил еду. Он налил себе одному рюмку и, не торопясь, наслаждаясь каждым глотком, выпил.

Потом хозяин отошёл к столу и довольно долго залипал в свои три ноутбука. Он периодически выписывал что-то на бумагу, хмурился, цокал языком, сверялся с калькулятором и какой-то книжкой и вообще производил впечатление чрезвычайной занятости. Толя постоял несколько минут в дверном проёме, наблюдая за Чапой, но потом махнул рукой.

– Конечно, все служат только деньгам, – сказал он коту, вернувшись за стол. Картошка с грибами была умопомрачительной, и он положил себе ещё и ещё выпил. Постепенно сознание качнулось и перестало быть твёрдым, привязанным к чему-либо. Толя любил это состояние, он знал, что за ним последует крепкий сладкий сон безо всяких сновидений. Но тут позвонила Лиза. Он не сразу услышал её голос.

– А? Алё?

– Привет, говорю, ты как? Что делаешь?

– Ем картофанчик с грибочками.

– М-м, вкусно звучит!

– А то ж! Это Чапа мне наготовил.

– Кто?

– Чапыгин Илья, друг моего детства, а ныне задрот форекса, – Толя специально сказал так, потому что именно в это время Чапа вернулся на кухню. Услышав свою характеристику, он усмехнулся.

– Поня-ятно, – лениво протянула Лиза. Толя понял, что она позвонила просто так и скоро разговор заглохнет сам собой, и она скажет, что поедет к подруге в гости или что ложится спать. – Ну как там твой святой?

– Я его пока не нашёл. Но завтра пойду к нему. На приём.

– Ого. Прям как в налоговую.

– Ну, тут такие порядки, как я понял.

– Ла-адно, Толя, я так устала на работе.

– А что было?

Лиза пустилась в описание перипетий своей офисной жизни. Её рассказ занял минуты три, и Толя благополучно пропустил всё это мимо ушей. Благо, в его организме было уже достаточно джина, и тёплое озорное чувство веселья, наступающее даже если ты ничего не делаешь, поглотило его с головой. Ему начало казаться, что он качается на очень ласковых, заботливых волнах, а Лизин голос поёт ему песню о дальних берегах, к которым они поплывут, когда он наконец-то разбогатеет.

– Я так хочу, чтобы у тебя всё получилось, Толя, – мечтательно говорила Лиза. Только тут он понял, что она давно поменяла тему. – Чтобы ты стал тем, кто... Ну, таким же, как они.

– Как кто?

– Те, кто чего-то добился. В тебе это есть, я уверена. Я помню, когда мы только познакомились, ты говорил такие интересные вещи, в тебе было столько идей...

– А сейчас?

– Сейчас, мне кажется, ты загнался немного, но это ничего, это временно, ты справишься, и встанешь на ноги. К тому же тебе давно нужна новая работа или должность. Но это всё будет. Главное, не забудь девушку, которая тебя на это вдохновляла, ладно?

– Я тебя не забуду, ты ж понимаешь, котик. Ладно, тут Чапа уже зевает.

– Да, я тоже, – Лиза и впрямь зевнула в трубку, – иду спать. Целую тебя, милый.

– И я тебя.

Положив трубку, Толя выпил ещё.

– Да, ты, пожалуй, был прав, – сказал он, – все помешаны на бабках.

– А бабы особенно, – добавил Чапа.

– ***, у тебя голос такой, Чапа...

– Какой?

– Ну, не знаю, как объяснить. С детства – что бы ты ни сказал – звучит как правда. Вот как так?!

– Талант, харизма, – Чапа с самодовольной улыбкой запрокинул голову и долго ковырялся в бороде. Толя был почти уверен, что он выудит оттуда что-нибудь, но потом Чапа просто сложил руки на стол и сказал: – Бабы особенно помешаны. Ты даже не удивляйся.

– Но у неё это так звучит... ***, ей-богу, не звучит так, что всё только ради них, а по содержанию получается так... То есть что мы ни обсуждаем – она постоянно говорит, чтобы я разбогател и всё такое. У неё прям пунктик на этом.

– А у тебя нет?

– Ну, да...

– Разве ты не судишь людей по богатству, Толь?

– Эй, я об этом не говорил.

– Да я таких, как ты, каждый день вижу и читаю, на тех же форумах. Думаешь, не знаю? Абсолютно идентичные мысли. Когда ты сегодня сказал про «низших», я сразу понял всё.

– Не, я как бы понимаю, что деньги это средство... – начал было вилять Толя, которому совсем не хотелось, чтобы Чапа так легко разгадал его мировоззрение.

– Средство для чего? Мне просто интересно. Я тоже так считаю, но интересно, что ты скажешь?

– Средство вылезти из всего этого дерьма, – Толя начал придумывать на ходу. – Много у тебя денег – ты считай свободен. Можешь выкарабкаться на берег, отдышаться. Мало – ты болтыхаешься. И причем это не водичка. Это дерьмо.

– Молодец, Толя, впервые что-то умное сказал, пока тут сидишь.

– Да иди ты...

Они ещё выпили.

– Не, я серьёзно. В тебе что-то просыпается, когда выпьешь. Ты ещё не бухой? Нашёл Вадичку-то?

– Завтра пойду к нему, – отмахнулся Толя. Сейчас, пьяному, ему окончательно не верилось ни в святого, ни в бога. Почему-то он вдруг вспомнил, как то ли в седьмом, то ли в восьмом классе Чапа предал его: они оказались в новой компании, где по какой-то, не существенной сейчас, причине, все стали чмырить его, Толю, а Чапа, словно проглотив свой харизматичный язык и упрятав кулаки-кувалды в карманы, ничего не сделал, чтобы остановить их. А потом он даже стал подыгрывать их шуткам!.. Толя лишь сейчас понял, что помнит обиду за тот день до сих пор.

Он потемнел от тоски, многократно усиленной алкоголем, и глубоко погрузился в мысль, которая была слишком сложной для него теперешнего, однако он не мог от неё отделаться: «Людям не нужен никакой дьявол, чтобы творить зло – они прекрасно обходятся своими силами. Только дай им самый пустяшный повод – и они сделают какую-нибудь гадость, устроят подлянку, обидят слабого...»

– О чём задумался? – спросил его Чапа.

– О том, что ничего этого нет, Чап. Никого не будет потом.

Оба почему-то косо глянули на фотографию Чапиных родителей. Теперь и Илья помрачнел, и они снова запили молча. Потом паузу нарушил первым уже Толя:

– У шефа сынок умирает, оказывается. Вот и послал меня за святым. И я тут целый день по говну хожу, а он там, в Австрии, свои холёные ручки маникюрит.

– Чего это ты завёлся?

– В смысле? Ничё я не... Просто бесит, ***! Мы тут в этом во всём, а они там!..

– Стоп, стоп, так не пойдёт. Вот теперь ты уже перебухнул – говнецо из тебя полезло. Давайка пройдёмся, подышим.

Они вышли. Даже несмотря на то, что ещё была ранняя весна и никаких следов пробуждения природы не наблюдалось, аллея была уютной и безопасной. Она начиналась во дворах, где Толя с Чапой выросли, и обрывалась у берега реки, заканчиваясь ничем: сухой кустарник, горы мусора, разваленные мостки, уходящие в воду... Добредя до этого места, где было слышно, как булькает не покрывшаяся льдом вода, ребята остановились. Чапа предложил покурить, но Толя не хотел. Они просто слушали реку и тишину, почти как в детстве, и Толя думал, почему же его друг когда-то всё испортил.

Вдруг он вспомнил, что бог, если бы он был, хотел бы, чтобы Толя простил Чапу. Он стал представлять себе это прощение, и действительно – издалека, если вообразить себе такую ситуацию и посмотреть на неё со стороны, – прощение имело свою прелесть. Если бы он простил, то маленькая часть чёрного налёта, которым было покрыто его сердце, сошла бы, и он сделал бы один вдох более свободным, чем предыдущий... Но правда в том, что нет никакого налёта, и нет никакого смысла прощать или не прощать. Раз друг всё забыл и сам не спешит попросить прощения, то этот случай будет жить только мерцающим светляком в Толиной памяти, и, наверное, так ему и суждено рано или поздно умереть в ней.

– Оказывается, кончился и ветер, и снег, – сказал Толя, чтобы отделаться от мрачных воспоминаний.

– Ну, так ночь же.

– А сколько щас?

– Десять пятнадцать.

– Ерундовое время.

Они прошли аллею в другом направлении, не заходя в Чапин дом, и вышли во двор. Прямо в песочнице на бывшей детской площадке группа ребят разожгла костёр и стояла вокруг него с кучей бутылок и закуски. Толе показалось, что он видит знакомую фигуру. Ему очень захотелось нащупать в памяти человека – имя уже словно плясало на языке, но всё никак не собиралось воедино из кучи танцующих букв. Он впервые пожалел, что они не взяли с собой выпивки, потому что казалось, если добавить хотя бы каплю допинга, имя найдётся. Но поскольку идти домой он не хотел, Толя шагнул в сторону фигуры.

С каждым шагом он узнавал её всё отчётливее. Можно было уже не идти, но к имени добавились запахи, звуки, ощущения из прошлого, и он уже как рыба на крючке – плёлся вперёд, утянутый мощным желанием вспомнить детство. Там было много дерьма, но над всем этим не довлели деньги. Кажется, тогда был другой ответ на сложные вопросы, и если туда вернуться, то...

Нина обернулась и посмотрела на него насмешливым взглядом. Постепенно и она вспомнила, и усмешка сменилась изумлением. Она даже приоткрыла рот и забыла о сигарете. Толя остановился. Тем временем Чапа пошёл с кем-то поздороваться. Потом кто-то подбросил в костёр доску, и пламя полыхнуло с новой силой, обрызгав Нинину левую половину лица оранжевым пятном. Вторая половина лица, напротив, потемнела, даже зрачок исчез, и Толе казалось, что он смотрит на половинку Нины, в то время как вторая исчезла в ночи. Потом жар коснулся и его лица, заставив попятиться. Тогда сводная сестра шагнула к нему навстречу.

– Ну, привет, – они, не сговариваясь, отдалились от толпы. Нина носила облегающую черную кожанку и узкие джинсы – всё подчёркивало её почти болезненную худобу. У неё были средней длины волосы, собранные в хвост, и яркая красная помада. Кажется, она ещё больше похудела и выросла.

– Привет, Толь, какими судьбами?

Он вкратце рассказал, зачем приехал.

– А, да, я чё-то такое слышала, – Нина стала курить, делая редкие глубокие затяжки.

– Не интересовалась, что там на самом деле?

– Да нет, конечно, зачем?

– Ну да... Я завтра пойду к нему. Выясню, – Толя вдруг с ужасом понял, что находит сестру очень красивой, хотя в детстве, всё то время, что они жили бок-о-бок, пока в восемнадцать Нина не сбежала из дома, считал её похожей на кобылу.

– Могу тебе рассказать, – добавил он.

– Да? Ну, давай.

– А где ты щас живёшь?

– Да там, ближе к центру... – она махнула рукой в сторону холма. – Точнее то там, то здесь, короче. Без пээм.

– Как?

– Без постоянного места, – Нина засмеялась. – Понимаешь, кому Москва, а кому Говнодельск. Тут особо квартир нормальных нет. Приходится жить, как получится.

– А-а, ну я это... Тоже живу в обычной квартире. С мамой и папой...

– В обычной квартире, – саркастически сказала Нина. – Боже ты мой, посмотрите, какой бедный москвич. Живёт в обычной квартире с мамой и папой. Ты прямо собирательный образ современного мужчины до двадцати пяти. Надеюсь, день рождения уже не в Макдональдсе справляешь?

– Не...

– А где?

– Ну, крайний раз в парке справлял.

– Ясно. А я набухалась, накурилась и заснула, прикинь?! – Нина расхохоталась. – Просто в дровища была, уже к полудню. Мне Танька такая: «Нина, хэппи бёздэй!», а я ей – «Мне п*****!» – я приехала и просто кончилась. Всё, можешь выключать свет, мне по***, я не встану! Так и не встала до двенадцати. Эти алкарики всё выпили без меня и даже свечку задули, прикинь? – она опять засмеялась.

– Да уж.

– Самый мой угашенный день рождения был, конечно, в семнадцать. Я была просто в гов-ностан, Толик! Я была в такое... – она вытаращила глаза и стала водить руками из стороны в сторону, будто показывая, что не хватает слов, чтобы описать то состояние. – Ты просто не представляешь. А потом позвонил папа, и я такая, – Нина заговорила писклявым голоском: – Да, папуля, привет! А? Не, я с девочками тортик ем. Тортик, Толя!!

– Да-да, я помню тот день.

– То-ортик! А-ха-ха, ***! Знал бы он, сколько во мне уже плескалось тогда... А-а-а! – она схватилась за голову, потом, немного отдышавшись, перестав смеяться, спросила: – Так и чё там ваша квартира? Просторная?

– Не, так. Двушка.

– Ну, норм, норм... – затушив сигарету, Нина обернулась. Кт-то её звал. Она махнула рукой: – Отстань! Ко мне брателло приехал. Десять лет не виделись. Десять же, да? Сколько тебе тогда было? Пятнадцать?

– Четырнадцать.

– А-а, точняк.

– А сейчас двадцать три. Так что, получается, девять лет.

Цифра прозвучала внушительно, и оба на некоторое время замолчали, словно обдумывая её. Потом Нина предложила выпить и познакомиться. Толя пожал несколько рук и выпил какую-то горькую дрянь. Ни одного имени он не запомнил, и всё время смотрел только на Нину. В темноте её тело и лицо открывались ему как бы частями: там, куда падал свет, он видел то изгибы шеи,

то смеющиеся карие глаза, то сальные, но вкусно пахнущие волосы, то коленку, то локоть, то задницу... Его пугало и заводило одновременно, что плохо знакомый внутренний голос, просыпавшийся довольно редко, твердил весь вечер: «Она тебе не настоящая сестра». Что он имеет в виду? Сильно за полночь они с Чапой поняли, что пора идти спать.

– Я тебе завтра позвоню, – сказал Толя, облокотившись на Нинино плечо. Все два часа они постоянно разговаривали, Нина задавала много вопросов, обходя, пожалуй, главный, но он понимал, что она ждёт более удобной обстановки, чтобы разузнать про папу, а может, действительно не хочет ничего о нём знать. Оказывается, Нина обладала задорным, хоть и грубым чувством юмора и сильно выделялась в толпе провинциальных алкашей.

– Звони! Обязательно звони, Толик. Устрою тебе экскурсон по нашим заведениям и улицам. Ты ж поди не знал тут ни*** – учился слишком много. Ничо, тётя Нина тебе всё покажет и расскажет. Давай, жду!

Глава пятая

«Чего ты хочешь больше всего на свете?». «Стать богатым, богатым, богатым!»... «Деньги, деньги, деньги...» – Толя проваливался в это короткое, безжизненное, обволакивающее слово. Сон был не крепким, тревожным, он то и дело вскакивал и не мог вспомнить, где находится. Лишь заслышав Чапин храп, вспоминал и успокаивался, реальность придавливала его, и он торопился обратно в сон, где голос спрашивал одно и то же, а Толя жадно, с остервенением кричал: «Стать богатым!» На утро это уже не казалось таким важным. Он проснулся с тяжёлым похмельем – голова раскалывалась, от противного привкуса во рту мутило.

– Ты как? – бодро спросил Чапа, восседавший за своими тремя компьютерами.

– Во рту как будто кошки насрали, а так норм.

– Поздно ты.

– Поздно? – Толя глянул на часы. – Ох, ты ж ***!

Схватив из холодильника питьевой йогурт, он рванул на улицу. На дворе была липкая серая погода, моросил дождь. Толя проспал почти на два часа – было уже девять двадцать. Он пытался бежать, но вчерашнее веселье дало о себе знать, виски схватило тугим обручем, и он остановился, чтобы боль немного прошла. Потом, придя в себя, пошёл быстрым шагом, но уже не бежал.

Путь снова показался ему бесконечно долгим – улица Удальцова пролегала, считай, на противоположном конце городка, но был короткий маршрут, по которому Толя последовал и весь оказался вымазан в грязи. Тем не менее, через сорок пять минут он был на месте.

Седьмой дом был покосившейся от времени избушкой, но уже издали было заметно большое оживление вокруг: несколько машин, в том числе с московскими номерами, и пара десятков слоняющихся вокруг людей. Толя не особо разглядывал собравшихся и сразу пошёл в дом. Показалось, что кто-то окликнул его, но он не обернулся.

Изба пахнула старушечьим теплом. В домах стариков понамешаны запахи собачьей шерсти, какой-то вечно готовящейся стряпни, засушенных грибов и ягод, но поверх всего остального стоит дух увядания, непереводимый, перебивающий прочее: ветхие доски, прогнившие обои, истлевшие книги...

Впрочем, дальше сеней он не продвинулся. Вдоль обеих стен на низких лавках и стульчиках сидело десятка два человек. Было плохо видно лица, поскольку царил полумрак: ни окон, ни ламп, и свет исходил лишь из входной двери, которую Толю попросили закрыть.

– А кто э-э, последний к святому? – спросил Толя. На него обратилось несколько недоумённых взглядов.

– А вы записывались? – спросил кто-то. – Запись была в семь утра. Надо было прийти и подать свою записку.

– А... Не, я не... но мне очень надо.

– Всем очень надо, – буркнул какой-то дородный мужчина лет тридцати пяти на вид. – Я вот в выходной единственный из Питера приехал и ничего, и не опоздал.

– Да вы не волнуйтесь, – пролепетала какая-то старушка, – садитесь, вот вам хлебушек, – она сунула ему какую-то булку. – А вот вам листочек. Запишите свои данные, я потом заберу и отнесу Вадичке.

– Окей.

Толя включил подсветку на телефоне и посмотрел на листок. Оказывается, это была своего рода анкета: имя, отчество, фамилия, место и дата рождения, прописка, место работы, отношение к воинской службе и даже информация о ближайших родственниках. «Вот это да», – подумал Толя. Он сел рядом с дородистым питерским мужчиной, которому явно было очень тесно на узкой лавочке, и Толино появление его совсем не обрадовало.

– Извините, – шёпотом обратился к нему Толя. – А это хоть бесплатно? А то такая прям анкета...

– Что?! Чего ты там шепчешь, не слышу! – громко ответил мужчина, вытирая вспотевшее лицо платком.

– Он спрашивает, бесплатно ли Вадичка принимает, – сказал кто-то из темноты и сам же ответил: – Конечно, бесплатно! Он же Божий человек. Но иметь гостинец надо бы! Я считаю, если ты приехал к святому, и он на тебя время тратит и молитвы Богу возносит, то уж надо и совесть иметь. Что мне эти, а? – спросил голос, будто обращаясь к кому-то. – Да это такая мелочь! Да за то чтобы святой человек на тебя глазом своим взглянул – никакой цены не жалко, а что ж я их, что ли, пожалею.

Толя присмотрелся, и ему показалось, что говоривший мужчина держал в ногах клетку с какой-то живностью.

– Афанасий Моржов! – вдруг позвала тоненьким голоском бабушка с листочками и хлебушком. Мужчина с клеткой подскочил, зачем-то трижды перекрестился, и с видом необычайной важности отправился к старушке. Та приняла клетку (судя по всему, в ней сидела пара маленьких кроликов) и толкнула дверь, в которую мужик, глубоко выдохнув, шагнул, судорожно крестясь. Старушка с трудом утащила клетку с кроликами в другую комнату, но уже через минуту вернулась и обратилась к Толе:

– Ну как вы? Всё заполнили, молодой человек?

– Щас, щас, почти...

Толя спешно дозаполнил анкету и отдал женщине. Она прочитала её внимательно и сказала:

– Вот тут ещё допишите: где про отношение к религии.

– Блин, а что писать-то? Я, понимаете, я... – но Толя побоялся говорить, что он приехал не по своему делу, а старушка не стала выпытывать и продолжила лучезарно улыбаться, пока он дописал: «Положительное отношение».

– И вот тут, Анатолий, – сказала она, указывая на графу «Цель приезда».

«***, да что тут столько писанины-то, вроде и не жэк», – подумал Толя, но написал: «Просьба о помощи больному ребёнку». Старушка заковыляла на коротеньких кривых ножках в первую комнату, куда недавно зашёл мужик с кроликами. Прошло некоторое время, и она позвала следующего, потом ещё одного, через час четвёртого. Люди только заходили, но никто не выходил, из чего Толя сделал вывод, что из комнаты есть ещё один выход. Он вышел во двор и нашёл мужика с кроликами, который задумчиво стоял у поленницы.

– Здрасти.

– Привет.

– Я это... я там был щас. Вы напротив сидели, а потом вас позвали.

– Ага.

– Можете вкратце сказать: чё там происходит-то? Какой он вообще?

– Сказал, не говорить, – ответил мужчина, потупив взгляд. Толе показалось, что он пребывает в шоковом состоянии.

– Ну а с обращением вашим? Помог?

Мужчина озадаченно почесал затылок. Всё это время он не поднимал на Толю глаз, так и продолжая глядеть на брёвна, но тут всё-таки посмотрел на него и сказал:

– Ну, парень, как тебе сказать, помог ли. Велел дров наколоть. И послезавтра приходить вечером. А мне бы ехать послезавтра... Ну да ладно. Наколю, а там видно будет.

– И всё? Больше ничего не сделал?

– Неа...

– Интересно.

– Не говори, – согласился мужик.

Толя сел на лавку возле крыльца и стал есть хлеб, запивая йогуртом. Похмелье уже почти прошло, когда он услышал, как называют его имя. Он пулей бросился в хату.

– Анато-олий! – повторила старушка.

– Я! Я! – роняя на пол крошки, закричал Толя.

– Неуважение лютое! – громыхнул питерец, которого до сих пор не позвали.

– Что? Можно зайти, да? – спросил Толя, приближаясь к двери.

– Нет. Вадичка сказал, чтобы вы завтра приходили и не опаздывали.

– Ох, блин.

– Надо в семь приходить, – с ласковой кроткой улыбкой сказала старушка. – Не надо позже. Видите, народу сколько? А то так нечестно получается, что одни приходят вовремя, другие нет.

– ***... – вырвалось у Толи, что вызвало у дородного мужика ещё один приступ негодования, – мне, конечно, пипец как надо сегодня бы! Дело-то...

– Т-с, – старушка с пониманием склонила маленькую седую головку, но Толя почувствовал, что она вся напряглась в готовности не дать ему пройти дальше. – Всем надо, у всех дело. Скромнее надо быть, Анатолий. Смиряйтесь.

– Смиряйтесь, ** твою мать, – уже оказавшись на улице, пробормотал Толя, – сука старая. ***** седая. Чтоб тебя в аду ...

Он шёл по Удальцова, потом свернул на Троцкого и зашёл в магазин за мороженым. Почему-то после пьянки ему на утро всегда хотелось холодного мороженого. Он съел его прямо по пути назад, несмотря на холод. Шёл он опять к Чапе, поскольку по-прежнему не хотел заселяться в гостиницу.

Ильи не было дома, но он оставил дверь не запертой. Только сейчас (был почти полдень) Толя принял душ и почистил зубы. Мыться в грязной Чапиной ванне было неприятно. Ему то и дело казалось, что сейчас отвалится потолок или часть ветхой стены, но всё обошлось, и потом он повалился на кровать досыпать. Проснувшись через пару часов, увидел пропущенный звонок от Юры.

– Чего, Юрец?

– Спишь, что ли?

– Ну, так, подремал днём.

– О*****ная у тебя там командировка, я смотрю, – Юра посмеялся.

– Чего хотел-то?

– Да так... узнать. Может, ты уже разбогател. Но раз ты всё спишь... А то мне Лизок рассказала, что ты вот-вот планируешь рывок по карьерной лестнице сделать, вот я и позвонил свериться.

«Чего это она с ним вдруг начала общаться?» – удивился Толя, но вслух коротко ответил:

– Я в пути.

– Долго ты что-то в пути уже, а?

– Да не особо. Твоё-то какое дело?

– Ну как это, Толян? Ты же мне торчишь всё ещё.

– Слышь! Я тебе пятнадцать тыщ дал!

– Ну, ещё два раза по столько же, и мы в расчёте, помнишь? Ремонт дорого стоил.

– Ой, ***. Иди в жопу. Ни рубля больше не дам.

Толя раздражённо бросил трубку и побрёл на кухню. Чапы всё так же не было. Стало тоскливо. За окном шёл усилившийся дождь, и серость буквально заливала окна: деревья, забор, соседние дома – всё было выцветшим, усталым, жалким... Трудно было поверить, что через каких-то полтора месяца – уже к концу апреля – Благодельск зацветёт и покроется листвой, а в мае уже будет утопать в зелени, которую, в отличие от Москвы, никто не станет стричь или косить; все дворы, пустыри и обочины заполонят заросли, и всё то, что сейчас выглядит убогим и сиротливо бесцветным – будет дышать жизнью и щедро цвести. Толя задумался было, какое состояние более естественно: состояние умирания и бесцветности или, наоборот, жизни и ярких красок. Казалось бы, всегда на смену серому марту приходит лето с его роскошным букетом запахов и цветов, но ведь жизнь-то венчается смертью. Только она измеряет всё, ровняет всё...

Его мысли прервал телефонный звонок. Теперь звонила Лиза, но Толя почему-то не хотел с ней говорить. Тем более раз она зачем-то болтает про него с Юрцом. Тому лучше бы меньше знать. Дождавшись, пока она перестанет звонить, Толя полез в интернет читать новости в соцсетях и пропал там надолго.

Очнувшись, Толя выглянул в окно. Начинались сумерки. А может, это было продолжение дня. Почему же всё нет Чапы? На мгновение его поразило предположение: а может, Чапа и есть святой?! И таким причудливым образом проверял его веру? «Ну, нет, это же полный бред, да и напился он вчера не меньше моего», – Толя фыркнул, отбрасывая идиотскую идею.

Позвонил шеф, но Толя решил не брать трубку. Шеф звонил настойчиво, несколько раз, потом телефон успокоился. «А что я ему скажу? Что проспал очередь? – мрачно успокаивал себя Толя. – Эдак можно и работу потерять». Он вдруг представил, что в его жизни не будет этой работы. Чем тогда заняться? Можно будет смотреть больше сериалов и фильмов – глядишь, выучится английский... А потом?.. Еще можно взять немного деньжат в кредит и съездить в Европу. Или куда-нибудь в Абхазию – на неё даже хватит с Лизой, если эконом-вариант. Воображение Толи упиралось в какие-то недалёкие цели, и он злился сам на себя, что не планирует какое-нибудь крупное дело, которое вырвет его из колеса серости.

Потом он вышел на улицу и побрёл по родному Благодельску. Впервые за последние два дня он шагал медленно и смотрел вдумчиво, гулял. Он думал, что каждый из встреченных им прохожих тоже мечтает вырваться из колеса – просто пока не знает об этом или только-только начинает догадываться. Но даже тут должны быть такие, кто уже близок к бегству, а есть и те, кто вполне осознал.

Толя прошёл до главной площади городка, куда по праздникам ставили высокую сцену и привозили второсортных районных артистов. Сейчас тут шла вялая торговля – несколько бабушек вдоль тротуара продавали семечки и всякие соленья. Толя купил семечки и, перейдя через дорогу от пустынной бесцветной площади, сел в сквере у фонтана. Девушка без ладошки счастливо улыбалась над ним, а ещё выше – над ними обоими – суровым непроницаемым взглядом в мокрое небо взирал исполинский солдат в шинели и с ППШ. Летом его всегда хотелось избавить от жаркой одежды и тяжёлого оружия, но зимой или вот сейчас он выглядел, напротив, правильно утеплённым. Продрогший Толя даже позавидовал ему. Некоторое время он лузгал семечки, сплёвывая себе под ноги, и наблюдал за неспешной жизнью центрального Благодельска: в основном по улицам ходили пенсионеры и дети – взрослые предпочитали месить грязные улицы колёсами машин.

Когда семечки кончились, Толя думал купить ещё, но бабушки куда-то делись, а в воздухе распространился зимний холод. Казалось, вот– Вот, посыплет снег. Но, несмотря на то, что он промёрз до костей, Толя не спешил возвращаться в Чапин дом. Поглядел на телефон и понял, что весь день, с тех пор как он проснулся, на периферии его сознания маячит она. Её голос и лукавый

взгляд. Дурацкая причёска и острые тонкие пальцы. Толя ещё толком не знал, что именно хочет сделать, но понимал, что это будет нечто ужасное.

Он позвонил и выяснил, где она. Пришёл по названному адресу. Дверь в квартиру на первом этаже пятиэтажки была нараспашку, и Толя прошёл, как она и объяснила, без стука и лишних приветствий – сразу в Нинину комнату. Стоило ему переступить порог, как позвонила Лиза, но Толя снова не взял. Нина обрадовалась его приходу и отвела на кухню. Здесь она быстренько закинула жариться картошку и курицу, а в ожидании еды поставила на стол дешёвого вина. Толя с наслаждением выпил.

– Гораздо лучше, чем та дрянь вчера.

– Да? А я и не пила почти. Щас еда приготовится, можно будет маленько дунуть.

– Чё сделать?

– Ну, камушек покурить. Хочешь?

– Гашиш, что ли?

– «Гашиш штоле?» – гнусаво передразнила Нина и весело засмеялась. – Ну, у нас это камушек называется. В общем, смотри сам. Я ни одного вечера без него не обхожусь, так что в любом случае буду.

– Ни одного?!

– Ну, а что. На работу утром не надо. Да даже если и надо, – она засмеялась.

– А почему ты не работаешь?

– А с чего ты взял, что я не работаю? Я работаю. В «Палыче», но только с обеда.

– Чё это за «Палыч»?

– Да закусочная на трассе. Неплохое место, кстати, все добрые, кто туда ходит.

Когда еда была готова, Нина настояла, чтобы они перешли в её комнату, и достала толстую стеклянную трубку.

– Всё уже готово. Я знала, что ты придёшь, и специально не вдолбилась, пока ты не позвонил.

– Даже так?

Нина затянулась. Толе показалось, что затяжка длится невероятно долго – секунд пятнадцать – и потом ещё примерно столько же она держала кислый дым в себе. Потом выпустила его, медленно, словно не хотела расставаться, и опустила руки вдоль тела, словно успокаивая какую-то внутреннюю мелодию.

– Надо музычку, – сказала она севшим голосом. Заиграла электронная музыка.

Толя не очень хотел курить гашиш, но понял, что иначе нет смысла оставаться с Ниной – по её виду стало понятно, что она перешла совсем на другой уровень. Нина помогла ему затянуться.

– Долго не держи.

Толя выпустил дым почти сразу и закашлялся. Гашик придавил его довольно сильно, но потом он ощутил приятное расслабление и безразличие. Мысли отяжелели и стали двигаться так медленно, что он мог рассмотреть и расслышать каждую. Это было неожиданное, но очень приятное открытие. А ещё – мысли смешивались с музыкой, пользовались ею, будто вспомогательными тросами или батутами для прыжков. Казалось бы, вот-вот мысль упрётся в стену, но музыка помогала ей подпрыгивать и идти дальше.

– Давай, братик, расскажи мне что-нибудь про свою жизнь, – сладко потянувшись, сказала Нина. Она лежала на боку на диване, а он сидел прямо перед ней внизу. Кажется, он сто лет не был так к ней близко. Сумасшедше острое желание обожгло его, когда он столкнулся с её смеющимися маленькими глазами, но он смог кое-как сдержать себя.

– Кушай картошечку и рассказывай.

– И музыка... – сказал Толя.

– Что «музыка»?

– Музыка как батут для мыслей.

– О-о, да-а, – подтвердила Нина.

– Они прыгают, перемешиваются, но всё-таки двигаются. Я прямо вижу их.

– Ну-у, и расскажи мне, что ты видишь?

– Б****, этот ё***** святой, – сказал Толя. – Не принял меня сегодня. Мне просто п*****. Ведь шеф ждёт новостей. ***, надо выключить телефон.

Он выключил телефон.

– А кто твой шеф?

– Да один олигарх.

– Олига-арх?! Так ты богатый братик?

– Х**тик.

– Фу, что ты постоянно передразниваешь. Где ты этого набрался?

– Не знаю. Может, от Чапы.

– Никогда не любила этого м****а. О себе очень высокого мнения.

– Не-е, Илюша клёвый, это ты зря...

– Так что там твой шеф?

– Ну, он когда-то продал банк. Который держал с партнёрами ещё с девяностых. А до этого поднялся на трубах.

– На каких трубах?

– На трубопроводных. По которым нефть качают. Или газ. Где-то взял партию труб, продал, стал богатым. Купил ещё, продал ещё... Мне батя рассказывал. Он же местный, из Благодельска.

Толя заметил, что Нина немного вздрогнула при упоминании отца, но потом заулыбалась снова, откинулась на подушки, уставившись в потолок, и промурлыкала:

– Продолжай, только сделай свет потише.

– Чё сделать?

– Свет, чтоб не такой яркий был, сделай?

Толя выключил одну из верхних ламп, но Нине было этого мало, и тогда он выключил весь свет, оставив только торшер. Теперь они лежали (он – на полу, Нина чуть выше на диване) в полумраке, а за окном шёл снег. Ветер завывал в щелях, но им было уютно, как в отеле. Толя подумал, что неплохо бы закрыть дверь в квартиру, чтобы холод из подъезда не просочился к ним, но через несколько минут кто-то из соседей пришёл в квартиру и громыхнул дверью. И Толя поразился тому, как его желание материализовалось в реальность. Всё это время он рассказывал про карьерные успехи шефа, но не был уверен, слушает ли Нина.

– И что, братик, тебе нравится у него работать?

– Нет. Но это потому что я хе**** там занимаюсь. Курьерская работа.

– Ну, не так плохо...

– Когда я в институте учился, то совсем не этим хотел заниматься. Я даже на собеседование в Эрнст энд Янг ходил, но батя отговорил туда устраиваться. Сказал, «к Лёньке иди».

Он опять заметил, что Нина вздрогнула при упоминании отца. Она медленно приподнялась и сделала ещё одну глубокую затяжку.

– Будешь ещё хапочку? – спросила она секунд через двадцать. Дым почти не вышел из неё наружу, и Толе показалось, что она побледнела.

– ***, Я, да ты чё? Так каждый вечер?

– Ну, тебе я столько не забью, не ссы, – успокоила она.

Толя затянулся ещё. Он опасался, что станет говорить и думать медленнее, но в этот раз гашик только сильнее расслабил его, никак не повлияв на скорость.

– Знаешь, в институте думаешь, что щас отсидишь всё это и устроишься на о****ную работу, будешь ходить в костюме и с портфелем из кожи. А потом оказываешься, вот как я, на своём месте, и крылья как будто кто отбирает. То есть ты – это ещё ты. Но без всех этих мечт и без всего этого «потом будет...», и на этом и начинается взрослая жизнь, я думаю.

– Х*** ты загнул...

– Да-а. Просто так, как в девятнадцать – когда кажется, что море по колено и всё ещё впереди, и всё вокруг о****но и интересно, – такого в двадцать три уже нету.

– Ну, ты включил деда, – Нина засмеялась. – А мне что делать в свои, ээ, восемнадцать?

Она захохотала, и довольно заразительно – Толя не смог сдержать ответный смех. Они смеялись несколько минут, и в конце он уже забыл, над чем они смеются, если бы Нина не повторила:

– Восемна-адцать! – и пошла на второй круг. Но Толе уже перестало казаться это смешным, и он начал есть картошечку.

– Ну, расскажи мне, как там батя? – спросила она потом.

– Ну, что тебе рассказать? – Толя на самом деле ждал этого вопроса и вполне знал, что будет рассказывать, но почему-то начал именно с вопроса. – Живёт, как и тут жил. Он-то не особо хотел уезжать.

– Да конечно. Его от вас было не отцепить.

– Ну, всё равно уезжать не хотел... Работал сначала на заводе, потом два года х***** страдал, мать даже бил, потом опять работал, охранником где-то, а щас на пенсии, **и пинает, телек смотрит. Просит, чтоб я ему денег отдавал с зарплаты, прикинь?

– Ха, а ты ему ***, да? – обрадовалась Нина.

– А то ж!

– Так его, братик!

– А ты-то скучаешь?

– По папе-то? О-о... ну, знаешь... Он же меня тут бросил тогда. Я лет десять вас всех та-ак ненавидела...

– Так прошло только девять лет.

– Да? Ну, значит, ещё год осталось ненавидеть, – Нина расхохоталась снова. – Но ты не бери на себя. Я тогда тупая была, пи***чка мелкая, не понимала... Щас-то я понимаю, что ты не виноват, что родился у своей мамаши. Да и батя тебя, по сути, никогда же не любил, да?

– Ну не знаю. Наверное, нет.

– Во-от. А я всё думаю, что приеду как-нибудь к вам, толкну дверь и как крикну: «Эй, батя! Это твоя доча! Обними штоле?!».

– Мать ох*****!

Толя с Ниной посмотрели друг на друга и закатились смехом.

– У-уф, – отдышалась Нина первой. – Но я серьёзно. Хотела бы приехать так. Понимаю, что к вам домой нельзя... Но ведь я девять лет о нём думаю. Неужели ему по***? И тут где-то полгода назад накурилась и написала ему смску, прикинь?! И он мне ответил! Мол, «Привет, Нинок. Ага, помню-помню, что ты ещё там. Ну, ты там как, держишься?». «ДЕРЖИШЬСЯ», ****, ты прикинь!

Толя улыбнулся.

– Я просто угорела с его вопроса, а-ха-ха. Но на следующий день ещё написала, и так мы периодически списываемся. Вот всё жду, когда он к себе позовёт. Потому что, братик, по правде сказать, я тут так ЗА***ЛАСЬ!

Толя не знал, что на это ответить, и вернулся к картошке. Но пока его предположения о Нине полностью подтверждались.

– И как ты себе это представляешь?

– Не говори с набитым ртом.

– Как ты себе это представляешь?

– Что?

– Ну, что он тебя зовёт к себе.

– Я толком не знаю...

– Не знаешь?

– Ты прав, – рассмеялась Нина, – п***у! Я ведь уже всю эту сцену в голове тысячу раз проиграла! Возвращаюсь я такая к нему, он меня обнимет и скажет: «Прости, доча, я маленечка

переборщил. В восемнадцать лет нельзя ребёнка одного оставлять. Ведь мы все хотели, как лучше – у меня была дочка, у неё – сыночек. Мы с ней думали, что вы подружитесь, да и нам легче станет...»

– Ты про мою маму?

– Ну да. Но не я думала, а он типа думал! – Нина подняла палец вверх. – Его слова как бы...

Она потеряла свою мысль и молчала несколько минут, за которые Толя прикончил картошку. Теперь он сидел и смотрел в окно. Он ничего не видел из-за яркого сияющего торшера, но знал, что снежная стена падает с неба, и мир сделался совсем маленький – настолько, что дальше Благодельска ничего нет. Можно никуда и не уезжать – нигде не будет ничего нового. Люди встречаются, снюхиваются, хватаются друг за друга, размножаются, селятся в новые, лучшие дома, чтобы обставить их, износить их, привести в негодность, снести... Во всём Благодельске – который просто на маленьком пространстве отражает весь мир – люди подчиняются одному неписанному правилу: ищи, что получше, но попроще, не иди трудным путём, опасайся преград, сложностей, вопросов. Пусть мерилом всему будут деньги. Упрости. Стань как та машина: она едет на высокой скорости, ею управляет автопилот; машина видит бегущего через дорогу ребёнка – в её электронный мозг ни на секунду не закрадётся предположение свернуть в кювет и угробить двух взрослых пассажиров, чтобы спасти тупого пи***ка, который кинулся перебегать в неположенном месте... Так и люди – всё уравняют простой формальной логикой. Больше – это лучше, чем меньше. Договор – надёжнее любви. Веселье – лучше тоски. Следование универсальному правилу – лучше, чем размышление над каждым поступком... Благодельск – это такой маленький мир, я зря свалил в Москву, я зря не хотел возвращаться. Там нет НИЧЕГО другого. Ничего, что отличало бы жизнь от жизни тут. Там точно так же я сижу на полу или на диване и мечтаю, чтобы что-то изменилось, хотя ничего не поменяется. Я следую за колесом; меня, как белку, вращает этим ***ным колесом, и мне только кажется, что я бегу не просто так. Б****, я что, сказал всё это вслух?

Толя вопросительно посмотрел на Нину. Он понял, что его голова ходит туда-сюда, ему трудно держать её прямо. Одно неправильное движение – и всё его тело покатится в тартарары, развалится, как будто он ***ный Шалтай-Болтай!.. И *****-муха, все эти изобретения обрели теперь смысл, теперь он их действительно понимает: они были рождены мозгом того наркомана, который ловил свои мысли, скачущие, словно сраные кенгуру по прерии, и которому в этом деле помогала только музыка. Пульс: тыц-тыц-тыц. Она входит в твою кровь, и ты буквально путешествуешь по собственной крови вместе с ритмом. Как же это о*******но – узнавать самого себя, причём никуда не перемещаясь, а оставаясь прямо там, где ты всегда был. Ведь я, по сути, не покидал ***ный Благодельск. Я всё думал, что стал таким нев*****но значимым москвичом, знаком с банкиром, вожу важные документы, ищу свой момент, чтобы подняться, чтобы вместо днищевских тридцати-сорока тыщ получать сотенчик... Но на деле я так и сижу в старом бараке!

Хотя, по крайней мере, теперь я понимаю себя, следуя за кровью: вместе с её циркуляцией я оказываюсь в собственном сердце и вижу всё, что в нём происходит. Сокращение – сокращение – сокращение. Безостановочная работа, точно так же, как мой мозг работает безостановочно – только подавай ему новые ***ные образы, только корми его картинками, видео, голосами, тёлками. Как же я хочу тебя поиметь, сучка!

Нина оторвалась от телефона и глянула на него, потом улыбнулась.

– Что ты смеёшься, братан? – спросила она. – Знаешь, он сколько раз мне **** голову, чтобы я называла тебя братом.

– А ты как называла?

– Да никак: «Он», «она», «они» – для меня вы так и остались безымянными, я даже иногда забываю, как тебя зовут!

Они оба заржали, но Толя почувствовал, что слишком разогнал свой рассудок, слишком далеко ушёл от неё, чтобы поддерживать этот мелкий незначительный разговор и получать

удовольствие. Кроме того, ему стало смутно казаться, что топливо, которым он наполнил себя, уже снова иссякает, но если добавить ещё, он вообще перестанет говорить и даже сидеть и просто уляжется прямо тут. А впрочем, что тут страшного?

– Ну что, братик, пошли проветримся?

– А? Не-е... Я хочу ещё!

– Так-так, давай, поднимайся-ка. Надо проветрить головку.

Нина очень неуверенно встала и нагнулась, протягивая ему руку. Толя привстал, но, потянув её за руку, потащил вниз, и Нина упала в его объятия. Они засмеялись, а его руки вяло стали ползать по её телу.

– Отличная фигура, когда это ты себе такую сделала?

– Завидуешь, а? – с гордостью сказала Нина, пробуя встать. – Зальчик, зальчик и ещё раз зальчик, к физруку нашему до сих пор хожу, помнишь его? И летом турничок во дворе. Тут по-другому нельзя, а то в ресторане точно трахнет кто-то, там же одни дальнобои.

– Ты же сказала, там хорошие люди?

– Ну и? Что, хорошим людям трахаться не надо, по-твоему?

Она выбралась из Толиных липких прикосновений, словно не замечая их, выпрямилась и стала одеваться. Толя нехотя поднялся. Было часов семь, и они зачем-то шли под снегопадом. Улицы были пустынные – никто в субботу вечером не хотел гулять в такую погоду.

– Куда мы идём? – спросил Толя. – Пошли обратно, у меня ботинки промокли.

– Не ной, а? Что ты, часто по родному городу гуляешь?

– А может, пусть батя лучше к тебе сюда приедет?

– О-о, а это идея. Я только что с ним переписывалась.

– Правда? – Толя даже остановился от удивления. Всё это время он в глубине души сомневался, что Нина говорит правду.

– Ну да.

– Дай посмотреть?

Она протянула телефон, и он увидел, что действительно Нина обменивается смсками с отцовским номером, пролистал переписку наверх. «Как дела?» – писала она ещё в начале декабря. «Норм. Аленичев м****», – отвечает он. «А чё так?» – «Тоже ни*** сделать не может. Шёл бы на***». – «А он кто, па?» – «Тренер футбольный». – «Ааа ясно». Пролистал вниз, до последнего сообщения: «А ты там чего?» – «А у меня Толик в гостях». – «Серьёзно? Ну, привет ему». – «Передала».

– Эй, ты не передала мне привет.

– Привет тебе от бати, – сказала Нина, забирая телефон.

Толя зачем-то включил свой. Но ему никто не написал за это время

– И что, вы так каждый день, в натуре?

– Почти каждый теперь, да. Я жду. Мне кажется, он вот-вот меня позовёт. Куда хочешь пойти?

– Да никуда. Пошли домой, я замёрз!

– Не-е, надо проветриться. Так, давай-ка пойдём к твоему святому?

– На*** это?!

– Ну, просто.

– Он уж не принимает...

– Почём знаешь? Он чё, как эти, что ли? Как врачи? По часам принимает? Во вторник и четверг утром подростковое время – лица до двадцати одного проходят без очереди? А в четвёртую пятницу каждого месяца – дезинфекция кабинета? – она рассмеялась.

– Может, и не так... По-моему, мне кто-то сказал, что он только до обеда принимает, – Толя пытался вяло сопротивляться, но постепенно до него дошло, что по какой-то неведомой причине

и сам хочет пойти к дому святого, просто чтобы взглянуть на него хоть одним глазком. Вдруг в то время, как они придут, святой выйдет в туалет, например? Святой святым, но ведь у всех бывает нужда? А если по-большому придавит?.. Короче, в любом случае он может быть там, и Толя хоть увидит его.

– Это ты, Нинка, хорошо придумала.

– О! Видишь, ты уже поймал это.

– Чё?

– Волну. Мы на одной волне.

– На какой на*** волне?

– Камушек поднимает на волну, потом под неё падаешь, правда, но мы на одном уровне, и мысли сплетаются. Не со всеми. Но мы же родня, как-никак, понимаешь?

– Мы не родня, – возразил Толя.

Он подумал, что раз собрался её трахнуть, надо избавиться от препятствия в виде разговоров о том, что они родственники. «Когда это я успел решить, что хочу её трахнуть? – попридержал он сам себя и на всякий случай коснулся рта, чтобы убедиться, что мысли не выходят вслух. – Наверное, там на полу. Вот это задница! Упругая, как у...» Он не нашёл подходящего сравнения. Но задница была точно более упругой, чем у Лизы. Удивительно, но именно в эту секунду Лиза позвонила.

– Ало.

– Это кто? – спросила Нина.

– Это кто у тебя там? – спросила Лиза.

– Это Лиза. Это Нина, моя сестра, – последовательно ответил Толя.

– А, понятно. Привет ей! Ты чего трубку весь день не брал?

– Занят был. Работаю.

– Правда? Что-то у тебя голос какой-то странный и разговариваешь странно.

– Всё, рабочий день кончился, можно и расслабиться...

– А, ясно, эх, Толя-Толя...

– Что «Толя-Толя»?! – он почувствовал, как ярость пронзает его от макушки до пяток. Он остановился, выпрямился, его затрясло. Нина взяла его за плечи: «Эй-эй, успокойся», но ему потребовалось время, чтобы отдышаться. Лиза говорила:

– А что? Ты не понимаешь? Тебя только куда отпустишь, ты уже напиваешься. Разве это дело? Я тебя всё пытаюсь прокачать, чтобы ты человеком стал, чтобы ты...

– А зачем тебе это? Просто зачем? Если я тебе не нравлюсь такой, как я есть – то на*** все эти прокачивания?!

– Ой, всё, Толя, давай потом, когда протрезвеешь. Не звони мне пока...

– Стоять! Ну-ка, всё-таки проясни мне этот момент? И на***а ты Юре рассказываешь про меня? Какое его дело, куда я поехал.

– Ну, он...

– Он же тебе не нравится? Или ты это всё п****ла, чтобы я не заметил... Короче, чё за ***** между вам там творится?!

Лиза повесила трубку.

– Ну, ты выдал. Что, ревность?

– Х***ность!

Остаток пути до дома святого они прошли молча. Толины мысли сгустились, помрачнели, превратились в непроницаемый, ледяной кусок камня мазутного цвета. Чтобы размотать мысли и снова начать читать их, потребовалось бы раздробить камень, и поэтому Толя не мог больше думать, а только слышал пульсирующее: «тыц-тыц-тыц» – ритм стучал в чёрной глыбе, прорываясь изнутри. В глубине же – он знал это, хоть и не видел – в самой сердцевине камня бесновалось пламя ненависти.

Глава шестая

Уже свернув на Удальцова, Толя вдруг понял, что постепенно приходит в себя.

– Я понял, Нина. ***, это оно и было! – воскликнул он.

– Кто, что? Ты о чём?

– Эта ненависть. Она-то и ведёт людей. ***, если из-за такой мелочи можно так озвереть, то что удивляться, что происходит всё это?! Меня просто скрутило, но это я щас почувствовал. А обычно она скручивает, а я не чувствую. И всё это есть в каждом. ***, и копится, и затвердевает... Ну, как и в отце, например. Да и в шефе тоже. Только он более холёный и скрытный, поэтому не так заметно! Но ты прикинь – если в каждом это есть, то какого вообще?!.. Как это выдерживает земля?! Такой поток ярости и злобы! Человек просто – О****ШИЙ ЗВЕРЬ! – он выкрикнул последние слова, чтобы вся улица, а главное святой, услышали.

Нина кивала и улыбалась, но ничего не говорила. Толе и не нужно было, чтобы она поняла. Главное, он разгадал это сам. Ему казалось, что гашик почти отпустил его, и мысли потекли обычным чередом, и разница лишь в том, что теперь он контролирует их, тогда как предыдущие часы мог лишь читать, словно они не принадлежали ему. Впрочем, он был далёк от того, чтобы протрезветь полностью. Толя не мог держать это в себе и сбивчиво бормотал:

– Это целый кусок паззла! Про ненависть. Надо же – я раскрыл его! ***, надо извиниться перед Лизой, но она поймёт. Вернусь – подарю ей чего-нибудь... Она знает, что я этого и ищу. Это объясняет некоторые вещи, которые происходят... Мне в принципе по***, но если и всё остальное понять, то можно будет кое-как жить. Короче... ***, это такой инсайт!

– Так, угомонись. Где он тут?

– Вон, через дорогу, в седьмом доме.

Они перешли дорогу. Покосившуюся избушку накрыл снег, зелёная крыша целиком побелела. Под покровом ночи какой-то мужик, чертыхаясь, чистил во дворе дорожку от калитки до сеней. Его слабо освещала тусклая лампочка, висевшая над крыльцом. Присмотревшись, Толя узнал утреннего питерского зануду.

– Давай обойдём, – шепнула Нина. – Я с той стороны знаю дорожку.

Они прошли между пятым и третьим домом, чтобы оказаться у сарая позади седьмого. Тут в заборе была огромная дырка, через которую оба пролезли без труда. Утопая в снегу, они дошли до стены дома и остановились.

– И чё теперь? – громко прошептал Толя.

– Ну, слушай!

Нина приложила ухо к бревенчатой стене.

– Да ну бред, – ответил Толя, но стянул шапку и тоже приложил ухо. Ничего не было слышно.

Вдруг скрипнула дверь с другой стороны. Они присели, оказавшись практически полностью в сугробе. Высокая худая фигура медленно прошла до туалета. Снова скрип, журчащий звук, скрип, тёмный силуэт вернулся в дом. По дороге он сказал несколько слов питерскому мужчине, и тот что-то ответил, но ветер проглотил голоса и превратил их в «бу-бу-бу».

– Отпускает его, – перевела Нина.

– Так это он?!

– Наверное.

Питерский мужчина перестал орудовать лопатой, теперь скрипнула калитка, и через пару минут дородная фигура проследовала по Удальцова в ту сторону, откуда они с Ниной пришли.

– Охренеть! Я так и знал, что он пойдёт! – громко прошептал Толя, выпрямляясь.

– Смотри!

В одном из окон загорелся свет. Ничего не говоря, молодые люди стали красться вдоль стены туда. Под их ногами скрипели гнилые доски и мусор, скрытые снегом, но было полное

ощущение, что ветер и снегопад поглощают любые звуки, и они как парочка невидимых ниндзя приближаются к святому, никем не замеченные.

– Ну? Давай, загляни, – сказала ему Нина, когда они подкрались к окну. Толя стоял в нерешительности несколько секунд, потом нащупал ногами какой-то выступ в основании стены, взялся пальцами за оконный проём и приподнялся, чтобы заглянуть в золотящееся электрическим светом окошко.

Поначалу он не увидел ничего, кроме занавески, и уже собирался было разочароваться, но потом, когда глаза немного привыкли к ослепительному яркому свету, он стал различать, что занавеска не такая уж плотная, и обрывки движений, происходящих за ней, вполне можно угадать, если сосредоточиться.

Так, он вскоре увидел, что та же высокая фигура, что ходила в туалет, теперь темнеет в глубине комнаты, и что если присмотреться внимательнее, то в её изгибах можно угадать пожилого человека с короткой козлиной бородкой.

– Ну чего там? – в нетерпении спросила Нина.

– Он там, – чуть слышно прошептал Толя. Он сам не мог понять, что в этой тени, слабо ложащейся на занавеску, так загипнотизировало его. Впрочем, сводная сестра не стала дожидаться и сама подлезла к стеклу, чтобы посмотреть. Фигура тем временем двинулась и уменьшилась.

– Встаёт на колени, – ещё тише сказал Толя.

– Где он? Чё-то я не вижу.

– Вон же.

– Где-е?

– Да не ори ты, он же услышит.

Шло время, и Толя стал различать, как от тени отсоединяется маленькая тростинка и делает какие-то движения.

– Он крестится.

– Где ты это видишь?! Толя, ты выдумываешь – там ничего не видно!

Нина разочарованно вернулась в сугроб. Но Толе было всё равно. Он почти касался лбом стекла, и ему начало казаться, что сквозь завывания злого беспечного ветра он слышит звонкий уверенный голос, взывающий к силе, которая существует очень далеко, за гранью реальности, в которой они с Ниной пребывают.

– Он молится, – сказал Толя, – я почти слышу!

– Нельзя «почти слышать», – раздраженно сказала Нина. – Ты или слышишь, или не слышишь!

Толя отмахнулся от неё и продолжил глядеть в занавешенное окно. Ему даже почудилось, что тень святого становится темнее, а свет, напротив, теряет яркость; что чем дольше длится молитва, тем твёрже становится голос, тем он явственнее пробивается сквозь материю и стекло и вот-вот достигнет Толиного слуха. Толя задрожал. Из ниоткуда в нём родилось понимание, что если голос проникнет в его голову, он уже не сможет быть прежним: не сможет всё мерить деньгами или их отсутствием, нечто слишком важное переломится в нём, рухнет какая-то опора, и он останется без защиты в мире, где ничего, кроме денег, не имеет важности. Толя испугался неясной перспективы быть поглощённым молитвой, верой – тревожными словами, которые по отдельности не имеют никакого значения.

– Я замё-ёрзла! – громко начала ныть Нина.

– Да что с тобой?!

Вдруг он понял, что она никогда не даст ему добраться до святого, что с ней связано слишком много гнилых, чёрных мыслей, что даже сейчас он одной рукой хочет дотронуться до святого, а другой – полапать её за задницу. И впрочем, что это за святой такой, чья мораль запрещает лапать задницы?! Толя посмотрел на Нинину фигуру сверху вниз. Он снова хотел её, даже острее, чем раньше: хотел смять в объятиях её плечи, грудь, живот, искусать шею, губы, схватить в кулак

пропитанные сладким потом волосы и внюхиваться в неё, хотел высечь из неё крик, хотел сделать ей больно, уничтожить её, унизить её и отца, и, наконец, хотел умереть в ней. Молитва стихла. Он обернулся к занавеске – тень двигалась.

– Он идёт! – громким шёпотом сказал Толя.

– А?

– ***-на! Бежим!

Спрыгнув в сугроб, Толя схватил Нину за руку, и они побежали – но почему-то не обратно к сараям и к дырке в заборе, а через двор и входную калитку на улицу.

– Не оборачивайся! – со смехом крикнула Нина, но Толя, наоборот, хотел обернуться. Он думал, что увидит святого скромно стоящим на крыльце под раскачивающейся лампочкой, но там никого не было. Тогда Толя даже остановился, ожидая, что, может быть, он выйдет позже. Но в облике избушки ничего не менялось: секунду, полминуты, минуту...

– А может, мне и показалось, – признался он.

– Да по***у-у, Толя, ты там залип и так на полчаса. Пошли, я закоченела.

– Это же твоя идея была.

– Ну и что? Чё не взбредёт в голову по накурке, – она засмеялась. – Ты чё, никогда не курил, что ли?

– Курил, но давно. После института уж как-то не доводилось.

Они свернули с Удальцова и наткнулись на какого-то прохожего. Толя не обратил на него внимания, но мужчина узнал его.

– О! Опять нежданная встреча! *** себе! Столько лет не видались, и тут второй день подряд.

– А, привет, Лёх.

Они пожали руки, и Толя шагнул было дальше, но бывший одноклассник остановил его.

– А чё ты от меня вчера с****лся так? Я не понял этого, Толик.

– Да чё-то замёрз.

– Ну ни*** себе. Встречаемся первый раз за ***ву тучу лет, а он замёрз, нормально? – Лёха явно был поддатый и обратился уже к Нине.

– Лёша, о*****сь, мы правда замёрзли, – сказала она.

– О, ***, это ты. Не узнал, – мрачно сказал Лёха. – Как оно?

– Нормально. Шагай куда шёл.

– Я уж сам порешаю, куда мне, – он икнул, – шагать. Чё, Толь, как оно? На малой родине?

– Отлично. Слушай, ты извини за э-э, вчера, я просто устал тогда с дороги...

– Да по***, пошли бухнём щас.

– Не, мы домой.

– А чё так? Детское время.

Толя шагнул дальше, но Лёха толкнул его, поставив обратно на то же место.

– Меня вот Ленка выгнала, сказала: «Иди с собакой гуляй. Думай, ***, над своим поведением». Я иду и думаю.

– А где собака?

– А тут ты мне встречаешься. Пошли, потолкуем, посидим... Ты меня вчера так угостил хорошо, Ещё, может быть, есть деньжатки?

– Да где собака-то?

– Да *** с ней с собакой, ***! Почему вам всем собака важнее человека, я понять не могу?! – Лёха воздел руки, произнося эту драматичную фразу. – Дай денег, а? Будь человеком. Ты же из Москвы, у тебя ж их до***, а?

– Нет, – мрачно ответил Толя и пошёл дальше, но Лёха догнал его и встал поперёк дороги.

– Так, ***! Стоять!

– Лёха, о*****сь от него, чё те надо от нас? – сказала Нина. – Иди домой к жене.

– Тебя не спросили, прошмандовина!! – взревел Лёха, и тут же упал. Толя сам не понял, как

сделал это, но он вложил всю силу в удар и попал точно в челюсть. Лёха приподнялся, тряхнув головой, и пробормотал:

– Ну, я щас б**** тебя...

Толя понял, что не сможет снова ударить его рукой, а вот ногой ничего страшного – в темноте даже не совсем было понятно, что это человек. Ботинок очень легко стал ходить туда-сюда... Ему казалось, что всё происходит довольно медленно, хотя на деле он наносил резкие, точные удары, целился в голову.

Он понял, что бьёт уже в холостую только после того, как зачерпнул снег носком. Ботинок отлетел в темноту. Когда холод лизнул пятку мокрым языком, ярость понемногу отпустила его, и он без сил упал на снег, пропитанный тёплыми кровавыми ручейками.

Лишь теперь он снова чувствовал своё тело – на протяжении нескольких минут ударов оно куда-то подевалось. Оказывается, Нина мёртвой хваткой вцепилась в его руку и орала всё это время. Загорелось даже несколько огоньков в окрестных домах, но никто не вышел.

– Где мой ботинок?

Не дождавшись ответа, Толя поднялся, попрыгал на одной ноге, опуская руки вниз в поисках, но ничего не нашёл. Вскоре он упал на Лёхино тело.

– А, во.

Сидя на Лёхиной спине, он кое-как натянул ботинок и попросил Нину помочь встать.

– ***, сам себе помогай! Ты ******ый?! Ты его чё, убил, что ли?

Она испуганно нагнулась к Лёхе.

– ***ня, вроде дышит. П****ц, братик! Ты чего хоть?!

– Сам не пойму, – Толя пожал плечами. Странно, но сейчас, когда злоба полностью вышла из него, он чувствовал облегчение и ни следа раскаяния. Больше того, он ощущал себя протрезвевшим, даже как будто отмывшимся от чего-то.

Толя и не хотел разбираться, что это было. Его ослепило слово, которое Лёха сказал Нине, но на деле, если покопаться, он давно хотел это сделать. Может, ещё со вчера, а может, и со школы – хотел убить их всех, кто лапал его Нину. Ведь она ещё тогда могла бы принадлежать ему.

– Ой, ***...

– Что? Дошло наконец? – спросила Нина.

– Не, не это дошло. Какая-то ***** у меня в голове творится.

Он снова встал на ноги, и они пошли дальше.

– Надо тебе ещё дунуть. А то пипец спятил.

Толя понимал, что ещё дуть ему, наоборот, не надо, но он решил помолчать и не спорить. И так слишком много мыслей. Он вдруг понял, что у него болит кулак. Посмотрел на свою руку. Нина уже приготовила для него пайп.

– У тя чё, с собой? Прям тут?

Они покурили, не отойдя от Лёхи даже на десяток метров. Вскоре тот зашевелился и встал.

– О, очухался. А я реально боялась, что ты его того...

– Да не, я ж легонечко. Ох...

– Тяжело идти? Давай помогу.

Почему-то ноги стали плохо слушаться, и Толя опёрся на Нинино плечо и заковылял, как будто это его избили, а не Лёху. С каждым шагом он терял последовательность происходящего: стало казаться, что стычка произошла раньше, чем их поход к дому святого, и что бил он не Лёху, а надменного мужика из Питера... и что рядом с ним не Нина – его названная сестра, – а Лиза, и это её он самозабавенно лапает за задницу... Но ведь у Лизы нет такой охрененной задницы? Тогда кто это? Неужели одна из многочисленных старух этого городка?.. ***, а что я тут делаю? Ведь я не за этим приехал. А зачем? Как я тут оказался? Что это во мне?.. Что это хрустит, булькает?..

Потом Толю бросили на кровать, и он уснул.

Глава седьмая

– О**еть, – сказал Толя, сообразив, наконец, где он и сколько времени.

На кухне была слышна какая-то возня. Он поднялся и заглянул туда прежде, чем пойти в туалет. Но это оказался не Чапа, а пара котов, ковырявшихся в миске с кормом. Умывшись, Толя на всякий случай исследовал остальную часть квартиры, но хозяина нигде не было. В этот раз он даже не пошёл к дому святого – какой смысл? Был почти полдень.

Больше всего его удивляло, что он не помнил, как дошёл сюда. Всё-таки от того места, где они последний раз курнули и его накрыло, до Чапиного дома было минут тридцать ходьбы, и почти ни одной из них он не помнил. Разве что ладонь до сих пор помнила сладкую упругую Нинину задницу. Воспоминание заставило улыбнуться, но ненадолго – что сказать шефу? Третий день без результатов. Но попытка совести проклюнуться была напрасной – Толя понял, что ему насрать и на шефа, и на задание, и вообще на всё.

Он улёгся на кровать и включил на телефоне ютуб. Стал смотреть смешные ролики. Так прошло минут сорок. Потом пришёл Чапа.

– О, здарова! – сказал он, усаживаясь на табурет возле Толиной кровати.

– Привет. Слушай, как я вчера пришёл?

– Куда?

– Ну, сюда.

– Да *** тебя знает. Я дверь не запирал. Даже не знал до утра, что ты тут.

– А-а, понятно. А ты где был?

Чапа загадочно полуулыбнулся и потупил взгляд.

– Чё? – Толя нахмурился. – Чё такое?

– ***, ты ржать будешь.

– Ну? Илюх, говори, не *** вола!

– Да это всё ты... заронил в меня, ***** – Муха, зерно сомнения. Вот я и пошёл.

– Да куда?!

– Да к Вадичке этому!

– К святому? Ё****о, – Толя откинулся на подушках и засмеялся. У него стало колоть в висках, и он перестал смеяться. – Ну и чё? Попал?

– Попал.

– Серьёзно?! И как он?

– Да как тебе сказать... толком ничё не сказал. Велел, знаешь что? Раз, говорит, ты не верующий, то вот тебе епитимья.

– Кто?

– Епитимья, ну это покаянная такая ***** типа. ***, погугли! Короче, на, говорит – читай каждый день, сорок дней, молитву с утра и вечером. Прочитаешь – приходи.

– Ни***а не понял. А смысл? Если ты не верующий?

– Вот не знаю...

– А что ты у него спрашивал-то?

– Да всё про то же. Про родителей.

– ***. А чё с ними? Они же это... ну...

– Да этот вопрос и задавал, – Чапа опустил взгляд в пол, как бы винясь за слабость своего атеизма, – типа есть там чё или брешут.

– Ну, так и спросил?!

– Нет, конечно, но смысл такой был.

– Понятно. То есть ты думал, он чё, типа спиритический сеанс тебе сделает?

– Да ни*** я не думал. Просто правда было интересно: почему они так рано ушли, например? Почему у меня такое чувство, что ... – он надолго замолчал.

– Что «что»?

– Что они не всё успели... ***, ладно, Толь, тебе не понять.

Чапа поднялся и, качая головой, ушёл на кухню. Теперь там поднялся громкий, явно не кошачий шум.

«А чего это мне не понять? – удивился Толя про себя. Он только теперь заметил, что вчерашняя пляска мыслей продолжается, и окружающие звуки прокладывают им зыбкую дорожку. – Кажись, меня ещё не полностью отпустило, но теперь это на пользу. Почему на пользу?..» На это он ответа не знал. Но и ладно – ещё найдётся ответ. Толя махнул рукой и решил ещё посмотреть ролики с ютуба. Где-то в середине дня позвонил шеф.

– Ну что там, Толя?

– Пока без больших успехов.

– Это как так? – в голосе шефе послышались металлические нотки. Пожалуй, голос даже стал злым, но Толя понял, что ему наплевать.

– Ну, вот так. Это же святой, а не какой-нибудь... эээ... – Толя не нашёл подходящей замены слову «терпила». – Он, во-первых, сразу к себе не пускает: надо занять очередь, заполнить анкету, потом только попасть. Но и там он сразу не даст того, что ты попросишь. Вот, допустим, мне велел читать молитвы...

– Так, ты мне зубы не заговаривай, – оборвал его пространный рассказ шеф. – Ты с ним всё-таки встречался, значит?

– Ну-у, да.

– Так да или не да? Я не понимаю, Толя. Если разговаривал, то почему не позвонил? У тебя же простое задание – договориться обо встрече для меня, вот и всё.

– Не звонил, потому что нечего пока докладывать, Леонид Викторович.

– То есть о встрече не договорился?

– Ещё раз завтра надо прийти.

– Окей, ещё раз – так ещё раз, Толя. Но если результатов не появится, я буду сильно разочарован.

– Ну и *** с тобой, – сказал Толя, уже сбросив вызов.

Приятное тепло разлилось по его телу. Он толком не мог понять, с чем оно связано, а потом догадался, что это пофигизм заполняет все клеточки его мозга и шепчет, что всё будет нормально. Потом Чапа с кухни крикнул, что приготовил обед.

– ******льно, Чап, – с искренним уважением сказал Толя. – Ты как был для меня образцом для подражания, так и остался.

– В смысле?

– Ну, ты такой... ***, не знаю. Патриархальный, что ли! Даже твой дом. Здесь приятно находиться.

– А-а, – Чапа смотрелся немного потерянным. Он наливал суп в глубокие старые тарелки. – Ну, спасибо.

– Расскажи мне, как этот святой выглядит? Внешность.

– А зачем тебе? Ты же сам к нему собираешься.

– Ну, ты видишь, я всё собираюсь, но не попаду никак. И вообще... достало это. Тупое задание, тупой шеф! – Толя откинулся на кресле. – Всё это глупо, надо поискать себе нормальную работу. Что я как ребёнок? Двадцать три – а до сих пор мальчик на побегушках.

Чапа нахмурился, но продолжал хлебать щи и молчал.

– Что думаешь, Илюх?

– О чём? Я тебя не понимаю.

– Ладно, насрать. Так как он выглядит?

– Да определись ты – надо тебе это или нет?! – Чапа с раздражением посмотрел на него, засунув одну руку в бороду. – Люди со всей страны приезжают: у кого дети больные, у кого дом сгорел – просят помолиться за них, а ты какую-то ****ю несёшь.

– Я несу? Это ж ты у нас атеист ***в, – Толя захихикал. – То доказывал мне тут позавчера, что ничего там нет и всему голова математика, а то вдруг выходной выдался – побежал, *****, справляться у боженьки про маму с папой! Тоже мне – человек-принцип нашёлся. Больше всего терпеть не могу такое вот лицемерие, знаешь. Когда одно говорят, а тайком другое делают. Я же не *******юсь, что я верю там или не верю... Просто не знаю и всё! А ещё мне любопытно, какой он! Вот и прошу: расскажи, как он хоть выглядит-то?

– Пошёл на***!

– А, не хочешь, так и не надо.

– Нет, я серьёзно. Иди на*** из моего дома! – Чапа грозно поднялся над столом, громыхнули тарелки, стихли коты.

– ***-я, Илюх, не начинай, – Толя боялся поднять взгляд, чтобы не столкнуться с разгневанным Чапой, но тот был настроен решительно.

– Ведёшь себя, как м****! Ещё на родителей моих залупаешься! Вон из моего дома.

– Ой, ***! Да что с тобой? На, подавись!

Толя почувствовал раздражение и решил действительно уйти. Он кинул на стол три тысячи рублей и отправился на выход.

– Забери свои бумажки! – заревел ему вслед Чапа.

– Это за постой, Чап, не *******йся, – ответил Толя и хлопнул дверью.

В этот раз он не стал играть в прятки с собственными желаниями и сразу отправился к Нине. Вчерашний снег почти растаял и смешался с сырой грязью. Пахло весной и теплом, но это был обманчивый аромат – люди знали, что ночью ударят заморозки, и многочисленные лужи и ручейки снова покроются льдом, а к утру может нападать ещё снега. Толя уже почти не обращал внимания на месиво под ногами. Больше того – то, что он шёл к Нине, – заставляло его идти вприпрыжку, почти скользить по сумеречным унылым пейзажам, и свербевшее во всём теле желание увидеть её, обнять, прижать к себе затмевало серость декораций. Всё казалось свежим, интересным, наделённым исподней красотой, которую только оставалось разгадать, но для этого уже есть ключик. Он был почти уверен, что знает его...

Но Нины дома не было. Толе открыла соседка и молча впустила его в квартиру.

– А Нина где?..

Соседка не ответила и ушла в свою комнату.

– ***, алё!

Но девушка больше не показывалась. Странная. Ладно... Толя нашёл Нинин пайп и смотрел на него. «***, не дул с пятого курса, реально. Почти два года прошло», – думал он. Очень хотелось, но он решил дождаться Нину. На улице быстро темнело. Вот теперь и мороз недалеко, а Толя всё ждал... Часы показали семь. Уже хотелось есть. Сейчас Нина придёт, Что-нибудь приготовит... Скорее бы. Семь тридцать. ***, да где она?! Толя в нетерпении поднялся и стал ходить из угла в угол. Голод и желание дунуть, и желание увидеть её перемешались и заставляли чувствовать себя очень счастливым (ведь ему есть чего ждать), но и очень раздраженным. Ведь всё это так близко – а где она шляется?!

Вдруг страшное подозрение залезло ему в голову – вдруг она с каким-нибудь парнем? Тусит сейчас и знать не знает, что он тут ждёт?! Ведь он хотел сделать сюрприз и даже не позвонил. С другой стороны, они договаривались, разве нет? Толя не мог вспомнить ту минуту, но был уверен, что перед сном он сказал ей: «Я к тебе завтра приду», а она ответила: «Приходи, конечно, милый братик». «Милый братик?» Это чё? Из сказки какой-то?

Толя вышел на улицу и отправился купить цветов. С одной стороны, порадует сестрёнку, с другой – немного скоротает время ожидания. Цветы нашлись не сразу, но через полчаса он вернулся с букетом к Нининому дому. Девятый час... Да где она?!

Войдя в общий коридор, Толя услышал голоса в прихожей Нининой квартиры. Строгий мужской и еле слышный женский. Он спрятался в тени у мусоропровода и подслушивал. Видимо, женский принадлежал соседке, а мужской?..

– Вам точно не известно, с кем она провела вчерашний вечер?
– Бу-бу-бу...
– А где вы были в ночь со вчера на сегодня?
– Бу-бу ... бу-бу-бу-бу ...
– Ясно. У неё были родственники в городе?
– Бу-бу-бу?
– А где её родители?
– В бу-бу.
– В Москве? Адрес знаете?
– Нет.
– Ещё кто-то?
– Я ничего не бу-бу ...

По Толиной шее пополз ужас. К чему эти вопросы? Откуда тут менты? Он врос в стену, хотя появившийся в голове второй голос велел немедленно выйти на свет и громко заявить о себе. «Ни за что! Не буду даже слушать тебя, Толян!» – сопротивлялся ему основной Толин голос, и повстанец понемногу успокоился и тоже прислушался. Интересно, она уже сказала, что он приходил и ждал её?

– Поедете с нами на опознание? Нужно два человека, кто её знал. Подозреваемый уже опознан.

Опознание? Толя почувствовал, что ноги стали ватными. Нет, это невозможно, невозможно! Это плохой сон! Лязгнула дверь. Три фигуры прошли мимо него: мент, соседка и ещё мент. Кажется, соседка взглянула в его сторону и даже узнала (по крайней мере, её взгляд изобразил какое-то движение мысли, когда коснулся его лица, но тут же потух снова – Толя догадался, что она, наверное, тоже весь вечер была под чем-то). Девушка, впрочем, ничего не сказала, а менты прошагали мимо, не обратив внимания.

Толя бросился к двери – оказалась не заперта. Он зачем-то вбежал в Нинину комнату. Он всё ещё не верил в услышанное. Какой-то ****ный бред. Какая-то ****ная... Он остановился. Глаза были как блюдца – он увидел своё осунувшееся, бледное лицо в отражении зеркала. В квартире было тихо, но кто-то третий был тут. *****. Наверное, тут ещё есть соседи. Они могли видеть его! ***, да какая разница – это же не я её... Толя замер. Безумная мысль посетила его, и он чуть не сблевал прям посреди комнаты. Нет-нет, невозможно. Они сказали, есть подозреваемый. Он опустил взгляд на руки. На правой кисти был синяк в районе костяшки. ***, я же избил вчера этого м****а! Твою мать! Опять захотелось блевать. Толя кое-как собрался и сел на диван. Две слезы коротко, как бы по инерции, стекли по щекам, но он был не готов плакать. Он ещё не верил.

Рука нащупала на диване пайп. Там ещё было немного гашиша, но надо было добавить. Откуда она его брала? *** его знает. Толя порылся в тумбочке и, как ни странно, почти сразу нашёл кусочек плюшки, завёрнутый в фольгу. Он поспешил затянуться. Безразличие упало на него огромным панцирем, но смерть была слишком существенным событием, чтобы просто забыть о ней. Толя покурил ещё. Нет, он всё ещё помнит. ***. Толя сунул пайп в карман и вышел на улицу. Сраный мороз ударил. У дома почему-то всё ещё стояла ментовская машина. Они что, до сих пор не уехали на опознание?

Толя пошёл в сквер и сел под фонтан. Он посмотрел на девочку без ладошки, на огромного защищающего её солдата и вот теперь горько, навзрыд заплакал. В его груди бушевало раскаяние.

– Даже если это сделал Лёха! – это же Я, Я её убил! – воскликнул он вслух и закачался туда-сюда, хватаясь за голову.

Он понял, что не может объять эту мысль: смерть. Одно короткое слово: смерть – а оказывается, оно так рвёт душу. Ему показалось, что он опять совсем трезвый, и, нащупав пайп, затянутся в третий раз. На этот раз он держал ядовитый дым в себе секунд десять, и выдохнул только, когда стало нестерпимо свербеть в горле.

– Ма-а, – он сам не заметил, как набрал маме.
– Что, сынок?

– Тут это... п****ц короче.

– Не ругайся. Что такое? Ты пьяный, что ли?

– Дай отца.

– Отца? Да он уже...

– Дай отца! – заорал Толя не своим голосом. Мать что-то пискнула, потом раздался отцовский голос:

– Да?

– Па.

– Чё тебе?

– Нину убили.

– Что?

– Убили Нину.

– Как убили? Кто? – отец явно растерялся.

«*** в пальто», – чуть не ответил Толя, но сдержался. Потом он захотел сказать: «Я убил, я убил – и трахнул!» Но потом кое-как заставил себя не говорить и это.

– ***, па, – пробормотал он, – это п****ц. – и повесил трубку.

Он зачем-то набрал Лизе, хотя понимал, что не станет рассказывать ей ни про Нину, ни тем более про убийство. Но Лиза не ответила. Он машинально набрал второй раз, и она прислала смс: «Не звони мне!». Истеричка долбанная. Толя затянулся снова, но в пайпе уже ничего не было. Впрочем, его и так хорошо накрыло – просто он не ощущал этого.

– Эй, парень, это, пс! Ты чё тут? – спросил кто-то.

– А?

– Ты чё тут, это, дуешь, что ли? – мерзкий голосок захихикал. Толя не видел говорящего. Наверное, он стоял где-то в темноте. Рядом горел всего один фонарь и освещал он только самого Толю.

– Не твоё дело. От****сь.

– Да ладно, это, не злись, это... Спайс хочешь? Забирает норм ваще, и стоит копьё.

– От****сь, я сказал!

– Ладно, ладно... это, нервный, блин, это...

Человек испарился. Толя понял, что опять идёт снег. ****ный бесконечный ночной снег. Он плакал, но уже спокойно, не навзрыд – а как бы выплакивал ужас и отчаяние. Ему сделалось очень стыдно за себя. Вместо того чтобы сделать для неё что-нибудь хорошее, весь вечер фантазировал, как трахнет её. А потом ещё как скажет об этом когда-нибудь отцу. Не скоро, нет – может, лет через пять или даже пятнадцать, когда тот одряхлеет и будет сдыхать, хватаясь за раздувшуюся печень... Тогда бы он наклонился и сказал: «А Нинку твою, па, я-таки трахнул в две тысячи шестнадцатом». И как знать – может, отец и умер бы от этого и наконец-то перестал травить их с матерью жизнь... Впрочем, кто знает, что будет через эти пять лет? И что было бы с Ниной... Господи, бедная, несчастная Нина. Он опять схватился за голову. Стало казаться, что череп многократно увеличился, раздулся и вот-вот лопнет или утянет всё тело на обледеневший асфальт. Толя кое-как поднялся и побрёл к Чапе.

Илья угрюмо открыл дверь, но, увидев заплаканного, мокрого и дрожащего от холода друга, без разговоров впустил его. Минут тридцать он отпаивал его чаем, потом спросил, и Толя ответил. Чапа покачал головой и поставил на стол бутылку.

– У тебя, блин, всё наготове, – вяло отметил Толя.

– Пей, Толян. Надо выпить.

И они выпили.

– Я много не смогу. Я уже угасился маленько.

– Вижу. Ложись.

Чапа помог Толе подняться и отвёл в ту же комнату, где тот ночевал прежде. Но Толя не хотел засыпать. Ему было страшно, и едва потух свет, он поспешил сказать:

– Это п****ц, Чап, это просто п****ц. Всё, к чему я прикасаюсь, рушится, не получается! Всё. Всё, что мне давали – портится. Всё, что у меня было в этой жизни... Всё это я пускаю п***ой. Это, Илюш, какое-то проклятье: я уехал от вас ото всех. Думаешь, у меня появились в Москве друзья? *** там! Юрец? Это разве друг. Алкаш ****ный. Постоянно денег просит. Один раз поцарапал его машину... Вот тоже пример, кстати: машину испортил! Дружбу – испортил! Девушка была, которая меня куда-то тянула... – испортил! Нашёл сестру, и через сутки её... ***-я-я!!!!

– Так, ложись, спи. Утро вечера мудренее, – строго сказал Чапа. Дверь скрипнула и затворилась, несколько секунд были слышны шаги, потом сделалось тихо и страшно.

– Я всё порчу. Всё, к чему я прикасаюсь, – умирает. Эй, ты тут, слышишь меня? – но в темноте уже никого не было. Толя лежал один и дрожал от внутреннего холода.

«П****ц», – повторил он бесконечное количество раз прежде, чем уснуть.

Глава восьмая

Он проснулся в совершенно ясном сознании, хотя проспал не так долго. На часах было начало седьмого, а за окном темнота. Начинался понедельник. Толя поднялся и осмотрелся. Мысли плясали в его голове, но сегодня это был не весёлый танец, а напротив скорбный. Первое, о чём он подумал – неужели это правда? И вставать уже не хотелось. Но Толя заставил себя. Он оделся и без завтрака вышел на улицу. Было холодно, но снега на земле осталось совсем немного, он опять растаял к утру. Крыши и деревья были покрыты инеем, лужи – льдом.

– Ты никогда этого уже не увидишь. Ничего не будет для тебя, – пробормотал он.

Путь до дома святого лежал мимо полицейского участка, и Толя вдруг решил завернуть туда. Это было совершенно спонтанное и бессмысленное решение, как он подумал, уже зайдя внутрь. Но, будучи внутри, уже было глупо разворачиваться и уходить.

– О, Толян, привет! – сказал проходивший по коридору опер.

– Привет. («***, когда они перестанут узнавать меня?!»).

– Не узнал?

– Ну-у...

– Мы не особо дружили, но я тебя хорошо помню. Ваш класс с нашим играл за кубок в девятом.

– А-а, понятно.

– Миха, – Миха протянул руку.

– Угу.

– Слушай, зайдёшь ко мне? Я думаю, я знаю, почему ты здесь.

Толя послушно последовал за опером.

– Будешь? – спросил Миха, указывая на бутылку.

– ***, ну... семи утра даже нет.

– А, точно. Извини, я просто же в ночную работал... Короче, это про твою сестру.

– Да, – Толя почувствовал, как режет сердце.

– Повязали вчера этого м****а, и он начал на тебя гнать. Я сразу и вспомнил, кто ты такой. Поэтому и узнал. Честно говоря, не поверил ему вначале, что ты в городе. Думал, он белку словил.

– Это Лёха, да? – мрачно уточнил Толя.

– Да-да, никаких сомнений.

– Хорошо.

– В смысле?

«В смысле я ни хрена не помню ту ночь, но тебе это знать необязательно», – сказал Толин внутренний голос, а внешний промычал что-то бессвязное.

– Но он всё рвётся подать на тебя заяву, мол, за побои. «Вспомнил» об этом уже в конце допроса – мол, они же меня избили. Вот тебе и мотивация, но, знаешь, не хотелось бы тебя впутывать в это дело.

– И чё?

– Мы можем написать, что это Нина его ударила – вот он и отомстил ей. И тебя в этом деле и не будет. Хочешь так?

– А тебе это зачем? – удивился Толя.

– Ну, не знаю. Мне как бы всё равно, но раз уж ты зашёл, я подумал... – опер долго тёр висок, будто разгоняя голову, но ничего так и не придумал. – Подумал, в общем, что тебе не захочется в этом деле светиться.

– Мне всё равно, Мих. Делайте, как лучше, чтобы его засадить. Чем на дольше, тем лучше.

– С этим не беспокойся. У него уже была судимость условная, в этот раз не сорвётся. Сядет по полной, – отчеканил опер.

– Это хорошо.

– Пипец, конечно, ты неважно выглядишь. Может, тебе воды хоть?

Толя повернул голову и взглянул на своё отражение: осунувшийся бледный мужчина с неопрятной недельной щетиной. «Да ты похудел за эти дни», – сказал он сам себе – отражение в ответ лишь ещё больше ссутулилось.

– Да, можно воды. Спасибо. Нет, ничего скрывать не надо, – устало сказал он потом, – пусть в деле всё будет, как было. Мы его встретили, повздорили, я с ним подрался... Он раньше встречался с Ниной – знал, где она живёт. Вот и решил. Кстати, когда это было?

– Вчера утром.

– Бедная, бедная Нина, – пробормотал Толя.

– Ладно, ты иди. Адрес оставь свой – пришлют тогда повестку вопросы задать.

Толя оставил адрес и снова вышел на улицу. Светлело. Он брёл медленно, ноги не хотели двигаться в направлении дома святого. Когда он свернул на улицу Удальцова и завидел избу, вокруг которой уже собралась немаленькая толпа просителей, то подумал, что ненавидит святого, ненавидит его сраного бога, который не защитил их, ненавидит себя и больше всего на свете ненавидит Лёху. Он даже подумал, что хорошо бы разыскать Лёхину семью и убить их, но почти сразу он представил себе смерть. Теперь он знал, как она выглядит, точнее, знал, что резонирует в сердце, когда она подходит слишком близко, и понимал, что у него ни за что и никогда не достанет сил. Это было чем-то огромным, немыслимым, чем-то принадлежащим людям из другого теста... но странно – раньше, если бы его спросили, он бы сказал, что он один из таких людей.

Вот он снова в избе, снова в очереди. Старушка с анкетами, кажется, узнала его и не стала давать новую анкету. Он просидел с открытыми глазами, но как бы в беспамятстве несколько минут, но потом очнулся и пошёл искать её.

– Извините.

– Да, сынок, что такое?

«Не называй меня “сынок”, п***а старая», – мелькнуло злое, но он заставил себя не обращать внимания.

– В общем это... я хотел что объяснить. Я тут не для себя, понимаете? Я работаю на одного человека, он очень богатый. Просто любые деньги может заплатить. У него сынишка болеет, вот он и послал меня, чтобы в очереди не сидеть. Короче, это ему надо встретиться со святым, а не мне. Можете, пожалуйста, просто записать его на встречу как бы?

Старушка довольно долго осматривала Толю, будто вымеряя правду в его словах невидимым прибором, потом сказала:

– В принципе можем, мы так уже делали.

Она замолчала, вопросительно глядя на него.

– Что?

– А вам точно к нему не надо?

– Точно. Нужно ему, вот, – Толя протянул ей визитку шефа. – Если вы тут интернетом пользуетесь, то посмотрите там, кто он. Знаете, сайт его такой, «Гугл». Ну или «Яндекс» можно – просто фамилию вводите и всё.

– Знаем-знаем мы всё, – перебила его старушка. – Яндэксы, Хуглы... Но вы-то точно в порядке? Может, посидите? Ваша очередь уже скоро.

– Я точно в порядке, ***! – взорвался Толя. Тихие разговоры, которые наполняли сени постоянным шумом, разом стихли, он почувствовал, как десятки глаз уставились на него. «От****тесь, святоши», – сквозь зубы прохрипел внутренний голос, но вслух Толя уже ничего не сказал.

– Хорошо, – сказала старушка спокойно и улыбнулась. Визитка исчезла в её кармане, она достала большую тетрадь с расписанием.

– Спасибо.

– Та-ак, вот у Вадички будет свободное окно, похоже... В субботу. Подойдёт?

– Думаю, да. Я шефу сообщу. Пусть уж постарается, – Толя слабо улыбнулся. Ему вдруг понравилась идея впервые (и наверняка в последний раз) повлиять на расписание шефа. – Во сколько?

– В полдень.

– Отлично. Он приедет. Скажите, а сколько надо денег? Ну, хотя бы примерно?

Старушка посмотрела на него непонимающим взглядом, но затем на мгновение что-то мелькнуло в нём, и Толя подумал, что, может быть, цена и будет названа, просто не сейчас.

– Святому человеку деньги не нужны, конечно же, – сказала она ласково.

– Окей. Но он что-нибудь захватит в любом случае. Спасибо вам большое.

– Не за что.

Сделав в тетради пометку на субботу, старушка снова взглянула на Толю. Он понял, что теперь она без слов повторяет свой вопрос. И в этот раз он ощутил не злобу, а бессилие.

– Нет, я просто не могу. Это невозможно. Зайти туда... нет, я не могу. Я же ни во что не верю, – шёпотом добавил он. – Вообще! Я раньше ещё что-то такое делал, в храм заходил, задумывался а сейчас... Там же ничего нет, как мне можно заходить? – под «там» он имел в виду «наверху», но показал почему-то в центр собственной груди.

– Но до этого же хотели к нему?

– Была Нина, а где она теперь?.. Извините, это не то. Невпопад. Я щас пьяный, мне нельзя.

Толя развернулся и чуть не бегом бросился к выходу. Его никто не преследовал, но у калитки он тревожно обернулся – точь-в-точь как тогда ночью – снова ожидая погони, но никого не увидел. Люди даже не глядели в его сторону, занятые бездельем, молитвой или разговором.

Пройдя полгорода и снова очутившись в центре, напротив пресловутого сквера с фонтаном, Толя вдруг понял: это конец, больше тут делать нечего. Надо уехать и уже никогда не возвращаться. Благодельск – это ё***ное днище, от которого следовало держаться подальше. Нельзя было сюда приезжать.

И вообще надо уезжать в принципе. Это не страна, это скукоживающаяся долина мертвецов. Люди тут как зомби. Ладно, ещё есть несколько нормальных, как Чапа – но это лишь потому, что он присоединён к интернету и работает с нормальным миром. А все, кто полностью здесь, – они вот такие – он обвёл площадь взглядом: трясущиеся на ветру старушки с семечками, праздно шатающиеся в понедельник утром безработные мужики, смертельно усталые женщины, тянущие детей в школу, и дети постарше – бредущие в ту же школу, чтобы ничего там не учить. Впрочем, ладно, в их внешнем виде нет ничего ужасного, но исподняя их жизнь – это безнадёжное умирание, напрасное преодоление дней в городке, который уже никогда не зацветёт, не зазеленеет, не будет интересным. Не будет ничего хорошего – ни здесь, ни даже в Москве! Ведь Нина никогда не воскреснет, и надежды увидеть её хоть одним глазком и попросить за всё прощения – нет! Надо валить с этой планеты.

Толя схватился за голову и свалился на ближайшую лавку. Даже в Москве никакой надежды нет, но там, по крайней мере, слишком много развлечений и света, чтобы об этом думать. Там люди умирают незаметно, и это не так страшно – ну так, мелкое пугающее происшествие. Если бы они только знали, что в таких городках, как Благодельск, умирание – это обычное течение каждого следующего дня...

Толя очень захотел, чтобы кто-нибудь подошёл и записал все эти сбивающиеся в кучу мысли, которые рвали его котелок на части. А ещё лучше – чтобы человек, который это сделает, забрал бы их себе и сумел разбить их в пух и прах! Доказать, что всё это неправда. Но прохожие шагали мимо, никому не было дела до того, что он там себе думает. И Толя заставил себя собраться и встать.

Он пошёл на вокзал, но почему-то купил билет лишь на завтрашний день. Что тут делать ещё почти сутки? Наверное, накурюсь и напьюсь. «В говнину», – как говорила бы Нина. Вдруг он понял, что если её убили вчера, то по идее завтра должны пройти похороны. А кто же здесь будет её хоронить?.. ***!...

Он вернулся в полицейский участок, но Михи уже не было. Дежурный долго пытался понять, кто он такой и о чём толкует. Когда, наконец, понял, то изрёк:

– А-а, ну этих жмуров, если у них родни нет, то их хоронят просто на общаковом кладбище, на самом обычном, там, ближе к Обручёвке. А потом можно перезахоронить на нормальном.

Толя попросил, чтобы без него не хоронили, и пошёл на вокзал обменять билет. Теперь он уезжал только завтра в полдень.

В зале ожидания сидела женщина, которую он помнил ещё по своему первому дню в Благодельске – он помогал ей дойти от электрички до коттеджа. Он подошёл к ней и сказал, сунув руки в карманы и глядя сверху внизу

– Здравствуйте.

– Здравствуй. А мы?..

– Не помните меня? Я вам в пятницу помог вещи донести.

– О! – женщина всплеснула руками, – пустая голова! Конечно, помню, эм-м... М-м... Михаил, да?

– Толя.

– Анатолий, конечно! Как ты, деточка?

– Ну, так.

– Что-то ты неважно выглядишь. Приболел?

– Зато вы вся светитесь. Помог вам святой?

– Ой, помог, ой, помог! – затараторила женщина, видимо забыв о конспирации, которую соблюдала пару дней назад. – Внученьке моей так полегчало с того раза, как я была, о-о-о! Обещал помолиться за неё, и меня, и за деда! Так что скоро она совсем на поправку пойдёт! А вообще я же не за большим делом ехала, как другие, а так, фью! Мелочь попросить. В общем, обещал Вадичка молиться.

– Понятно. Ну, рад за вас.

– Да ты присядь, поговорим!

– Да не, я это... пойду, – Толя шагнул было в сторону, но тут же вернулся. – И как он выглядит? На самом деле святой человек?

– Ну, так с виду-то и не скажешь. Похож на любого другого мужчину. Если бы на улице встретила – вот не знаю, узнала бы или нет. Да я, правда, слеповата стала, ты меня не слушай. Но скромный очень, это прям ощущается. А главное, свет у него внутри. Это вот тоже прям сразу чувствуется.

– Свет внутри. Интересно.

– Да, и я...

– А чувствуется, что у меня мрак внутри? – Толя злобно перебил её. – Чувствуется, что я ходячий труп ё***ый?

– Что-о?!

– Чувствуешь или нет? – нагнулся и прошипел он.

Тёткино лицо забавно задвигалось, словно в судороге, по мере того, как она пыталась подобрать реакцию на шокирующие слова, но Толя уже развернулся и ушёл, когда она, наконец, крикнула:

– Псих!

– Пошла на***! – крикнул он, не оборачиваясь. Кто-то в зале громко рассмеялся.

На улице Толе стало получше. Он подумал, что надо бросать кидаться на ни в чём не повинных людей и идти домой. По пути он позвонил домой.

– Ма, дай папу.

– Ты там как, Толь? Домой не собираешься? – осторожно спросила мать.

– Собираюсь. Давай отца, пожалуйста.

– Алё.

– Па. Нину завтра будут хоронить. На каком-то общественном, *****, кладбище, в Обручево. Помнишь, где это?

– Помню.

– Приедешь?

Отец замолчал.

– Алё? Ты там?

– Да, – тихо сказал отец.

– Так чё, приедешь?

– Нет.

– Нет?!

– Нет, – повторил отец.

– Да ты... ты чё?!

– Нечего мне там делать.

– Сука, она только и говорила о том, как собирается к тебе приехать, только и жила этим походу!

– Понятно.

– И что?! Едь сюда, ***!

– Следи за языком.

– Ты серьёзно? На похороны дочери не поедешь, па? – упавшим голосом переспросил Толя.

– Не могу. Не могу, Толь.

У Толи не оказалось сил больше кричать или возмущаться. Он почувствовал, как из него вынули ещё одну часть, о существовании которой он прежде не подозревал. Он стал идти медленнее, почувствовав, наконец, голод, усталость и желание спать. Чапа сидел за своими тремя компами.

– Ну, как дела? – спросил Илья, оторвавшись от работы.

– Договорился.

– О чём?

– Об аудиенции у святого.

– О-о, молодца!

– Для шефа, не для себя.

– Ну, ясно. А сам чё?

– Ничё. Я спать. Извини, – добавил он. – И вообще, прости, ок? – Толя остановился в дверях «своей» комнаты. – За вчера, ну и за всё.

– Не парься, проехали. Я что-то тоже перегнул.

– Можно ещё денёк у тебя?

– Хоть два.

– Спасибо, Чап. Я спать.

Толя закрыл дверь и повалился на кровать. Прежде чем выключить телефон и отрубиться, он написал шефу смску: «Я с ним договорился. Он вас ждёт в субботу в 12-00. У меня возник форс-мажор, извините. Придётся вернуться в Москву завтра вечером только. Толя».

Проснувшись позже днём, он прочитал: «Спасибо, молодец. Заслужил выходной». Почему-то, несмотря на дружелюбный тон, Толя подумал, что не сможет потом опять работать у шефа.

Впрочем, казалось, что пройдёт ещё вечность, прежде чем он возвратится в Москву. Но даже эти вечные сутки предстоит пережить, а со временем они померкнут в памяти. Толя поднялся с кровати.

Чапа опять сидел за своими компьютерами и сосредоточенно выписывал что-то в тетрадь. На этот раз Толя решил не беспокоить его. Уцепиться за огромного, рассудительного друга, от которого за версту веяло надёжностью, было соблазнительно – начать с ним очередной философский или даже просто жизненный разговор. Но, впрочем, сколько таких разговоров уже было. К чему они привели? Где все эти высокие мысли и где он? Толя тихонько вышел из дома.

Он сам не заметил, как добрёл до Нининого дома. «Ну что я тут забыл?» – обреченно спросил он себя, но что-то внутри прекрасно знало ответ и толкало внутрь. Он позвонил в дверь. Соседка подняла на него мутные глаза и в удивлении приоткрыла рот. У неё были выцветшие светлые волосы, узкое вытянутое лицо, узенькие плечи и плоская грудь.

– А ты что, не знаешь? – медленно спросила она хриплым голосом.

– Знаю.

– Тогда что?

– Есть чё?

– А-а. Ну, есть.

Она впустила его в коридор.

– Камень? – спросил он. Девушка кивнула. – Сколько?

– Ну, за такое дело две тыщи дай и хорош.

Он отдал ей деньги и получил половинку плюшки.

– Может, посидишь со мной? – спросил Толя.

– Ну, это, я вообще-то это. Занята.

– Чем?

– Телек смотрю.

– О***ть занятие. Тебя как зовут-то?

– Та-аня, – девушка зачем-то растянула своё имя.

– Хреново, Таня, очень хреново. Давай вместе посидим. Боюсь, с ума сойду один. Понимаешь?

– Понимаю, но... – она в нерешительности покрутила головой, будто в поисках спасения.

– Но тебе по***, да?

– А?

– Ладно, пока.

– Погоди. Окей, окей, не ной, заходи ко мне. Ща только приберусь.

Девушка нехотя пошла в комнату и довольно долго шуршала и шумела. Когда Толя наконец вошёл, то понял, что она разгребла для него место в древнем продавленном кресле и немного прибрала с пола – по крайней мере, от двери до кресла была проложена дорожка в обход бутылок, тряпок, тетрадок, книжек...

– Спасибо, – Толя плюхнулся в кресло. – Дедушкой пахнет.

– Ага. Он в нём и умер, – сообщила девушка и включила телек. Ящик забормотал.

Толя выкурил свои полплюшки в два захода. Девушка тоже чем-то закинулась, но ему показалось, что не гашиком.

– Удивительно, как, оказывается, близко это было всё время, – стал говорить Толя, пялясь вместе с девушкой в синий экран. Она сделала звук громче. – Всего-то надо было накуриться. Я раскрываюсь сам себе, представляешь. Меня, конечно, пипец давит – прям физически... Встать не могу, ***. Но зато я себя понимаю. Наконец-таки! Видишь?

Девушка не слышала и не видела.

– Ви-идишь, – тем не менее сказал себе Толя. – Я думаю, все это видят, когда начинают. Вдруг передо мной раскрылась такая глубина. Даже необязательно с кем-то говорить. Можно просто говорить с собой на два голоса: «Эй, привет, Толян, как чувствуешь себя?» – «О, неплохо, Толик, спасибо, что спросил. А ты?» – «И я ништяк» – «Ну, эт за***ись»... Понятно? Тот же самый смол-

ток[1], только не надо ни с кем усаживаться, узнавать про жену и детей, выслушивать всякий бред. Я вот только давеча думал, как меня за***ли все эти разговоры. ****ные попытки вырваться из колеса. Типа, проговорим то, что нас гложет, и станет получше. Ни***!

– А? – девушка встрепенулась, впервые услышав его.

– Бэ. Смотри дальше.

– Окей.

– Ни*** не станет лучше, ничего не изменится! Все только и ждут, что наступит весна, лето, новый год, новая жизнь, новый президент, новая работа, новое что-то. И все говорят-говорят, – он раздраженно показал руками говорящую собачку. – Только вот ничего это не новое. Всё сказано! И я бы ответил всем этим говорунам – завалитесь! Просто завалите е**а, вот что! И давайте помолчим. Давайте посидим. Молча. Вместе. Хотя бы даже возле телека. И попробуем пособирать в себе хоть что-то интересное, о чём бы стоило говорить. А? Слабо?

Толя решил подать пример и замолчал. Он тщательно собирал в голове мысли, образы. Потом заинтересовался происходящим по телеку – там показывали разбомбленный город в Сирии или что-то такое. Потом картинка сменилась, появилась реклама, и он перестал следить. Прошло несколько минут, и он сказал:

– Вот и пожалуйста. Ни***. Пустота в голове. Пустота полнейшая. Ничошеньки нету, ничего! Мне и сказать-то тебе нечего?

– Чего ты? – девушка повернулась к нему и нахмурилась. – Чего тебе не нравится-то всё? Кайфуй.

– Кайфую, Таня, я ****нно кайфую. Я убил сестру и кайфую.

– Ты-ы-ы? Нет, её Лёша убил.

– Да заткнись ты.

Толя кое-как поднялся и ушёл в Нинину комнату. Она была захламлена гораздо меньше, но всё равно тут царил бардак. Толя стал смотреть на корешки книг, которые, может быть, Нина читала или хотя бы листала: «Записки из подполья», «Мы», какая-то поваренная книга, «Золотой телёнок», «Избранные речи русских адвокатов XIX века», учебник по механике для 1-го курса, сборник цитат Ларушфуко... Ладно, достаточно. Толя сел за её стол и взял фотографию папы. На ней он был совсем молодой. Наверное, Толя ещё не знал его тогда. Обычный мужчина лет тридцати: смеётся, нормально одет и, судя по мускулатуре, находится в хорошей форме. Интересно, что было после этого снимка?

Толе вдруг показалось, что за тонкой дверью слышны шорохи и голоса. Он перенёсся на тысячу лет назад, в тот вечер, когда был маленьким, и впервые понял, что этот дядя приходит к маме не просто так, а с какой-то целью. Смутная детская тревога поселилась в нём, но он никак не мог понять, с чем она связана. Что он может сделать плохого, а главное, зачем? Зачем вообще человеку что-либо портить, разрушать? Зачем человек постоянно придумывает себе ограничители, когда достаточно просто не делать зла. «Не делать зла» – такая лёгкая фраза, но даже любовь полна злом, что уж говорить об остальном.

И тут уже Толя переместился в другое время, не такое далёкое, и вспомнил, как ревновал какую-то девушку в институте, буквально сгорал от ярости при мысли, что она обжимается с кем-то другим, тогда как сам Толя остаётся незамеченным. Он поглядел на себя со стороны и подумал, что всё хорошее, что могла содержать его «любовь» – было тут же отравлено, и что пути в это прошлое нет, а исцеления для того человека не будет. И более того – разницы нет, это просто сознание пытается спрятаться и строит стеклянные стены и лестницы, чтобы отдалить прошлого себя от настоящего, но на самом деле никакого расстояния нет, и тот низкий ревнивый студентик-двоечник как был отравлен, так и сидит тут гнилой от ревности.

Толю мотнуло в другое время, и он увидел, как они жили вчетвером: папа, мама, Нина и он. «Прости меня, Нина», – сказал он, протягивая руки к высокой худой девушке, похожей на

[1] От английского “small talk” – светская беседа.

тростинку. «Если бы выбирал я, то, конечно, не родился бы ни в это время, ни у этих людей. И не встал бы на твоём пути. Но, как говорится, е***ий-случай, я тут». Девочка отпрянула и убежала в темноту коридора. Толя поднялся и пошёл за ней. Тут он столкнулся с Таней и чуть не сбил её – она была очень субтильная и лёгкая.

– Ты вообще ешь? – спросил он, обнимая её, чтобы поставить на место.

– Да, немного.

Ему понравилось дотрагиваться до её лопаток и спины и видеть, как замерцали её глаза, когда она почувствовала прикосновения. До этого взгляд её был совершенно слепой – даже непонятно, как она ходила.

– Ну, пошли, поедим.

Но в холодильнике ничего не было.

– Я щас.

Он выбрел на улицу. Только начинало смеркаться. «Ни хрена себе, я рано угасился», – подумал Толя, заходя в магазин. Он купил колбасы, сосисок, сыра, хлеба, сока, паштет, картошку, маринованные грибы, консервированные горошек и кукурузу, яблок, морковь, лук, приправы... – всё вместе почти на тысячу рублей. Но дома они стали есть только сосиски и хлеб, Таня не загорелась желанием готовить.

– Поела?

– Угу.

Он обнял её. Она придвинулась ближе. Прошло несколько минут, он взял в ладонь её голову и наклонил к себе. Она покорно опустила лицо в его шею.

– Колет? Моя борода? – спросил Толя. Таня мычанием дала понять, что нет.

Ещё через несколько минут он устал так сидеть и поменял позу, взял её за невесомый подбородок и потянул к себе. Девушка не сопротивлялась. Они неловко, как будто впервые в жизни, поцеловались. Получилось довольно сухо и бестолково, но искра провалилась в глубину его тела, и Толя почувствовал твёрдость у себя в брюках, необычную тем, что всё прочее тело было как бы ватным и невесомым. Он перенёс Таню в комнату, но почему-то не её, а Нинину, раздел и занялся с ней сексом.

Он чувствовал, что делает всё ужасно неловко и бестолково, но ощущения обострились в тысячу раз, и он получал удовольствие от каждой секунды, а больше всего от того, что наконец-то делает давно задуманное. Потом он уснул и проспал до середины ночи. Проснувшись, он заглянул в Танину комнату и убедился, что она сопит на своём диване, свернувшись калачиком. Даже что-то надела на себя. Его уже прилично отпустило, и Толя ощутил брезгливость. Больше здесь делать было нечего, и он пошёл к Чапиному дому.

Было очень холодно. Толя заметил, что после того, как немного удовлетворил похоть, вина перед Ниной как будто стала меньше. А может, он просто отоспался и немного пришёл в себя. Но прежняя боль притупилась, стала глухой и далёкой. Не принадлежащей ему нынешнему. Получается, кто-то в его голове соорудил ещё одну стеклянную стену, отсоединив прошлые переживания от настоящего и приписав их другому человеку в его теле. Странновато, но Толя принял и это. У Чапы он опять лёг спать, поставив будильник на шесть утра.

Глава девятая

Будильник прозвонил совсем скоро. Чапа уже не спал – готовил завтрак.

– О-па, а чего это ты встал так рано?

– Поеду с тобой. Ты не против?

– Нет.

– Отец приедет?

– Нет, м***ка кусок, – злобно проворчал Толя. Он чувствовал себя неважно – гашиш всё ещё придавливал сознание, двигаться было трудно и лениво.

Не сумев ничего съесть, Толя выпил питьевой йогурт и вышел на улицу вслед за другом.

– Мотор поймаем, – сказал Чапа, и они отправились по аллее, потом вверх по склону, в сторону трассы.

Обручево, или Обручёвка, как говорили местные, было маленькой деревушкой в паре-тройке километров от Благодельска. Кажется, там уже давно не было ничего, привлекающего людей, кроме морга и кладбища. Мотор поймался быстро, за сто рублей доехали, до морга было пятнадцать минут хода. Нину, оказывается, уже положили в закрытый гроб, так что Толина надежда посмотреть на неё в последний раз разбилась о крышку.

– Вам с отпеванием или так? – спросила девушка в морге деловым тоном.

– ***, я не знаю. А как надо?

– Ну, усопшая крещёная?

– Э-э.

– Ну, крестик носила?

– *****, да знаю я, что значит «крещёная», – разозлился Толя, – но хрен знает, был у неё крест или нет. И тем более такое дело...

– Ну ладно, – служащая пожала плечами, – тогда так, – и что-то написала в журнале у себя на столе.

– А может, надо с отпеванием? – решил посоветоваться Толя.

– Даже не знаю, – ответил Чапа.

– Ну, ты ж не курил вчера. У тя нормально голова работает. Скажи чё-нибудь.

– Она в это верила?

– Нет. Вроде нет.

– А ты веришь?

– Не особо.

– Тогда, выходит, это никому не надо. Так?

– Так, – согласился Толя.

После «прощания», которое заключалось в том, что их оставили наедине с гробом в тесной пустой комнате, рабочие отнесли Нину к последнему пристанищу. Толя всё ждал, что появится отец, и бормотал, чтобы несли медленнее, осторожнее. Но мужики и так несли без охоты. Чапа тихонько подсказал, что надо бы дать им рублик потом.

Гроб опустили. Толя и Чапа кинули по горсти. Мужики стали закапывать промёрзшую землю. Над могилой поставили самый дешевый деревянный крест с пластиковой табличкой, которую нещадно трепал ветер: «Нина Викторовна Швеина. 20.04.1988 – 13.03.2016». Вот и всё. Больше рассказать о ней действительно было нечего.

– Держите, – Толя раздал каждому по пятисотенной купюре.

Мужики очень обрадовались и предложили помянуть. Было совсем раннее утро, но Толя постеснялся отказываться, и они выпили самой дешёвой водки, которую принёс один из работяг.

– А чё деревьев-то нет? – спросил Толя. – Всегда на кладбищах деревья, кустики... А тут пустырь какой-то.

– Ну дык это новое кладбище, – ответил мужик, с удивлением глядя на Толю, словно приходилось объяснять нечто совсем уж очевидное. – Вон старое, – он показал на лес в метрах пятистах отсюда, – а это новое.

– А-а, понятно. И что, тут деревьев не положено? По ГОСТу, что ль?

– Ну, если ты посадишь, будут деревья. А за так никто садить не будет, – пожал работяга плечами. – Люди сами делают теперь.

– Ладно, я посажу.

– Ты посади, но лес вряд ли будет. Тут всяких жмуров, бомжей хоронят... Сброд, кароче.

Толе стало обидно за Нину, он даже опустил взгляд в землю, чтобы не показать своего смущения. Чапа словно понял его и похлопал по плечу.

– Ничего, накопишь денег, перехоронишь у вас там в Москву, – тихо сказал он.

Это немного приободрило. Мужики выпили ещё и ушли. Чапа с Толей стояли на промозглом ветру, под рваными нитками дождя.

– Слушай, ты иди, мне надо ещё постоять.

– Понимаю.

– Не понимаешь. Я реально знаю, что больше сюда не приеду. Вот щас прям понимаю это, – сказал Толя. – Даже отчасти отца понимаю. Не потому что я м***к, и не приеду. А потому что пока она в моей голове не умрёт, я не смогу приехать. А потом не будет смысла.

Чапа кивнул.

– Ладно, Толь, я пойду в морг, в туалет хочу и вообще. А ты постой столько, сколько надо, хорошо?

– Да.

Огромная неповоротливая фигура стала удаляться. Она вязла в глине и грязище, но всё же скоро исчезла, и Толя очутился посреди пустого холодного кладбища один на один с мертвецами. Ему сделалось не по себе, даже захотелось курить. Самое время сказать что-нибудь Нине, но это такая несусветная глупость. Её три дня как нет – что тут уже говорить? Человеку в двух метрах под землёй.

Толя сел на корточки, чтобы хоть немного скрыться от ветра. Стало чуть получше.

– Ну что, Нинок, – сказал он, – прости меня. Прикинь, говорю это, а раскаяния-то нет.

Необходимость сказать ей что-то, даже хотя рядом никого не будет, мучила Толю последние два дня. И хотя он понимал, что осудить его некому, он не чувствовал себя вправе молчать.

– В общем это... я маленько попортил тебе жизнь, я знаю. Ну, и ты мне тоже. В этом есть какой-то парадокс у людей: они вроде как не замышляют плохое, но чтобы жить – им приходится выгрызать у других пространство, отнимать что-то. Одно плохое решение влечёт за собой цепочку, и, в общем ... бывает, мы заканчиваем тут, на кладбище. Что я сделал? Да ничего – родился у мамы. А ты у своего папы. И мы оба не хотели отпускать их, и наша детская ненависть, получается, и разрушила всё... Жизнь не починишь, так что я просто хотел тебя трахнуть, чтобы досадить папе уж по полной. П****ц какой-то. Откуда это вообще взялось в голове? Я даже и не помню. Просто увидел тебя. А вдруг это была бы любовь, Нинок? Которая бы всё нам простила и оправдала? Теперь-то **ли сопли наматывать – не будет ничего. Я, в общем, и не знал, что это слово что-то значит: «Ничего». Вот, видишь, с собой ношу.

Он достал пайп и показал кресту. Действительно на мгновение почудилось, что кто-то или что-то смотрит на него со стороны и слышит, что он говорит. Толя наклонился и положил пайп на комья земли, не успевшие полностью окаменеть от холода. Но, поразмыслив немного, решил, что лучше сохранит его на память.

Теперь, когда слова иссякли, над кладбищем только шумел ветер, рвал на части неприкаянных призраков, бродивших поверх свеженьких могил. Откуда-то из недр памяти Толя вычерпнул знание о том, что первые сорок дней душа должна мытарствовать и вспоминать все свои грехи, а кто-то больший должен осудить или помиловать её. Толя подумал, что пройдёт относительно немного времени, и ему самому предстоит такой же путь к воспоминанию, и он вспомнит тот день, когда не уберёг Нину, и она глупо, бессмысленно умерла.

Он закрыл глаза и захотел перенестись в тот день, когда умрёт сам. Интересно, уже появятся летающие машины? А города на Марсе или Луне? Может быть, и его будут уже хоронить где-нибудь не на Земле или даже за пределами солнечной системы?

Поперёк этой мысли встал какой-то старик. Он возник из ниоткуда и тревожным ищущим взглядом уставился на Толю. Он был одет в чёрный монашеский балахон, у него была довольно длинная ухоженная борода и чёрная шапочка, скрывающая волосы. Толя сразу понял, кто это, хотя они никогда не встречались.

– Ну что, святой, – сказал он, стоя с закрытыми глазами. – Это и будет наша встреча?

Старик кивнул. Суровый пронзительный взгляд буравил Толю.

– Не сильно-то и хотелось. Больше мне нечего попросить или даже спросить. Вот если бы ты мог воскресить мою сестричку... Но ты не можешь. И какой тогда смысл? Я всё-таки не в силах отпустить её в никуда. Поэтому я буду верить.

Воображаемый святой вопросительно поднял брови.

– Верить, что на этом вашем свинцовом небе сидит могущественный, но ничего не предпринимающий Бог и очень внимательно слушает. Очень-очень. Но у него зашит рот, и ему давно нечего сказать. Один раз он попытался, но люди всё переврали и испортили... И в нас нет ни капли вины. И вообще, нет смысла верить, пока ты счастлив. Но поскольку я очень-очень хочу ещё хоть одним глазком увидеть настоящую живую Нину (так же, как и Чапа хочет увидеться с родителями), действительно хочу, чтобы хоть раз она улыбнулась, засмеялась, обрадовалась, и это был не смех наркоманки, а обычный человеческий смех, то поэтому я буду верить и ждать.

Старик молча покачивался на ветру, затмевая будущее, звёзды, луну, и внимательно слушал.

– Ожидание немного скрасит... Получается там, впереди, выше вашего бога, есть радость новой встречи. Вот тебе и смысл: на минутку увидеть всех, кому я не успел сказать и признаться, что, *****-муха, я же их любил!.. Вот после этого, когда догонишь время и успеешь сказать им всё важное – тогда пусть ваш ненавидящий бог сжигает нас.

Толя открыл глаза. Он умудрился за секунду забыть, как выглядел тощий хмурящийся монах, теперь это снова был размытый далёкий образ и мало что значащее слово. Короткий приступ веры, когда действительно стало казаться, что увидеться с Ниной не невозможно, прошёл. Не будет последнего объятия, слов прощения, воссоединения. Выходит, придётся просто её забыть. Надо вытеснить эти мрачные, отравленные дни яркими солнечными впечатлениями. Он взглянул напоследок на могилу, крестик, табличку и побрёл в морг. Идти было непросто – ноги совсем замёрзли.

– Ну как ты? – спросил Чапа.

– Нормально. Представляешь, встретил его.

– Кого?

– Святого.

– Да ладно?! А что он там делал?

– Не знаю. Пришёл. Постоял, послушал меня и исчез.

– Офигеть, – сказал Чапа с благоговением. – Как он дошёл-то только, интересно?!

– А чё такого?

– Ну, он же хромой, толстый, еле ходит.

Толя уставился на него с непониманием. Потом рассмеялся.

– Да? А я-то представлял его другим совсем.

– Чего-чего? – не понял Чапа.

– Да ничего, проехали. Пошли такси ловить. Я тебя угощу где-нибудь, и пора мне двигать в Москву.

Они перекусили в «Палыче» – забегаловке у трассы, где раньше работала Нина. Толя так и не понял, почему у работников такие кислые неприветливые лица – из-за Нининой смерти или просто от ненависти к собственной жизни. Потом он отправился прямиком на вокзал, обнял на прощение Чапу и несколько раз пообещал, что ни за что не перестанет теперь помнить его и будет иногда писать, но тот лишь снисходительно улыбался через бороду и кивал, будто соглашался с неразумным ребёнком. Видимо, он понимал больше Толиного.

Наконец, подошёл сидячий скорый поезд. Толя запрыгнул внутрь, встал у двери и ждал. Минуты перед отправлением таяли. Ему вдруг снова захотелось погулять на Благодельску, на миг он даже чуть не выскочил на перрон, но наваждение быстро прошло. Чапа стоял огромным чёрным пятном перед поездом – единственный провожающий, больше на платформе никого не осталось.

– Ну, бывай, – сказал он добродушно, когда двери лязгнули, и вагоны стали медленно двигаться.

– Классная борода! – запоздало крикнул Толя. – Но ты за ней получше ухаживай. Я всё забывал сказать.

– А? Чего? – не расслышал Чапа.

– Классная... а, ладно, – Толя махнул рукой и улыбнулся.

Чапа тоже улыбнулся и зашагал восвояси – величественный, уверенный, умный. Толя позавидовал самому себе, что смог когда-то сдружиться с таким человеком. Потом он сел в удобное мягкое кресло и почти сразу задремал. Поезд двигался плавно и быстро. Тепло и комфорт были совсем не Благодельскими – словно Толю теперь везли из какой-то бесконечно неудобной и гнилой зоны отчуждения в настоящую цивилизацию. Чем ближе они были к Москве, тем лучше ему становилось. И тем страннее было допускать существование какой-то там святости.

Сон очистил его голову от наркотического дурмана, а удобное кресло помогло отстраниться от всего пережитого. Когда он проснулся, то пересчитал оставшиеся деньги. Оказывается, у него было ещё почти десять тысяч, и Толя подумал, что, пожалуй, ничего особо страшного не произошло. Больше того, он обрадовался, что так и не пришёл к святому, потому что тот наверняка заронил бы в его сердце зёрна сомнений, а так он вполне уверен в том, что делать дальше.

Да, сейчас всё просто и понятно. Надо продолжать работать и делать деньги. Для начала надо рассчитаться с Юрцом и закрыть остальные долги. Нужно тысяч тридцать. Потом неплохо бы купить новый телефон и костюм. А ещё часы. Да, часы и костюм – это атрибуты современного успешного горожанина. Но это всё тысяч на сто пятьдесят, как минимум... Зато потом можно действительно думать над тем, чтобы открыть свой пивной магазинчик. Почему нет? Чем чёрт не шутит?! Может, Юрец и впрямь в этом понимает, и у них что-нибудь да выйдет. Главное, деньги, побольше денег. Как можно больше денег.

Толя даже удивился, что мог забыть об этой простой истине. Ведь она всегда воодушевляла его. Пока он ехал домой, то только и повторял себе: «Побольше денег». Смутно он уже понимал, что долго у шефа работать не станет. Надо искать место поприбыльнее, да и работу полегче.

Наконец, он оказался дома. Удивительно, но родителей не было. Он уже и не помнил, когда они вместе куда-либо уходили. Неужели помирились? Наверное, даже они сами не знали, когда и почему рассорились в последний раз. Пришлось обедать одному – хорошо, был мамин куриный суп и кусок свежего чёрного хлеба. Тишина дома была непривычной: ни телевизора, ни отцовской ругани, ни огрызающейся матери...

У себя в комнате Толя расчистил место в углу одной из книжных полок: выбросил какие-то бесполезные учебники по экономике из институтской поры. На появившееся место водрузил Нинин пайп. Это была прямая трубка сантиметров десять длиной из утолщённого зелёно-синего стекла. Возможно, когда-нибудь мать спросит, что это такое, для чего и откуда. Но тогда он просто пожмёт плечами и скажет, что не помнит, но ему очень нравится эта штучка. А если захочет её позлить, то ответит: «Нинино», – и мать посереет от гнева.

07.06.2016 – 12.07.2016

Андрей ТАВРОВ

ИЗ ВИЗАНТИИ
Сонеты к Ксении Кентавра Асбола[1]

1.

Никогда не видим тело сразу со всех сторон,
этим оно похоже на душу или звезду, на любую вещь,
я кентавр в красной рубашке, с певчей трубой в руке,
жду тебя, узкоглазую, среди криков толпы, жонглеров, огней.

Каждая твоя ложбинка поет, словно вытянутая свирель –
далекая эта музыка как колючка перекати-поле
тычется мне ароматом в губу, словно верблюду,
разрывает рот блесной, борода моя красна от крови.

Что стою, отчего б не уйти от красного убийства,
от розовой плоти, впадающей в красный океан sangre,
в гемоглобин, в подобранную страстью мошонку.

Красная кровь, красное время – сны, в которые мы играем,
снимающие кожу заживо сны, о нежное лицо, лик!
Как заиграли пули в золотой прическе твоей!

2.

Мириады миров взвешивает Творец меж твоим запястьем и локтем,
все уравновешены, готовы проступить светоносной явью, ожившей фреской.
Разве мы не мартышки, дерущиеся в клетке из-за банана, который после отбросим.
Но даже с такими насельниками мир сбалансирован, свят, и все же

мы способны его уничтожить, мы любим боль, мы любили, любим и будем ее любить.
Не помню, сняла ли ты юбку в первый раз, но помню, как за окном шумела река.
Никогда не была ты голой, как тела в морге или как нелюбимое тело,

[1]Кентавр Асбол, писатель и птицегадатель, распятый Гераклом.

Андрей Тавров родился в городе Ростов-на-Дону в 1948 году. В 1971 году окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии. Работает на «Радио России». Автор двадцати сборников стихов, прозы, статей и эссе. Участник антологий «Строфы века» и «Антология русского верлибра». Стихи и рассказы печатались в журналах «Новая Юность», «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Воздух», «Комментарии», «Арион» и др. Главный редактор издательского проекта «Русский Гулливер», главный редактор журнала «Гвидеон». Член Союза писателей Москвы (с 1996 года), член Литфонда, член Международной федерации русских писателей (МФРП), член Международного Пен-Клуба (с 2010 года).

как нагота блудницы, но всегда светилась, всегда случалась, как свая,
укрытая глубиной.

Все сплетено – роза, осьминог, кишки в животе, галактики, струны кифары,
швы черепа, паутина, дороги... Канаты, водовороты, слова... Твои волосы,
когда я накручиваю их на кулак, способный сокрушить вола, и говорю: пей мою кровь,

пей великие миры: Персеид, Арктур, Кассиопею, дальнюю Вегу, с их речками
снами и городами, с Волгой и Темзой, всех великих, что живут меж великими,
среди которых ты плаваешь с окровавленным ртом, как рыба.

3.

Твое голое тело в бассейне похоже на ложку из слоновой кости.
Что тщишься ты вычерпать – резервуар с зеленой водой или себя из себя?
Все, что ни тронешь – свято: собачье дерьмо продолжено пламенем Метатрона.
Прокл Платоник сердце берет из первого снега на побережье, а ребра из грязи.

В этом городе много прекрасных лиц, уродов, впрочем, тоже хватает, но все это
игры Богини, –
все играют в себя, как облака ясным днем плывут, клубясь над заливом –
то больше медведь, то лодка, то единорог, а то небывалая рыба –
какое имя дашь, то и возникнет в сознанье, то и видишь, а думаешь, они сами.

Зачем мы даем имена друг другу, и зрим очертанья имен, а не правдивую пустоту,
ответь мне, Ксения! Но ты не ответишь, ты сама как облако, скопление пара,
сама спишь наяву или стонешь, как Ио, когда по ночам в тоске

ходишь, как белая ложка над черной водой, зарезав двух черных псов,
сварив их выдранные языки. Ходишь всю ночь, как ложка,
отрываясь надолго от черной земли, стоишь в воздухе под Луной с пеной у рта.

4.

Квадратный овод с жалом мечется в небе, играет в трубу музыку
пьет кровь с молоком, кровь с мелом, с мочой, музыка ходит в трубе.
У него четыре копыта, как у меня, и труба звенит, в ней гуляет четырехногий.
Мы ныряем друг в друга, мы ныряем в одно небо, в небо с черным лицом.

Квадрат и жало – как трансформатор с разрядом молнии.
Я стучу копытом, прогуливаясь по своему животу, как по ложбине.
Я иду по другому своему животу, как по ложбине, по вечной внутренней впадине, и
эти годы жизни, словно спил у сосны, – не во времени, а в кольцах пространства.

Не удлиняю тщетно себя собой, но вхожу вовнутрь, в свой свет, в свои годовые кольца.
Не все ж пытать нам только твое безвинное тело, словно оракул, в котором
если и есть смысл, то лишь в том, что неизменно. – Так меч-рыба, вынутая

прочным удилищем, бьется на палубе, пока ее не разрубит тесак, застывая
в луже крови на досках, но аура неподвижна, как обруч бочки.
Ты вошла в нее, чешуя покрыла твои глаза, и ты целый год молчала.

5.

«Скажи, Ксения, неужто белая грудь, волосы и красная беготня внутри –
только это и есть, что ты? Нет же, конечно, должно же быть что-то еще», –
сказал я и ушел, и смотрю теперь на сосну, нищенку, черепицу крыш,
на поверхность вещей, и в груди моей разрастается воронка,

сдвигает ребра в сторону, втягивая дальнее дерево и бледное лицо,
дрессированную обезьянку и морской горизонт с коричневым парусом,
достигнув, они переворачиваются и идут дальше в просторы меня,
они другие теперь, они как отец, которого вдруг узнаешь в толпе.

Они идут, рассыпаясь. Я хотел бы быть волком.
Потому что он сер. Он очень сер. Ты даже не представляешь,
что такое быть серым, Ксения, это как быть серым, или

быть серым снова. На снегу или на фоне моря. И у него есть глаза
и желтые клыки, от него пахнет падалью и псиной. Он сер и вечен.
Я хотел бы быть волком, Ксения, неутомимым, серым, разорванным псами.

6.

Почему ты думаешь, что камни, которые накрыл прилив,
вернулись теми же самыми, что уходили круглыми затылками в воду?
Вглядись – это другие предметы, неназываемые, вообще не камни, жители
иных побережий, звезд и углов, мы их видим затвержено в роли камней.

Он говорит, нам нечего и пытаться дотянуться до старых мастеров,
давайте же продемонстрируем, наконец, свою глупость, свое убожество, неумелость,
или будем писать стихи о стихах и слова о словах, слова о функции слов,
это будет необычно, востребовано, современно, в борделе все всегда современны.

Два предмета *могут* занимать в одно и то же время место одно и то же!
Это – море и море, и снова море, и море опять, и все это море, и золотой соловей
и золотой соловей, знаешь, это куб и куб, и еще раз куб и куб, и тот же, и куб, и

он самый, а если не так, то снова он куб, и он же, и тот – как бритва его ребро,
тронь пальцем – и потечет. Это мы с тобой – Ксения, Ксения-дева и Асбол,
Асбол-кентавр –
одно и вместе, как бритва где острие и воздух – два берега шуршащей и общей крови.

7.

Тянется сама из себя, как тянется из себя, а не из другого,
желтая стена, что тянется из себя самой, из желтой стены,
из самой себя, ибо тянется из стены, и желтой, и тянущейся
всегда из самой себя, я иду вдоль стены, но тянусь не я, а она, я же тщусь

и сжимаюсь к центру себя, не продолжен, не из себя самого, а вдоль желтой стены.
я иду, а идти не тянуться, вдоль желтой стены не тянуться, а пребывать, собираясь
в нерожденную точку. Идти вдоль желтой стены, тянущейся, и значит, что пребывать
в точке. Да, пребывать, не тянуться, конечно же, не тянуться вместе с желтой стеной,

а пребывать. Это не быть стеной, пребывая, не быть стеной или тянущимся собой.
Это идти в пребывании, обнаружив, что ты – лишь недвижная точка. Не идти и не пребывать вдоль стены – идти вдоль стены в пребыванье бесстенном, вдоль стены,
тянущейся и желтой.

Вдоль тянущейся и желтой стены, вдоль тянущейся стены, желтой и желтой,
что тянется сама из себя, тянется сама из себя, я иду, и я пребываю не из себя самого, –
и нам обоим очнуться в перекрестии дня, в тесной и треснувшей куколке –
красной бабочкой.

8.

Люди с воронками в груди, исчезающее племя, как белые олени,
которых отстреливают и украшают стены пиршественных зал
рогами и изображениями. Живые, как юлы, воронки, бороздящие
невещественной формой вещественную поверхность кожи.

Вещественный свет входит в них, переворачиваясь и распадаясь
на вечные вещи мира с вечными именами внутри, наполовину
нетварными, как Фаворский свет по формуле Дамаскина,
и глядят на тебя лица зверей, птиц и рыб изнутри твоего лица.

Если б ты знала свое лицо, Ксения, – то, откуда родом пески Аравии,
озеро с платиновой волной и белым Актеоном и мост через горное ущелье,
где мы с тобой курили план и ты стала птицей с золотым клювом.

Если б ты знала свое лицо, Ксения, свой лик, Премудрость,
когда билась на ковре рыбой, а за окном сыпался в речку снег!
О, исток мира – девочка в сандалиях фабрики «Скороход»!

9.

Птицегадатель Асбол... Они садятся на меня: зяблик и зимородок, ласточка и орел,
утка Орфея и воробей Венеры, фазан и снегирь, и синичка, и дятел,
сокол и галка, я похож на лодку с флагами во время карнавала, шумную, гомонящую.
Они нудят назвать меня мир его правильными именами, чирикая, напевая, цокая –

Кто как не ты? – щебечут и свищут, и клюют мою шкуру и голые плечи,
оставляя в них тихие водовороты, втягивающие мир в область сердца –
это как в песочных часах: песок скользит к устью, теснится и выворачивается,
словно платье, и лишь тогда видна суть – ключицы, сосцы, бедра запретной богини.

Деву познать – не то же ль, что умереть? И вновь родиться.
Лают и хрипят псы Актеона, воронки –
розы и раны, оргазм и водоворот, удар сердца и вдох, верное имя и верная вещь –
втягивают человека, выворачивая мир в его Рай, в его мощь, в его Дом.

Имена далеко заводят нас. Помню судороги отравленного базилевса, стоны,
рвотные массы,
а в окне птичка поет, зовет птенцов либо их отца, а то просто славит краткую
верную жизнь.
От тебя пахло американскими сигаретами, упругая грудь,
бесстыжие слова с детских розовых губ.

10.

Империя сочеталась с иудейской верой, легионы с псалмами – клейкий надежный сплав.
Прозорливцы откочевали в пустыню, затворились с Книгой в пещерах, дошли до Синая.
Остались болтуны-схоласты, актеры, чиновники да солдаты. Птицы мои!
Райские голоса!
Клювами разнесли меня, за буквой буква, по звездам, в гребные каналам вселенной,

соединили кровь мою с частицами света, с само́й его нерожденной сутью.
Как пели гимны они, даря мои гены свету, стесненному в кровь! Нестерпимую
жажду тела,
язык, и ногти, и мочевой пузырь, и печень – другим рыбам и феям,
и драконам, и великому Рафаилу, перемешивая меня с чешуей, с перьями и костями.

И тебя, Ксения, раздали миру мои среброгласые птицы! Расплескали как чашку!
И ты стала ножкой кузнечика и светом Сатурна, веслом морехода и позвонком Платона.
Глиной и ямой для солнцеликого и вьюнком, оплетшим гулкий колодец.

Это – ты, Ксения, не названная никем, кроме всего, что есть в мире и за его гранью –
его звездной глиной, могилами, содроганьями, тобой и мной – в невидимой
тесной лодке.
Ты – это всё. Как и я, и мир плачет нами и умирает, и вновь восстает из огня.

11.

Я вышел из стада, белый кентавр, драчливая лошадь, похотливый солдат.
Я сказал новые слова, похожие больше на хрип, на мычанье, чем на слова, увидел
ребра Земли,
сложенные, как изба, из влажного огня сострадания. Шрам на голове пехотинца
заставил плакать меня глубже, чем Софокл своей «Антигоной», чем боль,
пронзившая тело,

когда Геракл распял меня на зеленом древе и кости мои умерли и иссохли.
Я выл, а тело мое кривилось, как линза, трещало, наводя зренье на резкость.
Влажный огонь – мы забыли его, нашу мать и отца, не почли, как ублюдки.
На площадях песьеголовые люди, клыки их в крови, но от них все равно разит падалью.

Не поймать им мяча, не сложить стихотворения, не построить воздушный корабль –
только подобья, мертвые вещи – ни речи, ни песни, ни плача, ни крика.
Вот что я видел, когда кончался на древе, выхаркивая в пыль сгустки крови.

Ксения, приди, – запел я, – о приди, мать моя Ксения, приди, речь моя, дочь моя, отче!
Они шли мимо и лаяли на разные голоса, опора империи, владельцы чужих песен,
падаль,
и в сердце каждого стояла Ксения, влажный огонек безначальной Премудрости.

12.

Август на ипподроме. Пахнет благовониями, по́том, звук конского храпа
напряженнее розы.
Сама она выжата скоростью в лошадиные губы. В косых лучах солнца женщины словно
съезжают наклонным срезом сами с себя, трибуны раскрываются вверх,
словно еще цветок, обнимающий ветер, синь, океан воздуха с вечерними
раковинами, рыбами.

Людские головы что картофель, вынутый из зияний земли, ипподром что земля,
что зиянье.
Возничий, связав сорок тысяч взглядов, вспыхивает паклей,
кричит, диковинные звери окружают его.
Чихая, тянет теплушки в степь паровоз, я здесь для голов, я здесь для картофелин,
для речи, рвущей сердце наотмашь, ибо лишь звуком и держится общая красная жизнь, –

лишь словом разбойным, с каких таких крон сходящим, как тать, на язык,
с какого рожна,
с какого причала немытого? Морю лучше ль шуметь шуму картофельной крови в ответ?
Лбам и затылкам в ответ, земляному прибою,
проросшему бледным ветвящимся светом венозным?

Глине в ответ, проросшей людьми, лимфой, словами – лучше ль шуметь винноцветному,
отдающему мертвецов по ночам нужному пульсу, тяжкому слову? Или обоим сойтись
в обойме лазурной: в груди – телом единым, человеческой речью,
неубитой мышцей словесной?

Петр АЛЕКСАНДРОВ

СТИХИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1947–1956 ГОДОВ

Публикация, предисловие Георгия Квантришвили

Коричневая записная книжка со стихами, размером в ладонь, изготовленная на фабрике школьных тетрадей «Сокол»: Ленинград, ул. Воинова, дом №26. Арт. 405. Под первыми стихотворениями проставлен 1947 год, под финальными – дата 27/IV 1956.

Стихотворения писал один человек, но двумя почерками. Некоторые – скоропись, с исправлениями, карандашными вставками и выпущенной местами пунктуацией – затем переписаны набело. Большинство существует только в беловом варианте.

Два эпиграфа на первой странице. Четверостишие, черновик и беловик которого находятся далее. И интригующая надпись «Внуши рабу, что он вполне / свободен и ты получишь / полного раба». Две спаренных строки пятистопного ямба не рифмуются, более крупное стихотворение, отрывком которого это могло бы быть, неизвестно. Предположим, что это самостоятельный афоризм и, как и в первом случае, автоцитата.

Учитывая содержание стихов и царившие нравы, автор, вписывая здесь же своё имя, рисковал.

В 1947 году Пётр Александров, студент факультета русского языка и литературы Куйбышевского государственного педагогического и учительского института, перешёл на третий курс. Занятий он почти не посещает, экзамены сдаёт почти экстерном – ему приходится ухаживать за тяжело болеющей матерью, которую он схоронит в следующем году. Ещё год спустя институт будет закончен с отличием, первые стихи в подборке написаны уже аспирантом при кафедре русского языка.

Владелец записной книжки в 1950 году, пользуясь его словами, даст «себя распять / на кресте супружества». Жена – Дина Михайловна (Менахемовна) Вагер – выпускница того же института, но другого факультета, иняза. На 1952-й приходятся окончание аспирантуры и рождение дочери. Дальше сгущаются тучи.

Подготовленная диссертация (о принципах составления словаря синонимов) не допущена до защиты и возвращена на доработку. Жена не находит общего языка со свёкром, на общей жилплощади (комната в коммуналке, 18 метров) полыхают скандалы. Жилищный вопрос портит не только москвичей. Преподавательская супружеская пара трудоустраивается в город Мичуринск, там обещано жильё.

Жильё, по приезде, оказывается ещё менее благоустроенным. Грязь, поиск дров, семейную лодку, уже давшую течь, неудержимо затягивает в пучину. Два года спустя, в 1955 году, поэт возвращается один. Альма-матер не принимает его в число официальных сотрудников, со студентами-вечерниками ведёт занятия преподаватель-внештатник.

Уже после финальной записи в записной книжке дочь Петра Александрова угорит в печном дыму в далёком Мичуринске. После известия о её гибели поэт угодит в психиатрическую лечебницу.

У врача-психиатра Лии Павловны Унгер окажется коричневая записная книжка со стихами, которая, многие годы и руки спустя, достигнет автора этого предисловия.

Таковы, вкратце, обстоятельства, сопутствовавшие написанию расположенных ниже стихов.

Следует добавить, что Пётр Александров родился в Омске в 1927 году, с 1932 года жил в Самаре (с 1935 переименованной в Куйбышев, а с 1991 опять в Самару) и в ней же в 1999 году окончил свои дни. В те годы, когда стихи вносятся в записную книжку, город, уже переваливший за полмиллиона

жителей, на полпути между крупным и миллионером. Вскоре поэт вступит в новый брак, родится дочь, ныне хранящая его наследие.

Пётр Александров отказывался от попыток закрепить за собой статус поэта официально. Он писал стихи, забыв о цензуре, не предугадывая реакции читателей, не думая о возможности или невозможности публикации.

Этой публикации не состоялось бы без помощи Бэллы Давыдовны Крайн, предоставившей записную книжку П.С. Александрова, и поддержки дочери поэта, хранительницы материалов отца, Елены Петровны Тарнаруцкой.

***

Затоплен берег очарованный.
Тебе, герой разочарованный,
По шапке справедливо дали
И – каждый день герой штампованный
Штампует новые детали.

1950

***

Листва шелестит,
Как ветер велит.
Подула судьба:
Твой шелест – борьба.

1950

***

Для чего я живу?
Для чего умираю?
Ветер треплет листву.
Это всё, что я знаю.

1951

***

Часы вселенной не перевести.
Язык друг друга не перевести.
Живя – дыханья не перевести,
Запаса воли не перевести,
И жизнь в могилу – не перевести.

Поэтому всегда спокоен будь:
Тебя на верный путь направит путь.

1951

***

В душе не горе, не равнодушие.
Существовать надоело, слушая
Потоки слов, до зевков знакомые,
Что испускают мои знакомые.
О кинофильмах и исполнителях,
О камнях, дереве и строителях...
Уединения очень хочется,
Со мною – люди и одиночество.

1952

***

Бумажная правда книг
Души не насытит в нас,
И мира живой язык
Не втиснуть в гробницу фраз.

1952

***

Утро серое встаёт
В грохоте и гуде
И шагают на завод
Заводные люди.

Лекций близится момент
И, вскочив с постели,
В институт понёс доцент
Истину в портфеле.

Дворник свой закончил труд
Для социализма,
И в киосках продают
Классиков марксизма.

1952

***

По мостовым и по тротуарам
Весна чернеет и дышит паром,
А кое-где золотым пожаром
Горит вода.
Какая радость – влюблённым парам
Бродить тогда.

И у кого-то желаний много,
Гнетёт работа, зовёт дорога,
Ушла забота, пришла тревога,
И в этот миг
Быть может, кто-нибудь юный, бога
В себе постиг.

1952

***

Машины несутся, пыля
На тех, кто стоит у дороги.
Машины сидят у руля
Машины, везущей в остроги.

Машины стоят у руля
Страны, что в грядущее мчится,
Машиной несётся Земля,
Где звёздная буря пылится.

Машины – и ум, и душа.
Машины – и воля, и вера.
Они выпускают, спеша,
Химеры, химеры, химеры, –

Любовь, идеал, божество,
Гуманность, науку, искусство –
Их делает, в ком ничего:
Ни воли, ни мыслей, ни чувства.

1953

***

Повсюду на планете
Интриги и пожар.

В просторном кабинете
Проходит семинар.

Заносится в блокноты
Неведомо зачем
Заведомое что-то,
Прописанное всем,

Простое и пустое,
Как взрослым дважды два.
Текут водой святою
Обильные слова:

Нет бога во вселенной,
Материя вечна.
В работе вдохновенной
Счастливая страна:

Капитализм ужасен,
Несёт народам гнёт,
А коммунизм прекрасен,
Свободу он несёт.

Поэт в гробу страдает,
Его строка жива.
Стираются, ветшают
Важнейшие слова..

На страх друзьям проходит
Директорский доклад,
И стойко не уходят
Все люди, что сидят.

Повсюду на планете
Душа и тело – воск.
В Корее гибнут дети,
На семинарах – мозг.

1953

***

Есть у Вас в речах естественность,
В ложь красивых фраз не выряженная.
Вы – не серая посредственность,
А довольно ярко выраженная.

1953

***

Звенит в речах наигранное чувство
В неумной многолюдной тишине.
Есть мир иной – державное искусство,
Где жизнь живой становится вполне.
Литературоедам в мире этом
Доступна форма формы, вид идей,
А то, что дышит в них огнём и светом,
Для них китайской грамоты темней.
Они по поводам разнообразным
Всегда блестяще тянут канитель
С автоматическим энтузиазмом
Квалифицированных пустомель.
В разборах этикеточных на смену
Потокам слов идут потоки слов.
Правдивые слова – горох об стену
В стенах филологических гробов.
Текут добрососедские конфликты,
Доценты друг на друга точат зуб.
О мир культурный, до чего же дик ты!
О мир учёный, до чего ж ты глуп!

1953

***

Здесь пол вагона покрыт коврами
И в зеркалах и в удобствах стены.
Друг друга взвешивая глазами
Передвигаются манекены –

Администраторы, прокуроры,
Врачи, писатели, адвокаты,
Рвачи, доценты и дирижёры,
Лауреаты и депутаты.

Прекрасно выбритая личина
В очках и галстуке смотрит в «Знамя».
Плывёт в клозет обладатель чина,
Висящий где-то в газетной раме.

Одетый новеньким чванством лютым,
Здоровый смотрит в окно калека,
Чей день, рассчитанный по минутам,
Не позволяет увидеть века.

Всегда я видел не день, а годы,
А за минуту платил годами.
О, положительные уроды!
Я задыхаюсь, мне тошно с вами!

Бежать из пошлости в нездоровье
Не посоветую никому я,
Но зубы стискиваю, тоскуя
Среди духовного малокровья

Певцов, доцентов и футболистов,
Рвачей, врачей и имен бумажных –
Принципиальнейших карьеристов –
Папашей важных сынков стиляжьих.

1953

***

Глубоко любит наше поколение
Свою эпоху, дерзкую во всём
И истинно великую во всём,
А главным образом – в своём пустом
Неудержимом самовосхвалении.

1953

***

Ясно, скучно. Боже правый!
Где же ропот величавый
Богоборца-человека?
Только серый грохот века
Оглушает мозг и сердце,
И двуногие машины
Из железа льют машины,
Корм съедают по инерции,
Говорят не без опаски,
Лгут и учатся без цели
И, добравшись до постели,
Размножаются без ласки...

1953

***

Настолько ясен наш день прекрасный,
Эпоха доблестью так полна,
Что называть старину ужасной
Теперь ужасная старина.

1953

***

В историю ушли междуусобицы,
Согласием полна страна родная.
Умеет каждый к жизни приспособиться,
Приспособленцев яростно ругая.

А если кто-нибудь с бесстыдством циника
Вдруг выскажется, честный люд пугая,
Его гуманно отошлют в психклинику
Идейные попы и попугаи.

А если попадутся негуманные
Работники, по службе непреклонные,
Они его, от масс, простых и дружных,

За речи, неуместные и странные,
Ушлют в места, не очень отдалённые,
Но очень нужные для всех ненужных.

1953

***

Весенней свежею теплотою
Наполнен воздух; лучи скользят.
Вино прозрачное, золотое,
А не закат.

О этот воздух, о это небо,
Апреля чистая благодать.
Невыразимо хотелось мне бы
Не умирать.

А я умру... И луна, и поле,
И буйно-нежные соловьи –

Они мои до щемящей боли –
И не мои.

1953

***

Мы свято помним: нужно
Забыть, что значит нежно...

Наши взоры свято
Темнели во имя света...

и т.п.

1954

***

Это собранный человек.
Винт, колёсики – всё на месте.
Дал детали железный век
Из свинца, чугуна и жести.
Медный лоб, оловянный взгляд,
Протекает руда по жиле
И под черепом – целый склад
Позолоченного утиля;
Что грохочет в речах, звеня
Волей, властностью, льдом металла –
(А партийный билет – броня,
А директорский чин – забрало).

1954

***

Разговор поникает
И бессильно повисли
Воля, чувства и мысли.
Только план понукает.

Плащ протянет хозяйка,
Набиваясь в невесты
И – двуногая гайка
Покатилась на место.

Серо, сыро и сиро.
Ветер стынет и стонет
И по улицам гонит
Листья, шапки, мундиры.

1954

***

Напрасно смерти, как пробуждения
Ты жаждешь, тленный, душою пленной,
Из сновидения в сновидение
Мы пробуждаемся во вселенной.

И смерти нет, и всё в мире сущее –
Лишь сон во сне, что опять во сне лишь,
С небытиём бытиё бегущее
Одно и то же: их не разделишь.

Душа понявшая и беспечная
Смеётся бликам, смеётся теням.
Природа – лестница бесконечная,
И вверх и вниз нет конца ступеням.

И я спокойно терплю волнение
Любовь и боль на моей ступени,
Поняв, что гибель – переселение
Не в смерть из жизни, а в тень из тени.

1954

***

Стены вуза. Бьются мнения.
Культ работы. Культ искания.
Дух культуры. Дух мышления.
В душном зале заседание.

Посреди умов, загруженных
И наукой, и политикой,
Галстук в брюках отутюженных
Занят скромной самокритикой.

«Несмотря на достижения
Есть большие упущения.
Мы, сторонники содружества,
Деловитости и мужества,

Не мирились никогда ещё
С недостатками печальными.
Так давайте же, товарищи,
Будем все принципиальными!
Робковаты выступления!
Где ж общественное мнение?

...Всё понятно. Прочь, сомнения.
Он – директор учреждения,
И общественное мнение
У него на иждивении.

1955

***

Люди преследуют цели,
Ищут покоя и счастья.
Я в этом гибельном деле
Не принимаю участья.

1955

***

Пускай проходят густые годы
В густых заботах, в потоках дел
На благо родины и народа,
Который счастлив, который смел,
Который Сталина не боялся
И не боится любых врагов,
Который кружится в вихре вальса
На целине посреди лугов.
Две опечатки нашёл. Досада!
Прости, читатель: писал в толпе.
В словах «густых» и «густые» надо
Читать конечно не «ге», а «пе».

1956 (27/IV)

Данила ДАВЫДОВ

МИР БЕЗ СМЫСЛА

Павел Лукьянов. Turistia. – М.: Воймега, 2016. – 64 с.

О Павле Лукьянове пишут мало. Будто б и нет его. Есть заметки Владимира Коркунова, Марии Поповой, что-то еще было. Но в целом ощущение, будто бы глушь и тишина. Это несколько обидно, поскольку перед нами один из наиболее самобытных поэтов своего поколения, который говорит не только и не столько о себе или собственном поколении, хотя так может показаться, – но, в то же время, и не просто о самом говорении; данный парадокс разрешим отнюдь не какими-то конспирологическими представлениями об «обоймах», но гораздо более существенными свойствами поэзии Лукьянова.

Мне доводилось печатать стихи Павла Лукьянова – вовсе мне тогда не знакомого – еще в «дебютовской» антологии «Братская колыбель», и эти тексты, пришедшие буквально из почты, мне показались говорящими на языке отчасти утраченном, на том языке, который пытался создать забытый русский авангард. Не столь футуристы или даже обэриуты, отчасти уместно вспоминаемые в связи с Лукьяновым, но фигуры радикально отверженные, действительно – проклятые подпольные поэты, находившиеся в тёмной зоне младшего конструктивизма, испытавшие влияние и радикального авангарда, и революционного романтизма, и мрачных основ быта как он есть, и не менее суровых законов слова как такового, но желающих оставаться в рамках предметной образности и фигуративности. Из обэриутов тут должен был бы вспомниться Заболоцкий, особенно в связи с его важнейшим письмом Введенскому, с его натурфилософией, отрицающей заумь. Но мне тут видятся скорее фигуры вроде потаенных Александра Ромма или Бориса Лапина – не в советских их изводах, конечно, но в лучших вещах. Вот ранний Лукьянов, из антологии, за которую, вот благодаря таким для-себя-открытиям, мне не стыдно до сих пор:

Как будто что-то есть, что не проходят
в школе:
каштаны фонарей, пробившие листву,
провальный стук моста, к стеклу
пристыли дети –
смотреть, как мир выходит из темноты
вот тьму:
прерывистость цистерн,
медлительность платформы
с застрявшими часами, с водой на дне ведра,
и с ощущением, что всё было и не будет,
заглядывает свет и движется едва,
и несколько теней сойдёт за край платформы
в одной и той же позе; бетонные столбы
как школьники пройдут вагонные размеры,
запамятовав, как будто, чему они равны.

Мир не пустотный или выморочный, и тем более не негативный, но он какой-то *медленный*, он весь не очень нужный, но дурного в этом-то, в общем и нет. Эта редчайшая интонация не могла не подкупить; я стал читать стихи Лукьянова. Выходили его книги: «Мальчик шёл по тротуару, а потом его не стало» (М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2008) и «Бред брат» (М.: Воймега, 2013). Наконец вот третья.

Те немногие, кто знают, подмечают, что в этой книге меньше – по сравнению с двумя предыдущими книгами – примитивизма и тавтологий, автор будто бы нацелен на проступание сквозь тот пузырь, в котором пребывает его лирический субъект. Но это, действительное, изменение устроено, кажется, иначе: автор очерчивает контуры субъекта говорения, но оставляет его внутри пузыря. Понятно, откуда берутся сравнения с Заболоцким. Из такого, например, стихотворения:

и вдруг теряешь своё качество,
и исчезают семь отличий,
есть буква жи, есть фаза жижи, есть
жизнь на камушке приличий.
стоял как собранное дерево, осел
и грянул древесиною,

землится тварь, как было велено,
скотина смотрит за скотиною.
необретённое значение, намёк,
погрязший в перспективе:
хотел иметь покрепче мнение, да
все слова в декоративе.
за неприглядной формой господа,
за духом дюже политичным
мечтаю вытереться досуха и перейти
на древнептичий.
безосновательность стремительно
захватит личную особенность,
над горизонтом укоснительным
встаёт упущенность, возможенность.

– иными словами, достаточно ввести в плоть стиха «землится тварь» или такого рода метафорические структуры, как «стоял как собранное дерево, осел и грянул древесиною», – и досужливый, но образованный читатель видит Заболоцкого. Но натурфилософия Заболоцкого восходит к фёдоровско-циолковско-хлебниковским основам, там речь идет о вечном оживании, Лукьянов же пишет голыми глазами о том, что окружающие его лирический субъект сущности, в том числе одушевленные, вроде бы – некий хлам, и в этом нет радости никакой, никакой печали однако тоже. Это аутическая констатация вненаходимости, которая не может даже и подразумевать никакую утопию, но и антиутопию подразумевать не может. Субъект *не желает* становиться частью этого мира (в другом стихотворении: «мир набит пустотой и соломой, / в этом мире я – нолик, в этом смысле я – дома...»), но не бунтует, он даже готов к выходу из самоорганизованного пузыря, но это чревато утратой субъектности:

я по-собачьи выйду из толпы
и перейду на сторону, где ты,
листая шерсть до вшей и теплоты,
лежишь и освещаешь те кусты.
пред нами пограничники идут,
спасибо, боже, им за этот труд,
стволы сквозь руки медленно растут
и удлиняют тени от минут.
<...>
прижми ко мне остывшие листы,
я нанесу текущие черты,
отложенное знание беды,
накапливает тень свои сады.
тела поют, пережидая дрожь,
лечебные ты песенки поёшь,
навеки вложен в память этот нож,
зовёшь меня? я сам себя зовёшь! <...>

Поэтому единственным здесь способом самоорганизации «я» остается не растворение, о нет, но снятие самого понятия субъекта, вместо которого остается только актант («...с первым утренним отрядом / тело выдвинулось в путь, / и потомок ужаснется, / и не сможет не заснуть»).

Смысл не утрачен, он отсутствует: «мир досконально изъят, / колбы пустые стоят, / кони толпятся в кино: / втоптано, разрешено...». Эту интонацию мы больше знаем по прозе и кинематографу минувшего века, но – найдем еще одну параллель – видятся здесь и мотивы Бориса Поплавского, и Бориса Божнева... Однако в данном случае отсутствие смысла дано изначально. Или явилось неким инсайтом, подобно арзамасскому ужасу Льва Толстого, но никак не результатом катастрофы социального порядка, через которую отчасти можно описать младшую эмигрантскую поэзию. Абсурд, с очевидностью, заключен не в алогизме и не в гротеске, но в пустотности пути. Всякое решение заведомо ведет к такой же цепи – не повторов, нет, здесь нет борхесианских адских лабиринтов, или кафкианского бюрократического ада, или пугающего набоковского двойничества, – здесь есть просто холодный мир, состоящий из элементарных частиц и полей. И взаимодействия их метафорически незначимы, что бы не думали другие. Думаю, что эта страшная – на самом деле страшная – интонация предстает настоящим открытием Павла Лукьянова.

Денис ЛИПАТОВ

ОСИРОТЕВШИЙ ШПИОН

Александр Беляков. Шпион шумерский: Сборник стихотворений. – М.: Издательство «Воймега», 2017. – 144 с.

Представьте себе, что вы – разведчик, причём завербованный ещё до рождения. То есть

судьба ваша предопределена. Но это ещё полбеды. Со временем выясняется, что держава, в интересах которой вы завербованы, – давно уже не существует, проиграла всё, что можно было проиграть, и почти всеми забыта. А вас не раскрыли... А отказаться от своей миссии и просто жить, как все, вы тоже не можете потому, что завербованы ещё до рождения и она, эта миссия, у вас в крови. Что вам остаётся? Только зарыдать на родном языке несуществующей уже прародины, которую вы никогда и не видели. Собственно, вы уже и не особо скрываетесь, едва ли не заявляете о себе прямым текстом, без всяких шифровок и конспираций, чтобы труд ваш не пропал даром, и чтобы хоть кто-то, пусть даже и контрразведка, уже прочитал сведения, которые вы раздобыли. Но даже и контрразведке, по понятным причинам, вы уже не интересны, хотя они, похоже, давно догадываются, кто вы такой. Так что же вам остаётся? Только зарыдать на родном языке несуществующей прародины... хотя нет, постойте, есть ещё вариант: стать поэтом.

«Шпион шумерский» – читай «осиротевший шпион», шпион «без центра», шпион, которому некуда и некому слать свои шифровки, – так называется новая книга стихов Александра Белякова. Это уже 10-я книга поэта, начиная с 1992 года. То есть, приступая к чтению, мы отдаём себе отчёт, что имеем дело с «матёрым шпионом», что перед нами результат некоторой эволюции, осознанного жизненного выбора поэта, не отказавшегося от своей «шпионской» миссии, несмотря ни на что, хотя, видимо, и не сильно уже верящего в её успех в обозримом будущем:

шпион шумерский на свету зачат
родится – и его разоблачат
передадут на вечные поруки
учителям аккадской муки

года взойдут и двинут под уклон
жизнь станет будто выжатый лимон
движенья вязки
отраженья мерзки
тогда припомнит он
что он шпион
и зарыдает по-шумерски

Это стихотворение открывает книгу. Уподобление поэта – шпиону, заявленное в названии книги, кажется вполне мотивированным и является довольно удачной находкой. Например, уже давно считается моветоном (да это и есть моветон) говорить о некой исключительности поэта, противопоставление «поэт и толпа» – один из самых затёртых школярских штампов. Но благодаря «шпионской» метафоре этот тезис об исключительности поэта звучит и переосмысливается по-новому: поэт и правда исключителен, но исключителен так же, как и шпион: об этом никто не должен знать. Благодаря этой своей новой исключительности поэт уже не возносится над «толпой», как прежде, не противопоставляется ей, а наоборот – пытается с ней слиться, раствориться в ней, иногда чуть ли не до полной потери индивидуальности, подобно шпиону:

трудно быть кем-то
хорошо быть никем
вроде агента
гомогенных микен

прошлым не ранен
не нудит о своём
всякому равен
упокоен во всём

Отсюда и задача его совсем другая, чем у прежних поэтов. Если прежние поэты, заявляя о своей исключительности (даже и в недалёком ещё прошлом – вспомнить хотя бы те же пресловутые стадионы в 60-х) и «возносясь над толпой», претендовали быть – ни много, ни мало – «пророками», «поводырями», а уж «властителями дум» – во всяком случае, то «поэт-шпион» ни на что такое, разумеется, не претендует. У него, как уже было сказано, другая задача:

он слышит музыку во всём, что слышит
прозревает алмазы в пустой породе
ловит нотки парфюма в кромешном смраде –
словом сводит концы с концами
даже если они не хотят сходиться

как будто всё развалилось
и сердце живёт на свалке

То есть перед глазами поэта-шпиона та же реальность, что и перед глазами остальных его сограждан, но он считывает и декодирует её иначе. (Если остальные сограждане вообще её хоть как-то считывают и декодируют.) Во всём поэт-шпион может увидеть зашифрованное послание «из центра» (хотя в реальности никакого «центра» давно и нет, но есть, видимо, некий «метафизический центр»), и всё увиденное может в свою очередь стать таким же его зашифрованным посланием. Это могут быть самые обыденные вещи, ну например:

скрипач играет на трубе
от отвращения к себе

или:

и пиво
и воблочка
и в небе ни облачка

А могут быть целые диалоги, то ли с воображаемым коллегой-шпионом, то ли с воображаемым связным:

– что предателям передать?
– передай, что тут благодать
лето красное в лучшем виде
на погоду мы не в обиде

что касается остального
я хочу отмолчаться снова –
не сберечь болтуну лица и
все мы тут слегка полицаи

перекошена наша раша
не познаша – не поругаша
хочешь мира – поди и ляжь
дурачком на домашний пляж

Мужество и непреклонность, с которым осиротевший поэт-шпион продолжает выполнять свою миссию, несмотря на отсутствие адресата, не может не внушать уважения. Этот своеобразный «кодекс чести» постулируется таким стихотворением:

обереги побережья
кротость рыбья
лень медвежья
упасите пришлеца
от недужного небрежья
от заёмного лица

властелины бездорожья
к вам в доверие не вхож я
что мне клады тайных троп
если рядом воля божья
даже если бог усоп

Кстати, «шпионская метафора» снимает также риск употребления и такого пафосного слова, как «миссия», которое в сочетании с обыкновенным поэтом давно уже выглядит высокопарно и даже смешно, но в сочетании с «поэтом-шпионом» снова звучит вполне правомерно. Потому что миссия, как мы помним, у поэта-шпиона другая. Вольная или невольная здесь полемическая отсылка к Достоевскому (*«что мне клады тайных троп / если рядом воля божья / даже если бог усоп»* – против его *«Если бога нет, то всё позволено»*) сообщает нашему поэту-шпиону известную самурайскую доблесть – исполнить миссию, даже если того, кто возложил её на тебя, уже нет. Он и исполняет: шлёт свои наблюдения, хотя адресата давно уже нет, или он находится в таком далёком прошлом (шумеры), что оно уже воспринимается как фантастическое будущее. Примечательно, что наш шпион и сам вполне осознаёт себя поэтом, причём вторая эта его натура – «поэтическая» – переживается как нечто болезненное, ранимое, порою даже стыдное (какое уж тут «возвышение над толпой»). Если шпион бесстрашен, невозмутим, временами даже циничен, и лишь иногда бывает подвержен обычной человеческой усталости:

задание вам такое
забудьте кто я такой
оставьте меня в покое
доставьте меня в покой

– то поэт испытывает самые настоящие приступы малодушия (двоедушия):

у поэта две души
с первой ляг и свет и туши –

яркая
пластичная
тварь эгоистичная

что касается второй
не душа а геморрой –
в белом платьице из ситца
плачет бедная и ссытся

Как бы там ни было, от себя-то её, эту вторую душу не спрячешь, не откажешься. Остаётся только нацепить шпионские очки-шляпу-плащ и попробовать особо не высовываться.

Всего «Шпиона шумерского» составляют 133 стихотворения (так и хочется сказать – шифровки), написанные с января 2015 по июнь 2016 года. Преобладающий формат – восьми- и двенадцатистишия. Случаются стихотворения и большего объёма, но ни одно не переходит на следующую страницу: это в основном ретроспекции шпиона, его «дневниковые записи», его хроника от рождения до нынешнего времени, когда он уже «разменял полста», «каталог» различных его эмоциональных и психологических состояний. А восьми- и двенадцатистишия – это, если можно так сказать, непосредственный результат «шпионской работы», её, работы, основная составляющая – «микрофильмы», фиксирующие окружающую действительность с известной бесстрастностью и беспристрастностью скрытой камеры. Чередование «стихотворений-ретроспекций» и «стихотворений-микрофильмов» создаёт определённое напряжение в книге, сообщает ей своеобразный сюжет и динамику. Читатель может ощутить себя на выбор или контрразведчиком, перехватившим шифровки шумерского шпиона, или даже самим древним шумером, их адресатом.

Даже если сравнить названия предыдущих книг Белякова («Ковчег неуюта», «Зимовье», «Углекислые сны», «Бесследные марши», «Сырьевая звезда», «Возвышение вещей», «Эра аэра» и др.) и «Шпиона шумерского», то, кажется, становится очевидным, что главный вопрос, который занимает автора в его новой книге – это адекватный способ существования поэта в окружающей современной действительности. Кто он? Зачем он? Почему он? Взгляд поэта, в отличие от прежних книг, обращён в основном на себя. (А в окружающий мир смотрит глазок шпионской фотокамеры.) Содержание книги в достаточной степени подтверждает эту догадку. Вопросы о роли и месте поэта, конечно, не новы. В зависимости от того, какое «у нас тысячелетье на дворе» решались они по-разному. Поэты бывали и пророками, и бунтарями, и даже царедворцами, видевшими свою задачу в том, чтобы «в сердечной простоте беседовать о боге и истину царям с улыбкой говорить». Были и такие, которые ни о чём таком не помышляли, а говорили «я просто русский мещанин». Английские поэты-метафизики придумали, что они – секретари (у Бога, в смысле). Были даже «проклятые поэты». Сейчас всё это, конечно, устарело и никуда не годится. И вот лично для себя автор «Шпиона шумерского» находит такой ответ – поэт это шпион. Соответственно, та действительность, которая его окружает, вплоть до географической локации – не воспринимается как родина, как родные места, не вызывает никаких особо «тёплых чувств». Строго говоря, вообще никаких чувств не вызывает – даже холодных. Просто бесстрастная съёмка на камеру. Примечательно, что ни в одном из 133 стихотворений не опознаётся родной поэту (но уже не родной шпиону) Ярославль. Конечно, место бытования поэта-шпиона в целом не вызывает сомнения – где-то в России, в наши дни, но обозначено оно единственный раз, в одном ироничном стихотворении-размышлении такой обезличенной и официальной аббревиатурой – РФ. Разумеется, что никаких чувств к РФ испытывать невозможно и смешно даже говорить или всерьёз спорить, например, «о судьбах РФ». Потому что никаких «судьб» у РФ нет, а есть «перспективные планы развития до 2030 года». Другое дело была бы Россия, но её, в свою очередь, тоже нет. Но совсем без родины ни поэту, ни даже шпиону – всё же нельзя. Поэтому придумывается некая мифическая и метафизическая прародина, раз уж кругом, куда ни глянь, одна РФ, а не Россия. Шумеры считаются древнейшей из известных цивилизаций, источником всех последующих наук и культур, а самое интересное и неожиданное в их случае то, что, похоже, они были достаточно гуманной культурой, в отличие от сменивших их ассирийцев и вавилонян. Во всяком случае,

неизвестны артефакты, подобно ассирийским каменным плитам, на которых перечисляется когда, сколько и где такой-то царь истребил соседей. В кровожадности они уж точно не соревновались и не видели в ней повода для гордости и величия. То есть мы имеем дело с некой мечтой, мифом об утраченном «золотом веке». Шумерский поэт-шпион нигде не описывает свою прародину – он её никогда не видел, даже не сказать, чтобы он сильно о ней тосковал: только в начале, в первом стихотворении он «зарыдал по-шумерски». Но невысказанное это томление о прекрасной и погибшей прародине, безусловно, в книге присутствует. Благодаря этому успешно решается ещё одна попутная задача любого уважающего себя шпиона – вербовка новых агентов. Даже если читатель при начале чтения назначит себя в контрразведчики, уверен – к концу книги он будет перевербован и тоже ощутит себя шумерским шпионом. Возможно, книга Александра Белякова кому-то попалась в руки раньше, чем вам. Оглядитесь: вдруг вокруг вас полно шпионов?

Борис КУТЕНКОВ

НА ДВУХ ПОЛЮСАХ ВОСПРИЯТИЯ

Вл. Новиков. Литературные медиаперсоны XX века. Личность писателя в литературном процессе и медийном пространстве. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 240 с.

Название «Литературные медиаперсоны XX века» содержит двойную провокацию.

Первая из них связана с присутствием в заголовке «XX века»: в книге достаточно работ о писателях, продолжающих «творить» в веке XXI-м – Наталии Азаровой, Дмитрии Быкове (именно в новейшее время написавшем «Советскую литературу», которой отводится здесь большое эссе), о ситуации в современной критике – наряду со статьями о классиках Серебряного века и советской эпохи[1]. Такая подчёркнутая условность названия – следствие отнюдь не архаического подхода критика, приоритеты которого сформировались в советское время, а, напротив, своеобразного вызова с позиции новаторства. «Современная русская словесность живёт по просроченному паспорту. Поэты в большинстве своём продолжают писать стихи по эстетическим канонам XX века, так же “прошловечен” наш прозаический мейнстрим», – дерзко обобщает Новиков в первой же статье книги.

Второй элемент провокативности – в слове «медиаперсоны». В эпоху, когда слова «литература» и «медиа» кажутся трудносовместимыми, Новиков использует термин «медийность» как синоним «обращённости». Автор книги понимает эту категорию скорее как пространство ожиданий, преодолеть которое – одна из его задач: «Современная культурная ситуация ставит вопрос о медийном статусе художественной словесности как таковой. Вижу свой долг как литературоведа, критика, прозаика и журналиста в последовательном отстаивании этого статуса, призываю коллег повышать уровень медийности нашей работы, отважнее обращаться к реальному читателю». Такое сочетание позиций сразу же включает книгу в сферу противоречий, в дальнейшем заметных на разных уровнях, но в рамках одной парадигмы: от стремления к демократизму, ценимому автором, например, в Блоке, до понимания поэзии как сферы «надкоммуникативной»; от апологии «новаторства» и «сферы языковых экспериментов» – до призыва к адресации высказывания широкой аудитории. И к прояснению этих противоречий мы ещё перейдём.

А пока отметим, что в книге встречаются тексты разных жанров – строго филологического, эссеистического или сочетающего эти полярные на первый взгляд

[1] Статьи, вошедшие в книгу, написаны и опубликованы после 2007 года, после выхода предыдущего сборника статей Новикова «Роман с литературой». Исключение – новомировская статья 1987 года «Ощущение жанра» и «Астроумие. Питерская смеховая культура глазами москвича» (впервые вышедшая в 1999 в Довлатовском сборнике и републиковавшаяся в ряде изданий).

начала. Объединяет статьи внимание к проблеме писательской личности, различные аспекты которой занимают критика: будь то описание прямолинейных («риторических») способов выражения лирического «я» или подход к биографическому анализу. «Вкус терцовки» – так называется текст об Абраме Терце – скорее относится к жанру дневниково-эпистолярному: в противоположность строго-информативным статьям о биографическом жанре эти заметки не утруждают себя композиционной логикой – взамен предлагая мозаичный сплав воспоминаний, оценок текстов, рассуждений о корнях слов «личность», «национализм», «индивидуум» в связи с Терцем.

Статья «Будетлянка и архаист», наследующая композиционному принципу известной работы Чуковского «Ахматова и Маяковский», напротив, критика в строгом смысле слова. Эта статья важна для понимания позиции критика, наблюдающего в современной поэзии две противоположные, но равноправно значимые «стихии»: «новаторство» Азаровой и публицистический «архаизм» Дмитрия Быкова. Однако при внимательном чтении оказывается, что «стихии» не так уж равноправны. Если симпатии Новикова как литературоведа – на стороне «надкоммуникативности» (это определение он даёт как безусловное не только по отношению к поэзии, но в целом к искусству), – то его вкусы как читателя (предположим, что читателя «старой закваски»), – на стороне поэзии коммуникативной и требующей читательского сотворчества. Отзыв об Азаровой неслучайно выглядит обязательным и филологически ровным по сравнению с отзывом о Быкове – «ВПЗР», «реаниматоре классики», чья «эмоционально-приподнятая, семантически прозрачная, точно направленная речь не может не достигнуть адресата». Здесь симптоматично, что лирика Быкова, наследующая традиции шестидесятников, ближе Новикову как критику, сложившемуся во времена литературоцентризма и ищущему пути движения литературы к широкой аудитории. Тем не менее, как прогрессист по типу личности автор книги «Литературные медиаперсоны» стремится успеть за современностью – и, включая ракурс филологический, оценивает эту литературную «современность» с позиции данности. «Два поэта идут параллельными путями, которые никогда не сойдутся. Это не только их личные дороги, но и маршруты двух поэзий: фундаментальной и прикладной. Нужны обе. Точнее сказать, обе существуют – и ни в зуб ногой – независимо от наших представлений о нужности». Безусловно, не сойдутся. И безусловно, что «представления о нужности» также весьма разноречивы: «нужность» стихового слова для весьма отдалившейся от него аудитории – иного свойства, чем «нужность» с позиции литературы. Осознавая это различие, уже не находишь оксюморонным словосочетание «прикладная поэзия», первоначально отторгающее. Это определение кажется Новикову употребительным ещё и как исследователю авторской песни, автору биографии Высоцкого в серии ЖЗЛ. Однако на фоне постоянных рассуждений об «архаизме» и «просроченном паспорте современной словесности» невольно задумываешься, что вместе не сойтись и филологическому и читательскому полюсам восприятия.

Следуя первому из этих полюсов, – ну, назовём его отстранённо-литературоведческим, – можно и традиционный метод рифмовки объявить отжившим и «двадцативечным». «После читательского пребывания в этой книге выходишь в литературную жизнь и недоумеваешь: а что, есть еще и несвободный стих? Кто-то еще продолжает рифмовать по трафарету АБАБ? Неужели?..» (о книге Азаровой). Читаешь это с недоумением: по-моему, уже даже самые «отпетые» авангардисты не сомневаются, что способ рифмования обусловлен контекстуально и не воспринимается как отдельный от индивидуальной авторской поэтики. «Прикладная» поэзия (как пример которой в книге выступает Быков – отношение к его стихотворчеству у Новикова менялось и наконец пришло к высокой оценке) не имеет таких ярко выраженных «достоинств», как «смысловой сдвиг», «свободный стих» и «трансформированный язык» (свидетельства эстетического парадоксализма, перечисляемые Новиковым как близкие его литературным взглядам). Однако Новиков, навсегда воспри-

нявший из уст позднего Шкловского завет «пишем для человека, а не для соседнего учёного», запомнивший в Айги «ориентированность на собеседника» как одну из ключевых черт, ценящий в критике диалогичность и полемизм, – прекрасно понимает, что именно «прикладная поэзия» выполняет функцию движения к реальному читателю. И всё же опасаешься за внятность позиции критика, когда читаешь несколькими страницами ранее: «В эпоху читательского кризиса высшая смелость – не думать о читателе. Не бояться вынести на свет больше, чем люди просят и могут усвоить. На последнем эстетическом суде показания читателей вообще не заслушиваются». Но если эссе о быковской «Советской литературе» – «показания» её, советской литературы, многолетнего свидетеля, признающего взгляды молодого (для Новикова) поколения или осторожно с ними спорящего, то констатация новизны языка перечисленных через запятую и бегло воспринятых авторов – прежде всего свидетельство филологического интереса.

Для Владимира Новикова слова «архаизм» и «авангард» – не инвективы или похвалы, не пустой звук, а два полюса парадоксального эстетического восприятия, каждый из которых обозначает определённую степень соответствия времени. «С начала нынешнего столетия я, признаюсь, ощущаю постоянное раздвоение сознания. Первый год XXI в. был для меня как бы и 2001-м, и 1901-м», – простодушно признаётся он в одном из эссе, приоткрывая ключ к своей методологии, продолжая тему словесности, живущей «по просроченному паспорту». Эта раздвоенность филологического сознания проявляет себя и в высказываниях о классиках: «Если как критик-современник Тынянов склонен был подвергать сомнению (эвристически плодотворному) эстетическую значимость поэзии Блока, то как академический исследователь он высказал ряд бесспорных и теоретически значимых наблюдений». Схожая двойственность присутствует и в наблюдении о стилистике Шкловского: «В повествовательную ткань внедряются научно-эстетические суждения остроаналитического характера». К подобному стилистическому синтезу на всех уровнях стремится и сам Новиков, достигая органичного сплава биографии художника и его творчества. Автору книги доступно рассмотрение с историко-культурной точки зрения и сужение взгляда до рассмотрения биографического эпизода – как в виде коротких вкраплений личного опыта, так и обширного апеллирования к собственной биографии. Биографии – не только участника литературных событий, но и собеседника классиков: подобный подход мы видим в статье «Живое слово Геннадия Айги», задействующей анализ восприятия устной речи поэта. На уровне стилистическом этот синтез перерастает, надо сказать, скорее в контрастное, если не в эклектичное сочетание. И правда, сравните обезличенно-информативный стиль фразы: «В системе художественных приёмов поэта присутствует доминантный приём, подчиняющий себе остальные приёмы и представленный на всех уровнях текста» – и реплику о Всеволоде Емелине, где заметна печать индивидуального почерка и свободной, даже поверхностной оценочности: «Вроде бы дерзость, но какая-то она... Нет, “Прогулками с Пушкиным” здесь не пахнет. Другой запашок припоминается. <...> Ладно воняют».

Раздвоение как единство противоположностей, сочетание несочетаемых начал – эстетический метод Новикова как критика и литературоведа (заметный и в тех определениях, которые он даёт героям своих статей: «музыкальный оксюморон» Блока, «драматический оксюморон» Высоцкого). По мере чтения, однако, всё чаще кажется, что у этой книги несколько авторов. Новиков – творец, выступающий за художественный метод осмысления писательской биографии («истолкование творческой сути произведения достижимо только творческим же способом») и неслучайно восстающий против номинации «биограф Высоцкого», ибо амбиции самостоятельного писателя не чужды ему самому. Новиков – информатор, владеющий обилием фактов и акцентирующий внимание на их систематизации, в связи с этим прекрасно осознавая меру художественности в разговоре о моментах биографических. И, наконец, Новиков – прежде всего искатель равновесия, понимающий, что «для построения научной истории литературы

в равной мере понадобятся творческие усилия и познавательные прозрения». Для меня здесь ценно то, что для автора этой книги не умерли понятия «талантливо», «ярко», «парадоксально», «инерционно», «многословно» – оценочные суждения, утраченные филологическим дискурсом. Но не могу не заметить противоречия: многие из перечисляемых им представителей этого дискурса (по совместительству «новаторские поэты») как раз и пишут те самые нелюбимые им «скучноватые квазифилологические разборы текстов», которым Новиков противопоставляет «демократичный» жанр эссе.

Признаюсь: жанр эссе мне тоже ближе «квазифилологичности».

И потому досадна безоценочная стилистическая блеклость тех самых «теоретически значимых наблюдений» филолога о «новаторской поэзии» («В цитируемых ниже текстах имеются такие особенности, как разнообразие стиховых отступов (каждая строка может иметь слева отступ любого размера), возможный отказ от знаков препинания, от прописных букв в начале предложений (и в то же время употребление прописных букв в начале ключевых для автора слов)»). Там, где автор не оставляет сомнений в своей яркой полемичности, там, где бесспорно личностное начало, – огорчает появление таких общих мест, как «новаторские поиски тех поэтов (разных поколений), что тяготеют к непрямому высказыванию, трансформированной речи, непривычным стиховым конструкциям». Вспоминая эти «новаторские поиски», прекрасно понимаю, что все добросовестно перечисляемые Новиковым признаки – стандартный набор для бесконечных имитаций, под которые нередко подводится «квазифилологическая» концептуальная база. Прекрасно отдаю себе отчёт и в обратном: прежде чем употребить слово «имитация», мы должны определиться с понятием «образца», – что осложняется ситуацией размытой критериальности. А эта критериальность, по сути, находится только в зоне художественного вкуса критика и его обширного читательского опыта. И вот-таки конкретизированного взгляда на поэтический текст в книге нет, тогда как обобщённого понятия о «новаторстве» хватает с избытком. Возможно, это понимание текста не прочитывается в разношёрстных «Литературных медиаперсонах», смысловой центр которых – не проблема стихотворения, а вопрос о литературной личности. Однако это не отменяет того, что понятие «новаторства» с перечислительными признаками словно брошено через плечо – и не лишено противоречий. Восставая против «XX века» в поэзии, например, странно было бы не признать, что «архаист» Дмитрий Быков, обновляющий традицию шестидесятничества, также будет новатором в некотором смысле. Уверен, что, в свою очередь, Олег Чухонцев, по отношению к которому литературовед Артём Скворцов применил термин «скрытое новаторство», наверняка попадёт в иерархии Новикова в разряд «архаистов». В этот разряд при таком наборе «требований» может быть зачислен любой поэт с трудноразличимыми смещениями и тонкими сдвигами внутри внешней традиционности. Характерно, что попадает в него и Бродский, который, по словам Новикова, «для моей эстетической веры казался слишком консервативным и многословным – мне больше близки радикальные авангардисты, “путейцы языка”». Это, подчеркнём, сказано о Бродском – интонационное новаторство которого, кажется, не оспаривается даже консерваторами вроде В. Бондаренко – и сказано без малейшей иронии: на его фоне «новатором» выступает Геннадий Айги – не породивший такое количество последователей, но, безусловно, индивидуалист в смысле языка и формы. Да и вообще, «нет новизны, есть мера»: сказано Георгием Ивановым – безусловным новатором в поэзии, но вполне себе традиционным формально...

Невольно думается: в своих оценках не руководствуется ли автор отстранённо-внетекстовым интересом, ориентированным на анализ и констатацию тенденций, но мешающим вкусовой оценке отдельных стихов? Не чрезмерно ли увлекается внешней наглядностью формы – умаляя значимость

для поэзии интонационного своеобразия? «Вкусовые придирки» Тынянова-литератора» не исключают «большой эвристической значимости всех его высказываний о Блоке – как по отдельности, так и в сумме», – подмечает критик, опять-таки акцентируя внимание на различии взгляда литературоведчески-«глобального» и суженно-читательского. Возможно, «вкусовых придирок» как раз и не хватает в этой книге при разговоре о стихах. И если сквозь призму этих «придирок» проанализировать степень индивидуальности поэтической интонации некоторых поэтов, перечисляемых Новиковым, – то и новаторство интонационное окажется не столь бесспорным.

Позволю себе и ещё одно наблюдение полемического характера. «Физическая смерть целого ряда премьеров нашей литературной сцены наступила лет через двадцать после смерти их литературных приёмов. Шли повторы, писались мёртвые тексты», – пишет Новиков. Жестоко. И на первый взгляд – бесспорно. Но ведь литературное существование – не только сумма «приёмов», пусть это слово и употребляется Новиковым, «тыняновцем по научной судьбе», в опоязовском, а не техницистски-утилитарном смысле. Литературное существование – путь биографически оправданных удач и неудач, в которых биографическая основа может и не просматриваться («в каждой рождённой вещи все концы скрыты», по Цветаевой), движение зигзагообразное, в крайнем случае параболическое, а не прямолинейное (истина, прекрасно осознаваемая автором этой книги и заметная, например, в описании литературного пути Виктора Сосноры). И в этой точке рассуждения об «устарении приёма» становятся уязвимы.

Новиков сетует на засилье поэтов, пишущих друг о друге из групповых соображений, и на отсутствие отстранённой фигуры критика. Но критическая отстранённость без осознания нюансов внутренней поэтической практики может привести, например, к таким восклицаниям: «А за анжамбеманы надо платить разрывами судьбы. У Бродского они оплачены психбольницей, ссылкой, изгнанием из страны, а у вас чем?» С неплодотворностью засилья эпигонов Бродского, как и любого эпигонства, не поспоришь... И всё же, видя подобные пассажи, даже эпигонов хочется защитить – с позиции практикующего стихотворца. Невозможна, нет, невозможна наглядная проявленность этих «разрывов» в нынешних культурно-исторических обстоятельствах «конца русского литературоцентризма», который, по Новикову, ознаменовал собой уход Бродского. К сожалению или к счастью, «внешняя биография» поэта сегодня – дело сугубо частное. Что не отменяет ни «разрывов», ни биографической оправданности. А, например, отмечаемые Новиковым «лишние и неяркие рифмованные тексты» у Набокова – неизбежное средство подхода к «обязательным и ярким». Как, впрочем, у любого сколько-нибудь серьёзного поэта...

«Отвага обращения к реальному читателю», к которой призывает Владимир Новиков, предполагает непременную полемичность. А поводов для полемики при чтении этой книги хватает. И увлечённость, с которой читаешь эту книгу, не в последнюю очередь продиктована авторским молодым задором гипотетичности.

Сергей ШИНДИН

НЕБЕСНЫЕ КЛАССИКИ

Роман Тименчик. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. – 776 с.

Некоторая парадоксальность того, как названо это издание, на чем запнется, наверное, едва ли не каждый, к нему обратившийся, объясняется самим автором, и для читателя с многолетним опытом общения в последней трети XX века с русской литературой его первой трети не потребует никаких комментариев: «Оба заглавных героя этой книги провели значительную часть своей посмертной жизни в статусе “подземных классиков”, как любили выражаться столетье с лишним, не

вчера» (С. 5). Имена и, соответственно, творчество Иннокентия Анненского и Николая Гумилева еще чуть больше четверти века тому назад звучали в научной и читательской среде настолько приглушенно, что были едва слышимы. И, к сожалению, приходится констатировать, что за прошедшее с тех пор время эти авторы, став узнаваемыми самой широкой и разнообразной аудиторией, не стали намного ближе в понимании исключительности своего поэтического дарования.

Эту уже не сознательно сохраняемую в истории русской литературы лакуну, а объективно сформировавшуюся и поддерживаемую в силу известного непрофессионализма и некомпетентности определенной части литературоведов и преподавателей вузов потерю во многом восполнит книга Романа Тименчика «Подземные классики». Структурно образованный из публиковавшихся в 1980-х – 2000-х годах в российских и зарубежных изданиях статей (расширенных и переработанных для данного издания), сборник имеет не только двух «главных героев», но и отчетливый сюжет, а точнее – фабулу, лежащую в реальной биографии этих поэтов. Как хорошо известно, повороты их судеб сложились таким образом, что Анненский был гимназическим учителем Гумилева, который, в свою очередь, как Вергилий для Данте, стал его проводником в мир современной поэзии, при этом во многом следуя за ним в собственном творчестве. Такой привлекательный с точки зрения среднестатистического читателя сюжет мог бы явиться основой не для одной научно-популярной монографии, но в данном случае речь о подобном, разумеется, не идет, поскольку автор ставит перед собой собственно исследовательские задачи. Именно вследствие этого применительно к рецензируемому изданию более уместным и обоснованным представляется сосредоточить внимание не столько на традиционном перечислении заглавий составляющих его публикаций и кратком пересказе их содержания, сколько на том методе исследования, которым воспользовался автор и который никак нельзя назвать широко распространенным в современной отечественной филологии и в зарубежной славистике.

Так, монографическую по тематике и объему статью (а по сути, «книгу в книге») «К истории культа Анненского» (С. 77–284) открывает следующее теоретическое положение: «Корректное историко-литературное описание поэтики каждого из выдающихся представителей русской поэзии эпохи символизма / постсимволизма требует анализа путей и специфики читательского восприятия их творчества в пору первоначального бытования. Изучение читателя, как и традиционная реконструкция литературного процесса, должно начинаться с выделения “школ” и “направлений”. <…> – Русская культура начала прошлого века предоставила весьма рельефный материал для изучения читательского самосознания. Пути и формы восприятия поэтики великих современников обильно отражены массовой стихотворческой продукцией» (С. 77). Обоснование подобной точки зрения содержится в обширном введении («жанровая» принадлежность которого, определенная автором, – «Вместо аннотации» – представляется весьма условной): «Рабочая метафора Б.В. Томашевского о школах читателей, минуя трюизм о том, что история литературы состоит из истории читателей в той же мере, как и история писателей, точнее говоря – из истории диалога говоривших и слушавших, ставит следом за собой вопрос: как изучать исторического читателя, того, к которому адресовались поэты» (С. 5). Исходя из этого, исследователь закономерно приходит к тому выводу, который становится главной мотивацией присутствия тех или иных прежних его публикаций в данном сборнике: «Из симметрии и изоморфности истории писателей и истории читателей вытекает, что занятия второй не менее, а, пожалуй, и более трудоемки, чем занятия традиционной историей литературы. – Анализ коллективного текста читательской рецепции начинается с выяснения, кто были вкладчики этого текста, где и с кем они получили свое литературное воспитание, кто повлиял на становление их первоначального кода чтения <…>. – О литературе на фоне литературного бытии и рассказывают статьи, собранные в этой книге» (С. 21-22).

Актуализация «практического» исследовательского интереса к собственно читательско-

му восприятию вполне логична и исходит из предшествовавшего ей опыта интертекстуального анализа творчества поэтов-акмеистов. Об этой важнейшей, если не основополагающей особенности их поэтики много раньше автор писал: «Преимущественная ориентация языка акмеизма на ранее существовавшие тексты <...> вызвана установкой текста на самопознание, поисками мотивировки на его право на существование, привлечением аргументов его поэтической “правоты”. <...> Такой статус текста как форсированно ограниченного пространства, в котором конкурирует множество культурных возможностей (и при этом “обозревается” сам этот текст), соответствует идеалу авторской позиции как арбитрской, вынесенной за пределы текста культурной и языковой традиции <...>. В этом смысле все стихи акмеистов могли бы быть озаглавлены как “Тайны ремесла” или “Стихи о русской поэзии”, как соответствующие циклы у Ахматовой и Мандельштама. Текст тексте у акмеистов есть одновременно повествование о событиях и повествование о повествовании в сопоставлении с другими текстами, т.е. сбалансированное соотношение собственно текстового, метатекстового и “цитатного” аспектов»[1]. Но по отношению к акмеистической традиции ситуация, рассматриваемая в настоящем издании, оказывается «зеркальной», обратимой: в ней уже тексты самих поэтов, ориентированных на интертекстуальный тип письма, выступают как художественные и культурные прецеденты, становящиеся явными или скрытыми, прямыми или косвенными интекстами – импульсом и основой для продолжения формировавшейся ими поэтической традиции. Именно в такой историко-литературной перспективе в книге рассматривается поэтическое наследие Анненского и Гумилева.

Первую часть сборника – «Иннокентий Анненский и его читатели» – открывает небольшая заметка «Старые эстонки» об одноименном стихотворении Анненского, подзаголовок которого – «Из стихов кошмарной совести» – говорит сам за себя. Не менее выразителен и вывод, к которому приходит комментатор этого текста: «Ахматова в 1945 году писала об Иннокентии Анненском: “Он был преддверьем, предзнаменованьем...” – В черновике за этим следовала еще одна строка, которую она не могла бы предложить в печать, – “Всего, что с нами позже совершилось”» (С. 36). Более обстоятельна статья «Трилистник юбилейный с субботним приложением»; она состоит из трех частей, повествующих, соответственно, о периферийной (если не сказать маргинальной)

[1] *Тименчик Р.Д.* Текст в тексте у акмеистов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 567: Труды по знаковым системам». Вып. XIV: Текст в тексте. 1981. С.65-66. Дополнительную ценность публикации исследований одного из основоположников и самых последовательных сторонников метода интертекстуального анализа придает тот факт, что за последние четверть века в отечественной филологической науке (прежде всего, – в мандельштамоведении) данная методология была доведена до полного абсурда. Бесконечный, как количество знаков после запятой в числе π, сонм ее сторонников в своих штудиях исходил и продолжает исходить (часто даже не зная этого) лишь из данной Кириллом Тарановским дефиниции подтекста: «Если определить контекст как группу текстов, содержащих один и тот же или похожий образ, подтекст можно формулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте», – совершенно игнорируя предложенную ученым типологию, содержащую указание на необходимость дополнительных мотиваций: «Есть четыре вида подтекстов: (1) текст, служащий простым толчком к созданию какого-нибудь нового образа; (2) “заимствование по ритму и звучанию” (повторение какой-нибудь ритмической фигуры и некоторых звуков, содержащихся в ней); (3) текст, поддерживающий или раскрывающий поэтическую посылку последующего текста; (4) текст, являющийся толчком к поэтической полемике» (*Тарановский К.* Очерки о поэзии О. Мандельштама // *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 31, 32). Иначе говоря, для выявления подтекста многим интерпретаторам достаточно одного лишь внешнего сходства фрагментов двух текстов (не всегда даже лексического), при этом биографический, содержательный (семантический) и формальный аспекты нередко остаются за границами рассмотрения, то есть за интертекстуальную модель выдаются широко распространенные случаи типологической близости, в чем никак нельзя упрекнуть автора рецензируемого издания.

фигуре русского символизма поэте Петре Потемкине и его небольшой мемуарной заметке об Александре Блоке, опубликованной в 1924 году в Праге, о стихотворении Анненского «День ранний и молочно-парный...» 1909 года, которое комментатор характеризует как «одно из самых загадочных и мучительных» и для которого предлагает ряд интертекстуальных коннотаций, и об обращенном к Ахматовой известном стихотворении Иосифа Бродского «Закричат и захлопочут петухи...» 1962 года, интерпретация некоторых фрагментов которого основывается на «автокомментарии» самого поэта. В качестве небольшого приложения к этому «трилистнику» выступает заметка о фильме Александра Германа «Хрусталев, машину!», определяемом автором как «самое значительное произведение искусства, созданное в конце прошлого века в России» (С. 51). Вторая статья раздела – «Устрицы Ахматовой и Анненского» – посвящена интертекстуальному комментарию вызвавших широкий читательский резонанс ахматовских строк: «Свежо и остро пахли морем / На блюде устрицы в саду», – которые обнаруживают параллели и с творчеством Анненского.

В следующем далее исследовании реконструируется становление и развитие в литературной среде 1910-х годов уже упоминавшегося «культа» старшего поэта: «Движение “поэтов – читателей Анненского”, ориентировавшееся на выявление и привлечение “избранных”, предполагало их самоидентификацию – посвящения, эпиграфы, цитатность заглавий, отсылочные реминисценции и т.п. Поэтому оно поддается локализации легче других. <...> – Поэтическое творчество Анненского при жизни его было известно сравнительно узкому кругу лиц: домочадцам, некоторым, возможно, из гимназических учеников <...>, ряду знакомых, в последний год – группе литераторов, объединившихся вокруг журнала “Аполлон”» (С. 78). Но автор не ограничивает рассматриваемую топографию «культа» поэта только Петербургом, а максимально расширяет ее до границ реального бытования: «В период между двумя войнами поклонение Анненскому имело все основания для того, чтобы его эзотеричность усиливалась. Исчезновение пусть дискретной по зданию, но все же единой в своей разрозненности читательской среды усиливало самоощущение изолированности, “островности” читательских содружеств как в условиях эмиграции, так и среди одиночных подданных нового режима, которых можно было отнести к “внутренней эмиграции” или к эстетической оппозиции. – В первую послереволюционную пору культ покойного поэта испытал явное территориальное расширение, отчасти стимулированное перемещением носителей литературных мод из двух столиц на юг России» (С. 130). И далее автор восстанавливает следы рассматриваемого им почитания Анненского в краткой форме – в Киеве и Одессе, и в исчерпывающей – в Москве, в результате чего без самостоятельного описания остается только поэтический локус русского зарубежья, но и он упоминается эпизодически[2].

Статья «Анненский и Гумилев», выступающая связующим звеном между двумя частями книги, не касается личных отношений двух поэтов, а посвящена ситуации вокруг известного эпизода, ставшего своеобразным началом истории акмеизма в русской литературе: «13 апреля 1911 года в Обществе ревни-

[2] В частности, об одном из его наиболее заметных представителей применительно к петербургскому периоду сказано: «связал на всю жизнь свою литературную деятельность с охраной поэтического наследия Анненского эпизодический участник Первого Цеха поэтов (1914) и один из инициаторов Второго (1916) Георгий Адамович», который «стал главным пропагандистом Анненского в эмиграции» (С. 125). Ему принадлежит и одна из самых ярких и выразительных характеристик старшего поэта, данная в статье к пятнадцатилетию со дня его смерти (Звено. 1924. 28 июля): «Эпоха “ликвидации” девятнадцатого века – то, что на обывательском языке называется декадентством, – не имела более чистого выражения, чем Анненский. <…> Все молчаливо, но с глубоким убеждением, согласились, что после Тютчева у нас не было ничего прекраснее и значительнее. Любимейшие из русских символистов, Сологуб и Блок, как-то померкли перед ним, уступили ему первое место» (цит. по: Крейд В. Комментарии // Воспоминания о серебряном веке / Сост. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 490).

телей художественного слова Гумилев прочел стихотворение “Блудный сын” и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла “Блудного сына” акмеистической вещью Гумилева, а почти скандальное обсуждение в Академии Стиха считала первым толчком к разрыву Гумилева с “Башней” и к созданию Цеха поэтов» (С. 257). Интертекстуальный «ореол» этого события, связанный в гумилевской поэзии с именем Анненского, и реконструирует автор.

Второй раздел – «Николай Гумилев и его читатели» – открывается обширной публикацией «К биографии Гумилева», в свою очередь, распадающейся на три составляющих. Первая из них основывается на дневниках и архивных материалах Фридриха Фидлера – педагога, переводчика, собирателя частного «литературного музея», знакомого с младшим современником с 1890-х годов, – и восстанавливает эпизоды эпизодического участия Гумилева в деятельности кружка поэтов и поэтесс «Вечера Случевского». Во второй объектом анализа становятся воспоминания Натальи Потресовой-Яблоновской, в эмиграции скрывшейся за псевдонимом «Н.Д.» и оставившей в мемуарной заметке «Встреча с Гумилевым», согласно точке зрения комментатора, более чем недостоверные свидетельства о поэте. Третья часть начинается с авторского утверждения: «К коллекции русских врале́й прошлого века <...> следует прибавить производителя очередного недостоверного источника. А именно: М. Суганова-Талызина, автора статьи “Н.С. Гумилев (Некоторые опубликованные материалы)”, к счастью для историко-литературной науки не попавшей в силу раритетности издания под горячую руку популяризаторов» (С. 343). Безусловное подтверждение сказанного содержится на последующих страницах.

Статья «Заблудившиеся трамваи» посвящена рассмотрению образа трамвая не только в качестве центрального содержательного элемента самого известного стихотворения Гумилева, но и как компонента широкой литературной перспективы, в том числе и западноевропейской, – от Гилберта Честертона до Михаила Булгакова; при этом без внимания не остаются и многочисленные интертекстуальные коннотации (вряд ли случайно объем примечаний к данному тексту в полтора раза превосходит его собственный размер). Разнообразные персонажи – в большинстве своем читатели Гумилева и сами же поэты, от известных до совершенно маргинальных, – представлены в следующих далее материалах «Около акмеизма» и «Читатели Гумилева», где речь идет, по сути, о явлении, аналогичном «культу» Анненского, но уже направленном непосредственно на фигуру младшего поэта. Статья «Скандалы Гумилева» названием говорит сама за себя и содержит описание нескольких конфликтных ситуаций, связанных с личностью поэта и относящихся к пространству его литературной биографии.

Неожиданной на первый взгляд кажется в сборнике заметка о гипотетических параллелях, обнаруживаемых со сказкой Корнея Чуковского «Крокодил» в гумилевской поэме «Мик», но сопоставление это дается автором на самом широком историко-литературном фоне. Ярчайшим его примером становится публикуемый «полушутливый крокодилологический этюд Бориса Эйхенбаума» «Крокодил в литературе (Совершенно серьезное исследование)», «предназначавшийся для журнала “Петербург”, редактировавшегося Виктором Шкловским и печатавшегося Юрием Тыняновым <...>). <...> Этот веселый номер, как это порой бывало в истории русской филологии, на десятилетия опережал опыты “серьезной” культурной истории. Эйхенбаумовскому пустячку предстояло оставаться ненапечатанным из-за закрытия журнала: <...>. Этот этюд – ровесник казни Гумилева» (С. 527). Еще интереснее кажется утверждение автора о том, что «можно предположить и прямое, шутливо-пародийное соотнесение “Крокодила” с “Миком”, тем более что “Мик” оказался в поле редакторских интересов Чуковского: судя по корректурным гранкам “Мика” со штемпелями издательства “А.Ф. Маркс” – “10 февр. 1917”, “Нива” – и припиской “№ 4. Для детей”, <...> эта поэма предполагалась к печатанию в журнале “Для

детей", инициатором которого был Чуковский и в котором тогда же печатался с продолжениями "Крокодил"» (С. 534-535)[3].

Завершает издание раздел «Ахматова & Гумилев», состоящий из двух заметок, посвященных рассмотрению киевского топоса во взаимоотношениях двух поэтов в различные периоды их жизни и в самых разных ситуациях.

Возвращаясь к заглавию более чем кратко рассмотренного издания, нельзя не высказать предположения о том, что в именовании книги Романа Тименчика изначально заложен сознательный оксюморон.

Имена Анненского и Гумилева, к счастью, давно уже нельзя относить к числу намеренно замалчиваемых или сознательно исключаемых из литературной традиции, как невозможно говорить об их сегодняшнем пребывании в статусе «подземных классиков». Неизбежные ассоциации в такой ситуации возникают с фигурой одного из «краеугольных камней» акмеизма – Франсуа Вийона, по метафорическому определению Мандельштама из «классика» подземного давно ставшего небесным:

> Он разбойник небесного клира,
> Рядом с ним не зазорно сидеть –
> И пред самой кончиною мира
> Будут жаворонки звенеть...

Вряд ли история какой-то еще литературы оставляла столько претендентов на подобную перемену статуса, как русская в XX веке, усу-

[3] Примечательные параллели возникают в связи с данной «зоологической парадигмой» в более поздний период. Как известно, летом 1931 года Надежда Мандельштам устроилась на службу в газету «За коммунистическое просвещение». Эмма Герштейн вспоминала об этом эпизоде: «Эта работа, в сущности, очень ей подходила. <…> Я ходила туда вместе с ней и видела, как сотрудницы слушали ее, развесив уши. Они заказали ей статью о детской литературе, и она написала хлесткий критический разбор книжек Корнея Чуковского. Она утверждала, что это эпигонские стихи, и демонстрировала литературные источники, из которых он, по ее мнению, заимствовал ритм, рифмы и интонацию "Крокодила". Статья была выслушана с почтительным восторгом, однако напечатана не была» ((Герштейн Э. Мемуары. – СПб., ИНАПРЕСС, 1998. С. 24). В таком контексте соответствующим образом может быть интерпретирован тот факт, что 5.12.1919 Мандельштам писал из Феодосии в Киев своей новой знакомой и будущей спутнице жизни, причем в исключительно эмоциональной манере (с несвойственным для него удвоением восклицательного знака в конце фразы): «В городе есть один экземпляр 'Крокодила'!!» (Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 375). В комментарии к этому письму при последней публикации Александр Мец безо всякой мотивации высказал предположение о том, что в данном фрагменте «речь идет о 'поэме для детей' К. Чуковского, вышедшей в Петрограде в 1919 г.» (С. 750), – с чем, очевидно, необходимо теперь согласиться (и против чего ранее легкомысленно возражал автор этих строк; см.: Шиндин С. Габриэль Гершенкройн. Штрихи к портрету. Часть II // Новый Журнал. 2016. Кн. 285. С. 282, прим. 25). Присутствие в сказке Чуковского подтекстов из поэмы Гумилева одновременно объясняет и мандельштамовский интерес к ней, и «текстологическую неприязнь» Надежды Мандельштам, которая могла знать «цитатную природу» «Крокодила» со слов своего спутника жизни. Сам интертекстуальный механизм создания поэмы еще в начале 1980-х годов был более чем убедительно реконструирован автором его сопоставления с поэмой Гумилева: «Корней Иванович вез в поезде больного сына и, чтобы успокоить малыша, стал сочинять вслух какую-то стихотворную историю, подлаживаясь к ритмическому перестуку колес. Куда заведет сюжет, он не знал, главное было – не ослаблять ритмического напора. <…> Итак, петь еще надо долго, а хрестоматийные образы уже исчерпались. Существует только ритмический импульс, каркас метра. И тут выручает услужливая память: подсовывает полузабытые строчки классиков, вовсе к детям не обращенные, обрывки застрявших в ушах невзыскательных песенок, какие-то уже совсем не идущие к делу терминологические конструкции и обломки канцелярских клише или, наоборот, всегда пригодные цепочки экзотических имен и названий. <…> (Тименчик Р. Четыре урока рижской "Чукоккалы" // Театр. Школа. Жизнь. Вып. IX. – М., 1986. С. 81-82)» (С. 535–536).

губляя ситуацию фактом трагической смерти авторов[4]. А значит, читателям и филологам-литературоведам можно ждать появления новых небесных классиков, водителем которых станет Роман Тименчик...

[4] Если для Гумилева это, то в отношении Анненского наиболее употребительны «бытовые» версии, связанные с его кардиологическим заболеванием, тогда как в реальности речь, вероятно, должна идти прежде всего о «литературных» причинах: «чрезвычайное перенапряжение вкупе с болезненными переживаниями, вызванными намеченной отставкой, невыполненными обязательствами руководства «Аполлона» (снятие подборки его стихотворений), отсутствием полного взаимопонимания с теми, в ком он хотел встретить единомышленников, привели к резкому обострению постоянной сердечной болезни, и он скоропостижно скончался в подъезде Царскосельского (ныне Витебского) вокзала» (Тименчик Р.Д., Черный К.М. Анненский И.Ф. // // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А – Г / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 87, стб. 1); ср. практически кальку приведенной цитаты: Федоров В.С. Анненский И.Ф. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: В 3 т. Т. 1: А – Ж / Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 90-91. Судя по записи в дневнике Павла Лукницкого от 17.12.1925, совершенно безапелляционно было о случившемся ахматовское суждение: «Письмо от 12 ноября <1909 года. – С.Ш. > – последнее письмо Маковскому о том, что стихи не приняты, очень обыкновенное и т.д. Стихотворение “Моя тоска” – 12 ноября. Очень страшно… По-видимому, отослал письмо и потом написал стихи… <…> Убили Анненского – письмо Анненского к Маковскому, письмо в Аполлоне» (Лукницкй П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Том I: 1924–1925. Paris: YMCA-PRESS, 1991. С. 306–307). Трудно предположить, что подобное видение причин трагической смерти Анненского сложилось у Ахматовой намного позже происшедшего и что оно не было известно ее собеседникам по «Цеху поэтов»; более того, гипотетически нельзя исключать и тот факт, что Ахматова могла пересказать Лукницкому «коллективную», «цеховую» версию случившегося.

«РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ – 2016» КАК РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Преамбула

Совершенно очевидно, что русская поэтическая речь (РПР) и русская поэзия как самый эффективный инструмент этой речи еще не исполнили своего предназначения. Можно сказать, что цели и возможности РПР не проявлены, поскольку в основе своей не осознаны (или забыты) современными участниками процесса. С другой стороны, тело русской поэзии достигло такой массы и такого разнообразного качества, что надеяться на то, что оно само вспомнит свою миссию, не приходится. Для того, чтобы русская поэзия начала движение и наконец-то перестала бездумно накапливать стихомассу, ее надобно разбудить. Для этого годится любой культурный шокер. В нашем случае им стал сюжет-проект[1] «Русская поэтическая речь – 2016».

Локальные цели сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016»:

– Выявление, демонстрация и исследование среза современной русской поэзии за конкретный период времени (без учета репутационного давления, без учета социально-культурных статусов поэтов, без учета принадлежности поэтов к той или иной литературной группе, без учета шаблонов восприятия текстов и личностей, без учета личных отношений и прочего, не имеющего отношения непосредственно к текстам стихотворений).

– Ознакомление современных поэтов с творчеством коллег до уровня средней компетенции, то есть до осознания непротиворечивости любых творческих векторов развития.

– Ознакомление представителей академической науки с достижениями современной русской поэзии до уровня высокой компетенции.

– Организация масштабного исследования читательского восприятия современных поэтических текстов.

– Продвижение новой культуры чтения поэтических текстов и новой культуры их восприятия.

Идеология проекта:

Мы[2] исходим из положения, что современная русская поэзия – это не сумма индивидуальных поэтических практик, а интегральные взаимоотношения того, что эти практики достигли и того, чего они не достигнут никогда, находясь в состоянии персонификации, то есть индивидуальной разорванности. Русская поэтическая речь в нашем понимании – это не гипертекст, а единый непротиворечивый непрерывный поток, направленный в сторону, где пребывают в своей естественной неопознанности истинные цели существования русской поэзии.

Издательская составляющая проекта:

1 том: *книга «Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов»[3], где представлены ранее не публиковавшиеся подборки 115 современных поэтов России и зарубежья, пишущих на русском языке, без указания авторства текстов. Авторы брали на себя обязательство не разглашать тайну авторства до момента выхода второго тома проекта. После этого срока они могли как открыть своё имя, создав дополнительную интригу, так и продолжать оставаться в анонимном поле, продлевая чистоту проектного замысла. 1 том вышел в свет 10.11.2016.*

2 том: *сборник критических и аналитических статей «Русская поэтическая речь – 2016. Аналитика: тестирование вслепую»[4]. Материалы сборника представляют собой аналитическую, критическую и статистическую рефлексии на стихи, опубликованные в «Антологии анонимных тек-*

стов». Рефлексии продемонстрировали представители академической науки, свободные филологи, критики, читатели... 60 авторов в той или иной степени своей заинтересованности и компетентности собрали интеллектуальный консилиум и со скоростью передовой диагностики опубликовали результаты своих исследований и размышлений, а если таковые были невозможны – просто озвучили свою заинтересованность репликами, поддержав тем самым драматическую и интеллектуальную напряженность книги. 2 том вышел в свет 19.04.2017.

Продвиженческая составляющая проекта:

Круглые столы по первому тому, поэтический митинг и семинар (17 мероприятий в 15 городах пяти стран мира); экспресс-конференции по второму тому (7 мероприятий в двух странах мира); поэтичекий сериал «РуПор» (90 серий); подпроект создания и распространения дайджестов «12. N выбирает» (на сегодняшний момент 10 дайджестов, составление их продолжается); проекты-«угадайки» («Образ поэта» – описание поэта по прочитанной главе; «Эксперт» и «Экспресс-эксперт» – узнавание имен авторов подборок; «Угадай поэта» – по обложке первого тома и «Угадай критика/литературоведа» – по обложке второго тома); наконец, масштабное исследование читательского восприятия текстов первого тома (около 500 анкет, собранных в 34 регионах России и Беларуси).

Продвиженческие мероприятия частично описаны ниже, в Инструкциях «Сделай сам свою РПР», подробное же описание подпроектов и их результатов можно прочитать во втором томе «РПР-2016», на сайте сюжет-проекта, посмотреть видеозаписи на ютюбе.

---

[1] Чем культурный сюжет отличается от культурного проекта? Цели проекта ясны и достижимы. Цели культурного сюжета – пластичны и творчески непредсказуемы. Проект на какой-то период увеличивает культурную массу жизни. Сюжет имеет возможность эту жизнь изменить. Финал любого проекта – самоликвидация. Финал сюжета – саморазвитие.

[2] Мы – это В. Кальпиди и М. Волкова. У Д. Кузьмина – своя самоценная позиция.

[3] Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов. Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2016. – 568 с.

[4] Русская поэтическая речь – 2016: в 2 т. Т. 2. Аналитика: тестирование вслепую. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2017. – 688 с.

Виталий КАЛЬПИДИ

Искусство – это воображаемое зачатие, способное дать реальное потомство. Есть единственный способ не стыдиться своего настоящего – это жить будущим.

Итак, мы исходили из предположения, что современная русская поэзия – это единый и неделимый поток, и рассматривать его надо именно таковым. Для этого необходимо было предложить адекватную форму демонстрации поэзии, чем и стала *антология анонимных текстов*. Сразу оговоримся, что анонимность в нашем случае – всего лишь тактика, а не стратегия.

Я утверждаю, что Поэзия – это уникальная платформа (почти операционная система) для эффективного взаимодействий различных уровней невежеств... Поэты в момент записи поэтического текста (а читатели при знакомстве с ним) используют знания с таким низким профессиональным порогом и такими вольными трактовками очевидных вещей, что иначе как «невеждами» (в физике, химии, социологии, астрономии, астрофизике, этике, эстетике и далее – со всеми остановками) их назвать не получится. При этом между поэтами, да и между читателями, устанавливается уникальный духовный и «экспертный» консенсус, который невозможен ни в каком другом непсихиатрическом сообществе. Более того, поэзия предоставляет (и поэту, и читателю) возможность с любого уровня личного невежества практически без подготовки выйти на финиш-

ную прямую гуманитарного приближения к истине. Да, эта возможность ограничена во времени, её формулировки нестойки и подвержены постоянной ревизии и саморевизии, но они точно ощущаются как избыточно прекрасные и гуманные вне зависимости от принадлежности участников процесса к какой-либо части конфессионального или, например, интеллектуального спектров.

Сюжет-проект «РПР-2016» – это предельно точный ответ на не сформулированный вопрос. И вообще реальность это – ответы большей частью на не сформулированные вопросы, потому она и кажется такой непредсказуемой.

У нас была мечта. Нам очень хотелось, чтобы 2 том «РПР-2016» сыграл роль сборника «Вехи» (1909), который в свое время выдал творческой интеллигенции этакое «мировоззренческое техзадание». Можно сказать, что серебряный век русской поэзии – это разнокалиберные и альтернативные ответы на читательские запросы, сформулированные авторами «Вех». И это вполне логично, поскольку поэзия, судя по всему, является хаосом второго уровня, то есть реагирует на предсказания о себе.

Уже на первых круглых столах, посвященных выходу 1 тома «Антологии анонимных текстов», пришло понимание, что современная поэзия требует:

– иной демонстрации, включая создание новых поэтических пространств;

– нового прочтения;

– нового понимания.

Одним из примеров новой демонстрации стала сама «Антология анонимных текстов».

Новое прочтение – это способность читать современную поэзию исчерпывающими (очень большими) объемами. Чтобы русская поэзия имела шанс передать нам свой дар, её нужно (и можно) знать полностью, а не довольствоваться избранными «любимыми поэтами», что сродни использованию при чтении не всего алфавита, а только нескольких любимых букв. Только в этом случае можно будет говорить о создании предпосылок «нового понимания». И мы обратились к коллегам: «Вы хотите любить поэзию, но вы не хотите при этом ее знать. Вы выбираете своих фаворитов, а на других смотрите как на изгоев. Но обожать только отдельных поэтов – это с точки зрения всей поэзии примитивный фетишизм. А обожать одну часть и ненавидеть другие – фашизм. Мы не призываем любить все части, из которых состоит поэзия, мы призываем понять, что нет никаких частей». Убрав между стихами «распорки», коими являются имена поэтов, мы таким образом сплотили поэтическую массу, откачав из нее вакуум имён, и перевели ее в «квантовое состояния», где законы восприятия прочитанного уж точно иные. Они так же отличаются от обычных шаблонов поэтического чтения, как теория относительности от квантовой физики. В результате мы получили возможность «иного прочтения».

Я надеюсь, что сами поэты (речь идёт об участниках «РПР-2016») все-таки прочтут «Антологию анонимных текстов», как ее прочел я. Если они не прочтут эту книгу, то они будут недостойны этого проекта и мне они будут абсолютно безынтересны как соратники. Не знаю, насколько их тронет эта моя «дисквалификация», но это так.

Философия 2 тома «РПР-2016» виделась нами довольна ясно: русская поэтическая речь должна сформировать новое русское поэтическое мышление. А новое русское поэтическое мышление может сформировать новую русскую поэтическую жизнь. Нам казалось, что попытка создания новой русской поэтической жизни – это и есть настоящее и единственное следствие понимания поэзии.

Новое поэтическое мышление – это, прежде всего, демонстрация духовного превосходства поэтического сознания над рисками деградации русской культуры. Одним из исключительных проявлений этой культуры есть и будет оставаться поэзия. Могут появиться российское кино, российский театр, даже российская проза, но поэзия была и остается только русской, и никакой иной она в принципе быть не сможет, ибо является неочевидным продолжением тайн и возможностей русского языка, а, стало быть, и русского дорелигиозного сознания. Любой поэт какой угодно (по рождению) национальности, вступающий в раскаленную плазму практики русского

поэтического сознания, начинает (хочет он этого или не хочет) выполнять генетическую программу этого поэтического сознания. И чем дальше он (по рождению) от этой программы отстоит, тем истовее это будет у него получаться. Такова логика ментальных взаимодействий. *Поэзия дана нам не для создания гениальных стихотворений, а для того, чтобы мы могли измениться. Чтобы мы почувствовали язык ангелов. А в крайнем случае, чтобы взяли и просто создали этот язык. Чтобы научились говорить на нем друг с другом. Чтобы, научившись этому, стали бы жить по ангельским законам. Только такая сверхзадача оправдывает, поддерживает и наполняет будущим русскую поэзию.*

2 том «РПР-2016. Аналитика: тестирование вслепую» собрал 60 авторов очень разных гуманитарных специфик: академическая филологическая наука, профессиональные критики, свободные гуманитарные агенты, поэты, прозаики, философы, социолог, математик, психолог, книжный график, орнитолог и т.д. По сути, 2 том стал тестом на проницательность и качество восприятия современным интеллектуальным сообществом современной русской поэзии. И 60 авторов 2-го тома по факту стали его авангардом по причине своей проницательности, бескорыстия, заинтересованности, чуткости к новому, встроенности в сам процесс делания культуры как таковой. Практически мы получили коллектив, способный оперативно решать многопрофильные гуманитарные проблемы, которые выходят уже далеко за рамки проекта «РПР-2016».

Со своей стороны, считаем преждевременным и неправильным давать какие-либо комментарии и оценки этим работам. Тем не менее некоторые свои впечатления и мысли, возникшие при знакомстве с «аналитикой вслепую» считаю возможным высказать:

1. Чтобы русская поэзия могла передать свой дар, ее нужно знать *исчерпывающе полностью*; то есть использовать весь ее алфавит, а не довольствоваться избранными (любимыми) буквами (поэтами).

2. «Антология анонимных текстов» останется анонимным феноменом, даже если возле каждой главы написать имя её автора, ибо то впечатление, которое она оставляет даже при половинном прочтении, намного ярче и естественнее, чем шаблоны восприятия, которыми я пользовался до этого. Я утверждаю, что при заинтересованном поточном чтении антологии уже к середине книги полностью меняется матрица восприятия поэтического текста.

3. Стоит каждые три года создавать книгу анонимных поэтических текстов, но уже не раскрывая авторство вообще. Не знаю, зачем эти «капсулы поэтического времени», но есть ощущение, что именно они (эти книги) со временем послужат важнейшим источником для понимания основ новой гуманитарной идеологии.

4. Имеет смысл создать именную (не анонимную) Антологию, (она же – энциклопедия, она же – атлас, она же – навигатор) современной русской поэзии начала XXI века, которая, полагаю, будет насчитывать от 1000 до 2000 поэтов. Нужно будет выработать для этого издания новые принципы отбора и демонстрации поэтических текстов, а также обновить научный аппарат гуманитарных и биографических маркировок поэтов. Эту огромную (сколько нужно страниц, столько и будет) книгу уже ждут поэты и читатели, в существовании последних лично я до «РПР-2016» сомневался. Мне представляется, что именно эта работа позволить обозначить реальное пространство современного состояния русской поэтической речи с целью предположить или даже увидеть пути ее прогрессивного развития (регрессивные пути очевидны и без неё).

5. Невероятной может получиться давно ожидаемая книга женской поэзии. Если учитывать тот факт, что поэты оккупировали как минимум 30 % исключительно женских эмоций, а поэтессы то и дело фиксируют вес брутальности с жесткой аксиологией, то такая книга, выполненная ответственно и честно, может описать действительное положение дел, где чуть ли не половина всей поэтической территории – «спорная земля», самой поэзии, возможно, совсем не принадлежащая. Философские и технологические решения при издании такой антологии могут оказаться избыточно конфликтными, но и очевидно прорывными.

6. Стоит попробовать провести творческую ревизию тем и сюжетов русской поэзии. Такие темы, как тема Родины, тема любви, тема матери и материнства, тема любовного многоугольника, тема смерти (сейчас смерть – всего лишь «граница моего воображения»), тема города и исчезнувшей деревни, тема детей (здесь нас очень волнует механизм превращения ангелов в монстров), тема наркотических стимуляторов и прочее, и прочее, я уже молчу про тему отделения религии от конфессий и бога от религии. В решении и даже описании этих тем поэзия отстает от реальности лет на семьдесят. Хватит заметать эти проблемы под половик.

7. Мне представляется очень любопытной попытка предложить поэтам (полагаю, это будут сравнительно молодые художники) объединиться в пару-тройку групп (по 3-4 в каждой) с целью написания поэтических книг. Речь идет не о сборниках, а именно о книгах, технология написаний которых в общих чертах на сегодняшний день разработана. Изданы эти книги могут быть под псевдонимом, под сторонним названием (как это делают, например, рок-группы), да просто под группой имен. Это как раз не принципиально. Принципиально тут другое: в современной поэзии не было ни одного совместного глобального эксперимента, не было создано ни одного искусственного «нейромедиатора», способного воздействовать на внутренние контуры стиха. Единственный стихийный массовый эксперимент – это попытка создать иерархию поэтов (примерно стоместный пьедестал). Но в эту иерархию мало кто верит. Тем более она – как структура – очень неустойчива. Сейчас просто необходима линейка экспериментов, которые могли бы использовать энергию межтворческих связей. К слову, наш мозг – это 100 млрд. нейронов (что примерно равно количеству галактик в видимой вселенной), каждый связан еще с 10000 нейронов. Поэт должен быть связан примерно со сравнимым количество творческих агентов. И это не шутка.

8. Революцию в поэтической рефлексии совершат компьютерные программы аналитического рецензирования с online-обновлением стандартов компетенции. Программы будут способны обрабатывать абсолютно всю издаваемую продукцию, а точнее – вообще всю продукцию. Развивать эту тему дальше не имеет смысла. Скажу только, что роль профессиональных критиков только будет возрастать в направлении абсолютной честности, объективности и ответственности. Нужно создать журнал-холдинг, посвященный только поэтической критике. Нынешние критические отделы в журналах и СМИ – даже не насмешка.

9. Создание фрагмента идеальной культуры в рамках неидеального государства возможно. Занятие поэзией – это независимое от рынка услуг (независимое от нынешних и будущих профессиональных рисков) занятие. Поэзия – идеальный материал. Поэты – самая некоррумпированная среда. Они восторженны и сентиментальны, честны и благородны. И в обычных обстоятельствах поведут себя именно таким образом. Осталось только добиться, чтобы они и в неблагоприятных обстоятельствах повели себя так же.

10. Нужны масштабные эксперименты-шокеры. Например: объявить премиальный мораторий для начала на пять лет, объявить безалкогольный период русской поэзии. Убежден, результаты будут ошеломляющие. На всякий случай скажу: любая идея содержит в себе и глупость, и ум. Так вот, умные люди при общении с любой идеей обращают свое творческое внимание не на ее глупость.

12. Художественное поколение – это не что иное, как осознанная синхронизация усилий собственно самого творчества и его аналитики, то есть поэтов и филологов. Только в этом случае поколение может выполнить свою сверхзадачу – создать ***свою гуманитарную идеологию.*** Именно эта гуманитарная идеология через прямой конфликт будет удерживать идеологию и практику технического прогресса от скатывания последнего в «каннибализм».

Мы привыкли смотреть на проблемы из настоящего, в крайнем случае – из прошлого. А смотреть надо из будущего, то есть из того пространства, когда данные проблемы будут предположительно решены, и возникнут новые. Будущее уже среди нас, просто оно не размазано по реальности, а существует в качестве вкраплений и комков. Например, тот факт, что неконфликтными составителями «Антологии анонимных текстов» были мы с Дмитрием Кузьминым, то есть двое абсолютно полярных культуртрегеров-поэтов, – это будущее.

МАРИНА ВОЛКОВА

Личное, необычное, логичное

Личное

Начну с женского – с впечатлений от проекта. Стержень впечатлений (и проекта) – общение с Виталием Кальпиди. Процесс создания и реализации проекта был так прекрасен, что результат просто не мог не получиться таким же. Проект по ходу развития превратился в сюжет-проект, а для меня стал одним из интереснейших сюжетов моей жизни. Были и трудности, конечно. Прежде всего, это сверхинтенсивнейшая работа: общение с (47+115+60+500+примерно еще сотни три-четыре) участниками проекта – встречи, переписка, скайп, телефон; сайт-рассылки-соцсети; сбор и систематизация информации; продвиженческие и исследовательские подпроекты; деньги, типография и т.п. Но нам, воспитанным на ритмах «Время, вперед!» и сверхзадачах советского века, такой темп и масштаб были только в радость.

Счастье работы в проекте вскоре стало прирастать другим счастьем – счастьем чтения. Уж сколько всего разного я начиталась за свою жизнь, и как по-разному я читала, ан нет: массив анонимных подборок подарил новые, ни с чем несравнимые переживания. Это и удивление (современная русская поэзия оказалась вовсе не таковой, какой ее представляла до интенсивного знакомства с массивом текстов Антологии); это уверенность и гордость (с нами великий и могучий, не пропадем!); это и захватывающее дух (в сторону страха и восторга одновременно) переживание возможностей и перспектив русской поэтической речи. И спокойная радость от наблюдений за собой, тут я (извините) приведу банальное: «эта книга меня изменила».

Работа над вторым томом добавила в плотный слой эйфории ложку дегтя: обидно, что струсили некоторые «модные» критики; досадно, что не все запланированные тексты удалось получить (остались белым пятном темы, сюжеты и мотивы русской поэтической речи); неприятно, что некоторым авторам первого тома второй том оказался не нужен... К списку досад надо честно добавить и самую глобальную: очевидность нечтения и незнания современной поэзии в целом (не нашего двухтомника, он-то как раз оказался самым читаемым, а нечтение и незнание массива поэтических текстов в целом): подпроекты «Эксперт» (узнавание авторов первого тома) и «Узнай критика/литературоведа» (по обложке второго тома) можно считать проваленными, особенно «Эксперт»: рекорд узнавания –5 поэтов из 115.

Но моя неизлечимая способность превращать минусы в плюсы тут же перевела эту досаду в план новых работ, потому на сегодняшний момент в сухом остатке только воспоминания о счастье и дли-и-и-нные планы на будущее.

Необычное

Что самого необычного в «Антологии анонимных текстов»? Стихотворные подборки новые, да, но все авторы первого тома активно публикуются и в журналах, и в сети, издают книги, входят в состав сборников. Так что стихи, вошедшие в первый том, были бы где-то опубликованы и без Антологии. Джинглы? Да, это ноу-хау издания, о них много говорили и говорят, во втором томе им посвящена даже отдельная статья, но и афоризмов в нашем мире много. Получается, самое необычное в Антологии – это все же отсутствие. Отсутствие имен, повлекшее за собой отсутствие наносного, лишнего, чуждого, и тем самым давшего возможность уйти к своим – к русским по речи.

Когда-то в трудное мое время утешением и надеждой стал роман Владимира Набокова «Приглашение на казнь». Роман спас меня простым рецептом: уходи с плахи чуждого тебе мира. Уходи к своим. «Антология анонимных текстов» – антология «своих». Пока еще невнятных, скрытых под номерами, но – своих, потому что среди них нет зависти, агрессии, нетерпимости... Пока – нет, нет по одной простой причине: пока они не знают имен друг друга, они все – свои, пишущие и думающие по-русски, говорящие одной – русской поэтической речью.

И это уже самое необычное за пределами антологии: благодаря ей воссоздан образ русского поэта – несклочного, независтливого, не воюющего в фейсбуке и в жизни богвестьзачто, но всегда против; поэта создающего, читающего и думающего. Возможно, и вопрос наивного читателя «что дает нам поэзия?» сюжет-проект сможет переформатировать в другой вопрос: «чего лишает нас поэзия?», и ответом на этот вопрос будет: «поэзия отнимает у нас ненависть, желание воевать, невежество, зависть...»

Что самого необычного во втором томе, «Аналитика: тестирование вслепую»? В первую очередь, конечно, скорость и масштабность реагирования на первый том. Ни одна поэтическая книга двадцать первого века не собирала такого количества рецензий (60 авторов!) в такие короткие сроки (пять месяцев!)! А если к сумме рецензий, опубликованных во втором томе, прибавить рецензии журнальные, отклики в соцсетях, на мероприятиях, в «кухонных» беседах, масштабное исследование читательского восприятия, – то впору присваивать двухтомнику и сюжет-проекту в целом звание «народного». Необычность и в разнообразии рецензий – от научных статей до читательских отзывов, – и в межевании пространства книги (исследования, размышления, реплики), и во введении фигуры читателя как обязательного и правоправного участника разговора о современной поэзии.

Безмерно благодарна авторам первого и второго томов, многочисленным читателям, зрителям поэтического сериала, участникам всех подпроектов «Русской поэтической речи – 2016» и даже редким оппонентам сюжет-проекта! Ваша работа, внимание и любовь – самое необычное и самое закономерное в русской поэтической речи!

Логичное

А теперь немного о «плохом» (слово «плохое» не зря поставлено в кавычки: редкие критики проекта доказывали его жизнеспособность, отдавая проекту свое внимание и эмоции). Собственно внятных претензий к проекту было всего две, но зато какими они были! Второе место в рейтинге бесполезной критики заняла претензия «А что это вы свои имена указали? Надо было Антологию полностью анонимной делать!» У предложения два независимых автора – ученый весьма солидной организации и заместитель регионального отделения СП России. Первое место по радикализму занимает фраза ярого противника проекта (функционера СП России, между прочим): «Это не русская, не поэтическая, и не речь!». Конечно, это анекдот, но вопрос о репрезентативности в ходе проекта поднимался не раз. Для нас троих репрезентативность первого тома очевидна, про второй том и говорить нечего – аналогов ему в русской литературе просто нет. А для конкретных и потенциальных ворчунов и оппонентов (2,5 текста про «неправильность» современной поэзии мы включили и во второй том «РПР-2016») мы придумали простой выход: не нравится эта русская поэтическая речь? Не те поэты? Неправильные стихотворения? «Не русская, не поэтическая, не речь», говорите? Возможно. Тогда создайте свою – русскую, поэтическую – речь. На этот случай – пошаговые инструкции «Сделай сам свою РПР»:

Инструкция первая

1. Найдите партнера или партнеров (в одиночку проект тоже можно сделать, но будет не так весело и не так быстро).

2. Составьте общий список из... ну, хотя бы из 100 современных русских поэтов (в случае «РПР» в списке было 247 поэтов, в первый том вошли подборки 115 из списка). К составлению списка надо привлечь номинаторов (в «РПР» их было 47) и объявить о возможности самовыдвижения.

3. Пригласите поэтов к участию в проекте, попросив прислать подборки текстов в указанные сроки (в РПР мы предлагали поэтам прислать 180-250 строк, нигде ранее не публиковавшихся, и предупреждали поэтов, что подборки войдут в анонимную антологию, потому имя нельзя будет открывать в течение 8 месяцев и 10 дней с момента последнего срока приема текстов).

4. Присланные подборки не редактировать! («Редактура» в этом проекте заканчивается на этапе выбора поэтов).

5. Сделайте макет книги, расположив в нем подборки по мере поступления писем от поэтов, и смело отдавайте в типографию, ваша «РПР-2017» готова!

P.S. При отсутствии денег на бумажный вариант просто выложите пдф в сеть.

P.S.S. При избытке мыслей о поэзии, поэтах и прочем можете разбить присланные подборки джинглами (они зададут структуру книги), так, как это сделано в нашем первом томе – «Антология анонимных текстов».

Всё. Сделали. И вот тут-то вы оказываетесь на распутье. Или объявлять о начале великой депрессии, или... Сначала про депрессию: ну, сделали. Ну и что? Что получили-то? Очередную антологию текстов любимых авторов? Так сколько уж их, этих антологий... И кто их читает? Разве что сами авторы, да и то – в основном оглавление, чтобы с волнением открыть свою страницу и убедиться: да, напечатали! поэт! Правда, в вашей антологии авторы будут без имени, потому и оглавление читать незачем, но даже для составителей будет разыгрываться сюжет «Златовласки»: угадай любимую среди двенадцати одинаково одетых сестер. Депрессия... Потом вы начнете себя утешать: кое-что все-таки вы получили, и это «кое-что», возможно, гораздо весомее текстового продукта: вы задумались над выбором ста поэтов; вы перечитали много-много стихотворений – сначала для того, чтобы выбрать сто поэтов; потом для того, чтобы узнать, какие же тексты эти поэты прислали; потом для того, чтобы проверить корректуру, верстку; потом для того, чтобы понять, что сделали-то? В процессе этого непрерывного и масштабного чтения вы обязательно многое поймете про современную поэзию, про само чтение, и про себя, конечно! Вот тогда и вторая инструкция понадобится, которая хоть и вторая по счету в этом тексте, но первая в жизни проекта:

Инструкция вторая

1. Перед тем как начинать проект, подумайте, что вы хотите сказать миру и себе этим проектом.

Да, вот такая короткая инструкция получилась, всего из одного пункта. Можно, конечно, добавить еще один пункт: «запишите это как цели и задачи проекта», но, кажется, это и так понятно. Посмотрим лучше, как цели влияют на масштаб проекта и объем работы. Самый простой вариант: выявление и демонстрация среза современной русской поэзии за конкретный период. Можно, конечно, добавить какие-то отличительные черты – сделать антологию по национальному признаку, по географическому, да хоть по половому! – суть не меняется: все равно получим еще одну антологию/сборник из тех, про которые поэты говорят «братская могила». Попробуем добавить анонимность авторов. Ого, сразу стало как-то интереснее! Теперь наше «без учета репутационного давления, без учета социально-культурных статусов поэтов, без учета принадлежности поэтов к той или иной литературной группе, без учета шаблонов восприятия текстов и личностей, без учета личных отношений и прочего, не имеющего отношения непосредственно к текстам стихотворений» вносит интригу, включает любопытство и режим ожидания. Если такой масштаб проекта соответствует вашим амбициям – возвращайтесь к Инструкции первой и – все по кругу. Если ваши амбиции больше этих задач, то добавляем еще исследовательскую задачу и переходим к третьей инструкции.

Инструкция третья

1. Составьте список, в котором фамилии хотя бы 50 современных ученых и критиков (у нас во второй том вошли статьи 60 ученых и критиков).

2. Попросите ученых и критиков написать статьи по вашей антологии на «свободную тему» (т.е. тема статьи пусть пересекается с темой научных интересов автора статьи – о том, какие у него интересы, думайте в п.1). Далее будет долгая переписка, обсуждение, редактирование и прочее – обычная работа при подготовке научно-аналитического издания.

3. Сделайте книгу (в нашем случае это был второй том проекта – «Аналитика: тестирование вслепую»). Ваш двухтомник «РПР-2017» готов!

P.S. Если хотите расширить границы исследования, то пригласите и ученых нефилологических специальностей – например, историков, философов, политологов, религиоведов и т.п., пусть посмотрят на современную поэзию через призму своей отрасли знания.

Итак, вы стали счастливым обладателям бумажного или электронного двухтомника, можно жить и радоваться. Но что-то не дает покоя... Почему-то хочется, чтоб и другие порадовались вместе с вами, т.е. прочитали составленное и изданное вами. Странное, скажу я вам, желание, но у вас уже есть уверенность, что читать это можно (сами-то вы это осилили!), и знание, что другие тоже могут осилить (прочитали же первый том его анонимные авторы, хотя бы из любопытства, чтоб предположить, с кем это рядом их опубликовали; и прочитали же первый том авторы второго тома, т.е. несколько десятков читателей у проекта уже есть). Но жадность-то, жадность куда девать! Тем более что вы, может быть, впервые поверили, что читатель у поэзии есть, и читать поэзию – можно! И вот у вас рождаются сразу две задачи: расширить круг читателей и понять-таки, кто он, современный читатель поэзии, как он, собственно, умудряется ее читать? В случае нашей РПР-2016 задачи эти были сформулированы так: «Организация масштабного исследования читательского восприятия современных поэтических текстов» и «Продвижение лучших образцов современной поэзии и культуры чтения поэтических текстов». Под эти задачи – очередные инструкции.

Инструкция четвертая

1. Распечатайте «Анкету читателя поэтического текста» (приведена во втором томе проекта) или разработайте свою анкету.

2. Предлагайте прочитать стихотворение из первого тома и заполнить анкету на встречах в библиотеках, вузах, на улице, в поездах и т.п. (В нашем проекте мы собрали около 500 анкет).

3. Проанализируйте результаты и поместите их во второй том вашего проекта.

P.S. Оптимально, чтобы анкетирование сопровождалось беседой, интервьюированием, наблюдением (у нас так и было, но зафиксировать и проанализировать этот материал сил не хватило).

Инструкция пятая

1. Разработайте и реализуйте проекты, направленные на продвижение лучших образцов современной поэзии и культуры чтения поэтических текстов (у нас это были: 90 серий поэтического сериала «РуПор»; конкурсы «Эксперт», «Угадай поэта», «Угадай критика», дайджесты «12. N выбирает», «Образ поэта» и само анкетирование. Все эти проекты и их результаты подробно описаны во втором томе РПР. Вы, конечно, можете, напридумывать и своих проектов, да и у нас еще в запасе немало таковых есть).

P.S. Не забудьте сделать сайт проекта (вот наш http://mv74.ru/rpr/) и использовать социальные сети для продвижение вашего проекта.

Вот теперь все составляющие на месте: и поэтические тексты, и анализ этих текстов, и поле читательского восприятия, и даже его анализ, но вам все равно чего-то не хватает? Хочется, чтобы слово «речь» вышло за пределы названия проекта и стало живым, длящимся? Чтобы проект стал частью современного литературного и научного процесса и даже (боже, какая смелость!) повлиял на него? Тогда переходим к следующей инструкции.

Инструкция шестая

1. Организуйте круглые столы по обсуждению первого тома проекта (в нашем случае это были 14 круглых столов в пяти странах мира).
2. Организуйте экспресс-конференции по второму тому (в нашем случае это были 7 конференций в двух странах мира).
3. Придумывайте свои формы организации размышления и говорения о современной поэзии; переписывайтесь, обсуждайте на встречах, мероприятиях – со всеми, кому это интересно (а кому неинтересно – тех вербуйте).

P.S. Все круглые столы, экспресс-конференции и другие формы мероприятий записывайте на видео и выкладывайте в ютюб – это и документы для истории, и способ расширения аудитории.

И, наконец, *Главная инструкция*

1. Ответьте на вопрос: что вы хотите изменить в современной поэзии?
2. Если такой вопрос у вас возникал хотя бы раз – перечитайте текст Виталия Кальпиди, опубликованный выше.
3. Если вопрос не возникал – тем более читайте текст Кальпиди.

Денис БОРОВИКОВ

Сергей ТАРЕЕВ

ПУТЬ ПСАЛОМЩИКА

Я напишу по-французски, –
улыбнулся Штирлиц, – левой рукой
и без адреса.

Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны

Графологию, особенно в советское время, обижали. Талантливый русский графолог Зуев-Инсаров зарабатывал на жизнь, «консультировав» публику ресторана «Метрополь». Анатолий Рыбаков описал этот подлинный факт в «Детях Арбата»:

«Недалеко от входа стоял небольшой столик, за ним сидел человек с бородкой. На столике лежала стопка конвертов и карандаши, стояла табличка: «Графолог Д.М. Зуев-Инсаров. Исследование характера по почерку. Стоимость пятьдесят копеек».

– Мне давно хотелось узнать свой характер, – объявила вдруг Зоя, – есть еще желающие?... она подошла к столику графолога. Перелистала книгу отзывов... Максим Горький, Луначарский, известные актеры... "Зуеву-Инсарову, от разоблаченного Ярона..."

Зоя надписала конверт, протянула его графологу, кивнула Варе.

– Пиши!

– Нет, не хочу, – отказалась Варя. У нее было всего восемь копеек на трамвай. Да и кто может определить характер, тем более по надписи на конверте, ерунда все это!»

В наши дни (как водится) крайность другая. Интернет забит информацией о графологии, о том, как легко и просто, купив самоучитель по практической графологии, поражать своих друзей знаниями о них. Израильский «эксперт» Инесса Гольдберг пустила графологию прямо-таки на поток, основав целый институт «Психологии почерка».

Не хочется повторять пыльные советские штампы о «субъективности», «лженаучности» и «буржуазности», но и радоваться тому, что сложнейшая и противоречивая графология пущена на конвейер, тоже не хочется.

Почти двадцать лет авторы этой статьи преподавали дисциплину «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» в ведомственном вузе и на пытливые вопросы курсантов о графологии отвечали следующим образом. Несмотря на то, что и почерковедение, и графология исследуют письменно-двигательный навык (почерк), их методология принципиально различна.

Если в науке «почерковедение» подход сугубо рационален, формализован и критерием объективности является возможность верификации (проверки) полученного результата, то в учении «графология» доминирует исследовательская интуиция, где пошаговый путь и процесс достижения результата зачастую не объяснимы.

Время шло. Нет больше ведомственного института, мы негосударственные эксперты, специализируемся на почерковедческих и лингвистических исследованиях, но... Год назад к нам обратился саратовский краевед Геннадий Кузнецов с необычной просьбой. А могли бы мы исследовать почерк Федора Матвеевича Лебедева для того, чтобы ответить на один-единственный вопрос, какие черты характера отразились в почерке псаломщика из русской глубинки, ушедшего из жизни более ста лет назад?

Нельзя сказать, что это комплексное исследование рукописных записей метрических книг с. Всесвятки (с 1862 по 1877 год) и с. Романовки (с 1878 до 1899), а также текста *«Прошения от 1907 октября 18 дня...»* далось легко и просто.

Ведь ситуация, мягко говоря, нестандартна. Она определялась следующими специфическими условиями:

Значительный временной период (исследуемые записи относятся ко второй половине XIX и началу XX века);

Существенное отличие современных письменных норм от прописных правил, которым подчинялся псаломщик Ф.М. Лебедев. Не стоит забывать, что за два прошедших века письменных реформ случилось как минимум три;

Конфликт понятийных аппаратов и терминов, принятых в графологии и почерковедении;

Верификация (проверка) результатов настоящего историко-графологического исследования почерка Ф.М. Лебедева существенна затруднена.

С целью получения объективных результатов исследовались:

Образ письменно-двигательного навыка Ф.М. Лебедева, отразившийся в церковно-приходской документации;

Лексический, синтаксико-семантический, формально-логический, психолингвистический уровни рукописных записей Ф.М. Лебедева.

Основным средством познания и разрешения поставленной задачи (в сложившейся экспертной ситуации) является – метод графологического анализа рукописных записей.

Помимо этого, были использованы следующие научные методы анализа:

– метод почерковедческого (диагностико-ситуационный) исследования рукописных записей;

– метод анализа структурной организации рукописных записей;

– метод функционально-стилистического анализа рукописных записей;

– метод оценки смыслосодержательной стороны рукописных записей;

– метод психолингвистического анализа дискурсивной практики рукописных записей епархиальной и церковно-приходской документации второй половины XIX и начала XX веков.

Мы постарались синтезировать специальные возможности почерковедения и графологии. Сложность задачи потребовала привлечь знания иных наук, связанных с исследованием текста: палеографии, лингвистики и психолингвистики.

Необходимо отметить, что *«на псаломщика дореволюционной России возлагалось все письмоводство по церкви и приходу. Он вел метрические книги, обыскные книги для записи повенчанных браков, исповедные росписи, клировые ведомости с подробным обозначением всех данных относительно храма, средств содержания причта, количества земли, библиотеки, а также семейств всех членов причта».*

Мы провели реконструкцию известных этапов биографии Ф.М. Лебедева. Подобная задача требует необходимой формализации для погружения в жизненный уклад сельского церковнослужителя XIX века. Событийный ряд биографии Ф.М. Лебедева будет субъективно оценен в двухступенчатой градации: позитивный «+», негативный «–» (см. Таблица).

п/п	Событийный ряд биографии Ф.М. Лебедева	оценка события
	Дата рождения 17 февраля 1840	
1.	поступление в вольское духовное училище 4 сентября 1853	+
2.	отчислен «по неуспешности» 1857	–
3.	дьячок с. Березовый Гай 04.10.1857	+
4.	дьячок с. Теликовка 04.11.1858 (внезапная смена прихода)	–
5.	дьячок с. Орлов Гай 28.04.1859 (внезапная смена прихода)	–
6.	дьячок с. Новорепное 24.10.1859 (внезапная смена прихода)	–
7.	дьячок с. Калдино 10.01.1860 (внезапная смена прихода)	–
8.	дьячок с. Перекопное 17.09.1860 (внезапная смена прихода)	–
9.	дьячок с. Питерка 10.07.1861. В отношении церковной кассы в июне 1862 происходит очередной конфликт и, как результат, вновь смена прихода	–
10.	дьячок с. Всесвятского 21 июля1862	+
11.	поощрение 15 ноября 1874	+
12.	поощрение: псаломщик 15 ноября 1875	+
13.	псаломщик с. Романовка 1877	+
14.	уволен за штат 7 февраля 1897. И снова конфликт, уже с благочинным	–
15.	допущен к исправлению обязанностей март 1897	+
16.	окончательно уволен за штат 3 февраля 1899	–
17.	рукоположен во дьякона 24 июня 1907	+
18.	рукоположен в сан священника 26 октября 1907	+
19.	ходатайство о набедреннике 27 сентября 1909	+
	Примерная дата смерти: между 1912 и 1915	

Из таблицы видно, что после, скажем так, первой неприятности, приключившейся с Ф. Лебедевым, отчисления его из училища, происходит частая смена приходов (восемь), более года он нигде не задерживается, а затем случается конфликт персонифицированный. Остановимся на нем подробнее.

«Священник села Питерка Николай Березовский 10 июня 1862 года написал Епископу Самарскому и Ставропольскому Феофилу рапорт, в котором доказывал, что: "Дьячок Федор Лебедев груб и непокорен, к своей должности неисправен. Дерзок – на первых числах сего месяца простер до того свою дерзость, что вышел на общественный сход, стал внушать обществу, чтобы оно требовало от старосты церковного каких-то денег, будто бы хранящихся в нашей церкви".

В ходе разбора жалобы в Консистории Фёдор Лебедев все обвинения отрицал:

"Пред приходским свои священником Николаем Березовским непослушания, грубостей и дерзостей я никогда никаких не делал. Священник Березовский выводит на меня обвинение единственно потому, что прихожане, подозревая его и церковного старосту в злоупотреблении церковной суммой, начали в том формальное дело" и, со своей стороны, попросил Епархиальное Начальство провести следствие в отношении церковной кассы. То ли священник вместе с церковным старостой приворовывали из церковной кассы, а пономарь-правдоруб выступил в защиту истинных православных ценностей, то ли дерзкий, ленивый и неисполнительный пономарь возвел напраслину на кристально честных священника и старосту. Ситуация выглядела настолько двусмысленно, что в первой резолюции Епископ написал: "Не подал ли священник Березовский повода к тому, чтобы причетчик вышел на сходку?" Большого следствия, однако, вести никому не хотелось. Поскольку формально нарушение было, Лебедева оштрафовали и, с глаз долой, перевели из Питерки подальше».

Итак, в биографии Федора Лебедева возникает уже не первая, но серьезная конфликтная ситуация, в которой он выступает, скорее всего, инициатором. Можно ли верить священнику села Питерки Николаю Березовскому, возмущенному поведением *«дьячка Федора Лебедева»*? Обратимся к графологии (см. Иллюстрация №1).

Форма линии строки незначительно, но поднимающаяся над ней. Буквосочетание в имени *«ор»* и фамилии *«едев»* – слитны. Последние же буквы заканчиваются тем, что графологи именуют *«крючком»*, почерковеды же – *«заключительным дуговым штрихом»*. В совокупности и контекстуально эти признаки указывают на такую черту характера, как **вспыльчивость**.

В почерке прослеживается однотипное направление вертикально ориентированных штрихов (наклон). Общая связность почерка – практически слитная. Точки окончания штрихов в последних буквах (например, знак *«у»* в слове *«руку»*) расположены на вертикальных штрихах (иллюстрация № 2). Сочетание этих признаков трактуется как внутренняя **склонность к противоречию, проявляющаяся в импульсивных поступках**. Это суждение находит подтверждение в биографии Федора:

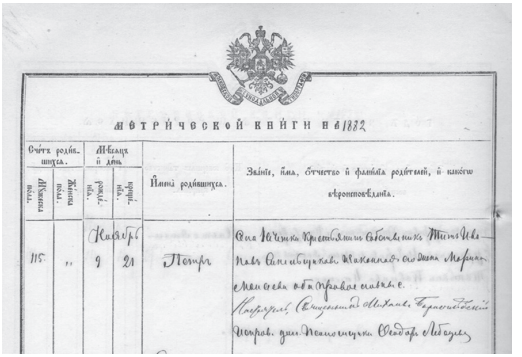
– исключение из вольского духовного училища;
– частая смена приходов (по одному в год, см. таблица);
– нередкие конфликты с иереями (это лишь то, что добралось до наших дней).

Таким образом, ситуация с *«рапортом Епископу Самарскому и Ставропольскому Феофилу»* выглядит достаточно правдоподобно.

Однако **конфликтность** личности не может существовать без учета других свойств характера.

Рукописные записи сорокадвухлетнего мужчины выполнены почерком вполне развитым, с устойчивыми проявлениями характерных особенностей, что свидетельствует не только об аксиологических (ценностных) ориентирах Федора Лебедева, но и его интеллектуальных способностях, адекватных возрасту и социальному положению. Так, по конструктивному строению почерк характеризуется как простой, без украшений. Буквенные знаки ориентированы строго вертикально, прямые, слитные, одинаковое расстояние между словами; большей частью наблюдается отсутствие крупных букв, попадаются трудночитаемые; буквы округлой формы. Протяженность движений при выполнении строчных букв *«с», «в», «г»* как по вертикали, так и по горизонтали устойчиво малая (иллюстрация № 1).

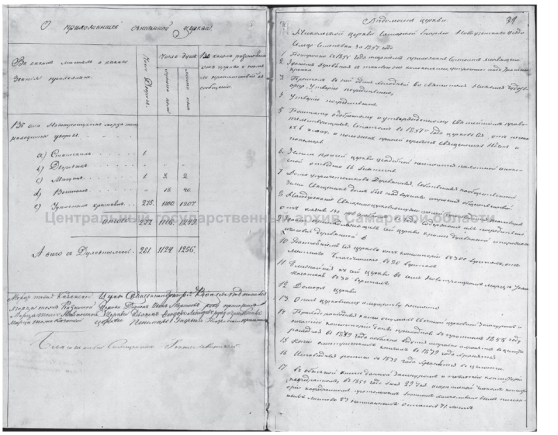
Реализованные письменно-двигательные навыки (ПДН) указывают на природный ум Лебедева. Отчисление Федора из духовного училища *«по неуспешности»* говорит не столько о том, что он по своим интеллектуальным возможностям *«...оказался неспособным к продолжению обучения»*, сколько о его в**спыльчивости, склонности к противоречию, упрямстве, и ситуативной импульсивности.**

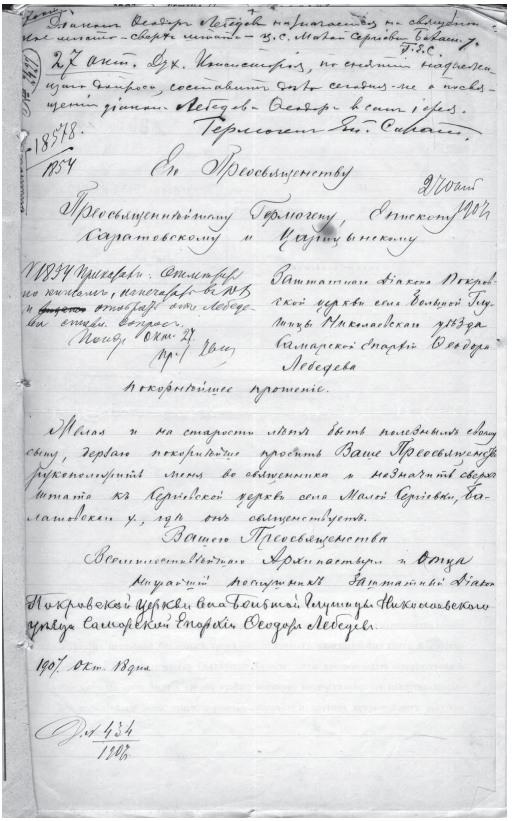
МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ № 1882

Счёт родившихся.		Месяц и день		Имя родившихся.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания.
мужск. пол.	женск. пол.	месяц.	число.		
115.	,,	Февр. 9	21	Петръ	Села Ивачи Крестьянина Евстафия Тимоѳеева Сапегинскаго, Жены его Анны Маркіановой обоихъ Православнаго исповѣданія.

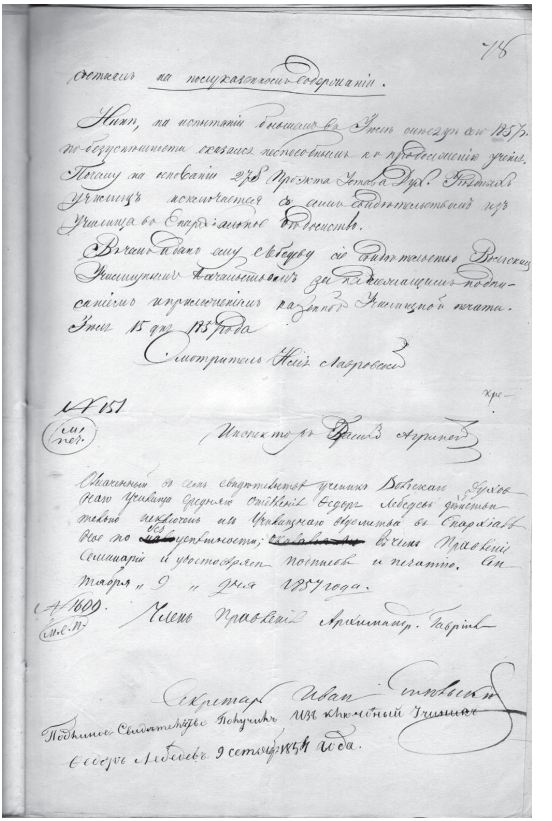
Илл. №1. Подпись датирована 1882 годом.

Илл. №2. Рукописная запись датирована 1857 годом.

Илл. № 3. Рукописная запись датирована 1857 годом.

Илл. № 4. Рукописная запись датирована 1907 годом.

Смотритель Илья Лавровский пишет следующее: *«Объявитель сего, ученик Вольского Духовного Уездного Училища среднего отделения Федор Лебедев Самарской Епархии Николаевского уезда села Брыковки дьячка сын, имеющий от роду 19 лет, поступил в училище 1846 года октября 25 дня, в коем при способностях довольно порядочных, обучался:*

Грамматикам (Латинской – прилежании недостаточном плохо, Греческой – плохо, Славянской – плохо, Русской – не худо)

Пространному катихизису – довольно хорошо

Священной истории – порядочно

Географии – плохо

Арифметике – плохо

Церковному Уставу – недостаточно

Нотному пению – довольно хорошо

Чистописанию – порядочно

В продолжении учения оказывал поведение кроткое»

При внимательном прочтении поневоле спотыкаешься на последней фразе характеристики Федора *«...оказывал поведение кроткое»*. Ситуация запутывается... Смотритель начинает послужной список ученика с *«прилежания недостаточного»*, а заканчивает *«поведением кротким»*. Этот педагогический диссонанс подтверждает графологическое наблюдение о склонности Лебедева к противоречию.

Видимо, то, что требовало монотонной усидчивости (*Грамматика, Латинский, Греческий, Славянский, География, Арифметика*), а главное, постоянного подчинения, необходимого для церковнослужителя (*Церковный Устав*), было для взрывной эмоциональности ученика духовного училища Федора Лебедева затруднительно.

В тоже время очевидны способности к таким наукам как русский язык, Священная история, нотное пение, пространный катехизис, а также, любовь к чистописанию, которую Лебедев пронесет через всю жизнь и благодаря чему возможно настоящее исследование.

Попробуем увидеть проявились ли возрастные изменения в почерке Федора Лебедева. Так, текст (помещенный на иллюстрации № 3) выполнен в семнадцатилетнем возрасте, второй же (иллюстрация № 4) – характеризует мужа 67 лет, уже прожившего большую часть жизни.

Давайте посмотрим соотношение строчных, надстрочных и подстрочных элементов в буквенных знаках. Все буквы «д» в 17-летнем возрасте выполнены с характерной надстрочной частью. Эти же буквы в возрасте 67 лет выписываются Лебедевым в подстрочном варианте. Да и подстрочные части других знаков также удлинились.

Согласно графологии, подобные почерковые трансформации свидетельствуют о том, что **идеализм** юности Федора сменился на **скепсис** немолодого дьячка Лебедева.

В то же время система движений в целом не изменилась. Об этом свидетельствует смелые, уверенные буквы, тонко связанные между собою, (местами поднимающиеся), общий же вид почерка ровный, окончания одинаковы. Здесь, согласно графологии, – **обдуманность, большие педагогические способности, мягкосердечность, но последовательность, непоколебимость.**

С позиции современного общества жизненный путь Федора Лебедева не представляется чем-то особенным, но погрузившись в реалии русской глубинки (где трудно преувеличить значимость священнослужителя в небольшом селе, от которого *«...хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»*) карьера Лебедева представляется причудливой.

В древнем египетском папирусе отец наставляет сына: *«Обрати свое сердце к книгам. Нет ничего выше книг. Если у писца есть должность в столице, он не будет там нуждаться. Должность писца лучше всех других должностей. Смотри: нет должности, где нет начальника. Только у писца нет начальника, он сам начальник над другими людьми»*. Псаломщик Федор Матвеевич Лебедев стал своеобразным летописцем, историографом маленьких сел Всесвятки и Романовки.

Его многолетние записи добрались до XXI века безусловным артефактом, значимость которого не столько рациональна (фиксация событийного ряда жизни односельчан требовала от дьячка тщательности и аккуратности), сколько относится к непознанной метафизической сути связи времен. *«...его размашистым угловатым почерком были написаны метрические книги сначала села Всесвятки с 1862 по 1877 год, а затем Романовки с 1878 до 1899 ... писал он, быть может, и не каллиграфически, но аккуратно, вполне читаемо по сравнению с другими».*

Итоги графологического исследования рукописных записей свидетельствуют о следующих (зачастую противоречивых) психологических характеристиках псаломщика Федора Матвеевича Лебедева: **внутренняя склонность к противоречию, вспыльчивость; упрямство, и ситуативная импульсивность, природный ум, конфликтность, интеллектуальные способности, идеализм, скепсис, обдуманность, педагогические способности, мягкосердечность, но последовательность, непоколебимость.**

Однако с учетом специфических условий (см. выше) объективная реконструкция личности Ф.М. Лебедева потребовала привлечения исследовательских методов психолингвистики.

Весьма интересен более поздний документ «*Прошение от 1907 октября 18 дня Его Преосвященству Преосвященнейшему Гермогену, Епископу Саратовскому и Царицынскому».*

Приведем основное содержание этого текста: *«Покорнейшее прошение. Желая и на старости летъ быть полезнымъ своему сыну, дерзаю покорнейше просить Ваше Преосвященство рукоположить меня во священники и назначить сверхъ штата къ Сергіевской церкви села Малой Серігиевки, Балашовского у., гдъ онъ священствуетъ. Вашего Преосвященства Всемилостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушникъ заштатный діакон Покровской церкви села Большой Глушицы Николаевского уезда Самарской Епархіи Феодор Лебедев».*

Перед нами типичный образчик церковно-канцелярского эпистолярия XIX века. Необходимо отметить, что основная часть приведенного рукописного текста выполнена не Федором Лебедевым, а кем-то другим. Его же руке принадлежит лишь автограф, знакомый нам по другим документам *«Покровской церкви села Большой Глушицы Николаевского уезда Самарской Епархіи Феодор Лебедев».*

Остается предполагать, кто является истинным автором текста прошения. Скорее всего, текст Лебедева, в соответствии со стилистикой подобных прошений, «причесывал» писарь консистории (а по-светски – канцелярии) Саратовской Епархии.

Вероятно, этот человек являлся исполнителем всех аналогичных документов. Его читаемый почерк был привычен глазу Епископа Гермогена. Несмотря на уже появившиеся технические средства (в исследуемых документах есть образцы, выполненные как типографскими, так и специальными штампами), большинство документов по-прежнему заполнялись от руки.

Семантическая характеристика текста неоднородна. На фоне явных канцеляризмов: *«Покорнейшее прошение», «дерзаю покорнейше просить», «рукоположить меня во священники», «назначить сверхъ штата»*, фраза *«Желая и на старости летъ быть полезнымъ своему сыну...»* требует более подробного анализа.

Содержание столь простодушного аргумента с одной стороны по-детски наивно, не взирая *«на старость летъ»* просителя. А с другой стороны, отражает контекст не только этого прошения, но и в целом всего церковно-канцелярского эпистолярия того времени.

Что нам известно по этому эпизоду?

Прошение датировано – *«1907 октября 18 дня»*;

Проситель – *«заштатный діакон Покровской церкви села Большой Глушицы Николаевского уезда Самарской Епархіи Феодор Лебедев».*

Конечно, семантический посыл фразы *«Желая и на старости летъ быть полезнымъ своему сыну...»* при первом прочтении вызывает у современного секуляризованного читателя некоторое недоумение. Служить во священническом сане Богу и при этом *«...быть полезнымъ своему сыну...»* по форме достаточно парадоксально.

Но это впечатление мимолетно и возникает лишь при первом знакомстве с текстом прошения. Конструкция *«...быть полезным своему сыну...»* содержит как минимум два семантических посыла. Посыл № 1 – материальный, и тогда номинация *«полезный»* может трактоваться как «кормление» за счет пожертвований прихожан.

Посыл же № 2 – сугубо нравственный – пожилой родитель с полувековым служением в церкви хочет передать свой опыт сыну-священнику. И, исходя из полученных графологических сведений о личности Лебедева (см. выше), этот посыл более убедителен.

Простодушная фраза *«...быть полезным своему сыну...»* своеобразно концентрирует многолетний, как позитивный, так и негативный жизненный опыт церковнослужителя, сменившего за короткий промежуток времени восемь приходов (см. таблица).

Поясним. Фиксируя письменно на протяжении долгих лет основные вехи людских судеб (рождение, крещение, венчание, смерть), Федор Матвеевич видимо преобразился внутренне: навсегда ушли юношеские эмоции и поспешный максимализм поступков (зачастую приводивший молодого дьячка к яростным конфликтам с исканиями житейской правды). В возрасте 67 лет Федор Матвеевич приобрел житейский багаж мудрости, и ему есть что передать сыну. *«Послушай, сыне мой, приклони уши свои, внуши словеса устъ моихъ, да скажу ти...»*.

Если вернутся к графологической характеристике Лебедева, у которого прослеживались большие педагогические способности (см. выше), то теперь он готов их применить и потому желает *«...быть полезным своему сыну...»*.

Преосвященнейший Гермоген решение принял достаточно оперативно: *«1907 октября 28 дня Діакон Феодор Лебедев Его Преосвященством Преосвященнейшим Гермогеном, Епископом Саратовским и Царицынским, при служении Божественной литургии в Кафедральном Александро-Невском соборе* ***посвящен во священника****»*.

Библиография:

Почерковедение и почерковедческая экспертиза:

Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006.

Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов: Методическое пособие для экспертов / С.А. Атаходжаев, Н.В. Дутова, В.Ф. Орлова, Р.Х. Панова, Н.Г. Сахарова, Н.Ю. Ширшкова. – М.: РФЦСЭ, 1996. Вып. 1, 2, 3.

Графология:

Моргенштерн И. Психографология. – СПб.: Питер, 1994. – 218 с.

Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. – Киев: Перлит продакшн, ЛТД, 1992. – 96 с.

Психология, психолингвистика и лингвистика:

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Наука, 2009. – 592 с.

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.

Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997.

Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. – СПб., 1996.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1986. – 392 с.

Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб: Речь., 2002. – 480 с.

Палеография:

Щепкин В. Н. Русская палеография. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 272 с. – (Классический учебник).

Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. 4-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 136 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

Алексей ГОЛИЦЫН

ВИКТОР БАБУШКИН: СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА

Писатель Виктор Бабушкин еще при жизни обрел в Саратове статус классика пролетарской литературы. *«Будучи еще юношей, он принимал участие в большевистском подполье, а после возвращения с фронта первой империалистической войны стал активным организатором Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»*[1], – такими словами открывались авторские сборники 1950-х годов. Жизнеописания Бабушкина неизменно включали в себя следующие пассажи: *«Потомственный рабочий до конца своей жизни оставался верным сыном ленинской партии, солдатом революции. По заданию исполкома Бабушкин организует в Саратове Красную гвардию, участвует в подавлении мятежа белоказаков, проводит операцию по захвату банков, налаживает работу почты и телеграфа, руководит охраной железной дороги, деятельностью губернской милиции, а затем комиссаром отправляется на колчаковский фронт»*[2].

Писательская биография Виктора Федоровича неизменно подавалась в героизированном виде: *«Пока шла война и надо было держать в руках винтовку, он редко брался за перо. Только в 1921 году он полностью отдался любимому делу»*. А дальше, как правило, шли общие фразы: *«Множество рассказов, очерков, фельетонов Бабушкина печаталось в различных, главным образом, приволжских, газетах, журналах, альманахах»*.

О том, что Виктор Бабушкин был первым саратовским писателем, попавшим под каток политических репрессий, умалчивалось, а информация о причинах его ареста была недоступна.

Между тем в ГАНИСО сохранились четыре учетные карточки[3] члена ВКП(б) Виктора Бабушкина, где подробно описана его биография. Расхождений в этих документах практически нет, разве что в карточке 1928 г. он назван русским, в одной из карточек 1930 г. – малороссом, в другой – того же 1930 г. – великороссом, а в формуляре 1934 г. Бабушкин снова становится русским.

Согласно документам, Бабушкин 12 лет работал слесарем по найму, образования не имел, в соответствующей графе записано «самоучка» или «самообразование».

В 1914 г. вступил в РСДРП.

В 1918 г. Бабушкин служил начальником охраны в правлении Рязано-Уральской железной дороги. В 1919 г. он уже комиссар почтового телеграфного округа, в том же году возглавляет штаб обороны Южного фронта, затем год командует караульным полком в Саратове. В 1920 г. он назначен начальником губернской милиции, однако карьера его неожиданно обрывается. С 1921 по 1924 г. Бабушкин числится фельетонистом в редакции «Саратовских известий». С 1924 по 1926 г. Бабушкин живет в Москве и заведует редакцией издательства «Новая деревня», однако снова получает партийное назначение в Саратов. В конце 1930 г. Бабушкин, как указано в анкете, «по личному желанию» пытается перебраться в Москву, но уже в начале 1931 г. возвращается на родину, чтобы возглавить саратовский охотничий союз. К 1933 году Виктор Бабушкин проходит по документам как «безработный инвалид».

Еще в 1924 г. за статью в газете писатель получает выговор по партийной линии, а в феврале 1928 г. – строгий выговор с предупреждением за «принадлежность к оппозиции». Тем не менее в 1934 г. Бабушкина посылают делегатом от Саратовского края на Первый съезд советских писателей в Москве.

Однако в феврале 1935 г. Бабушкина исключают из партии, а 15 марта выходит постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 10 УК РСФСР (контрреволюционная агита-

[1] Виктор Бабушкин. Дни великих событий. – Сарат. кн. изд-во, 1957.

[2] Писатели Саратова: биобиблиографический справочник. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1977. С. 16.

[3] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 5. Саратовский губком ВКП(б). Учетные карточки членов ВКП(б) образца 1926 года.

ция и пропаганда). Постановление подписали уполномоченный СПО-1 УГБ УНКВД Саратовского края Кочанова[4], начальник I отдела СПО Б. Скорбин[5] и начальник СПО УГБ УНКВД Лисицын[6]. Примечательно, что по уголовному делу ОФ 10709[7] писатель проходил вместе с женой Анной Васильевной.

16 марта в квартире Бабушкиных по адресу: ул. Ленинская, д. 87, кв. 9 был проведен обыск. Сотрудники УГБ УНКВД Дубровский[8] и Коган[9] изъяли журналы «Искра» за 1917 год, письма и тетради с записями, книги Троцкого и самого Бабушкина, а также «револьвер системы Браунинг №20431 с 10 патронами». Писателя доставили в специзолятор НКВД.

17 марта состоялся первый допрос «инвалида II группы, пенсионера, пролетарского писателя». Следователь записал, что Виктор Бабушкин был исключен из партии *«как двурушник и скрывший от контрольных органов ВКП(б) выговор в 1924 г. за статью против члена бюро губкома, а также строгий выговор с предупреждением, полученный в 1927 г. за принадлежность к оппозиции»*. Это ложь: в учетной карточке коммуниста, заполненной в 1930 г., значатся оба взыскания, наложенные органом под названием «Губкака», т.е. Саратовской губернской контрольной комиссией. Кроме того, формуляр 1934 г. содержит пометку *«Проверку прошел в Октябрьск<ой> орган<изации> ВКП(б) г. Саратова 25/VIII-30 г.»*. Следовательно, партийному руководству эти факты были хорошо известны и скрыть их было невозможно. Виктор Федорович на допросе пояснил: *«Эти формулировки по-моему считаю неправильными, и по этому вопросу мною подано заявление в бюро крайкома ВКП(б). До революции в 1916 г. арестовывался жандармским управлением вместо меня мой брат Николай Федорович, благодаря чему мне удалось избежать ареста и скрыться в Москву. После революции репрессиям не подвергался»*.

Писатель уточнил, что *«до октябрьской революции был слесарем завкома ж/д мастерских, затем был с 1917 г. в семи или восьми созывах членом саратовского губкома и горсовета. В августе примерно 1917 г. был членом саратовского губкома ВКП(б). Перед октябрьской революцией был первым секретарем ж/д райкома ВКП(б). <...> в Красной гвардии в Саратове был главным комиссаром РУЖД. В 1918-1919 гг. – инспектор особых поручений при штабе обороны дорог Южфронта. 1919 г. – комиссар караульного полка в Саратове. После – комиссаром транспорта 5-й армии. В 1920 г. демобилизовался на работу в милиции, а затем на гражданскую работу»*.

Следующий допрос, проведенный 20 марта помощником начальника СПО УГБ УНКВД по Саратовскому краю Епифановым[10], касался существа дела.

Вопрос: Принадлежали ли Вы когда-либо к антипартийным группировкам?

Ответ: За время пребывания моего в ВКП(б) я, Бабушкин Виктор Федорович, никогда ни к каким группировкам не принадлежал.

Вопрос: Кто из лиц, принадлежавших к антипартийным группировкам, известен Вам?

---

[4] Кочанова Клавдия Григорьевна – младший лейтенант государственной безопасности. Здесь и далее сведения о работниках НКВД приводятся по справочнику nkvd.memo.ru

[5] Скорбин Борис Петрович. С 22 марта 1936 г. – младший лейтенант государственной безопасности. Затем зам. нач. 3 отдела УНКВД Саратовской области. Уволен «вовсе с исключением с учета из-за невозможности использования на работе» (приказ НКВД СССР № 617 от 27.03.1939).

[6] В справочнике nkvd.memo.ru размещены данные о 10 сотрудниках государственной безопасности с фамилией Лисицын, однако ни один из них не служил в Саратовском крае.

[7] Документы из архивного уголовного дела, которое хранится в УФСБ России по Саратовской области, цитируются без указания листов.

[8] Дубровский Владимир Григорьевич. С 22 марта 1936 г. – лейтенант государственной безопасности.

[9] В справочнике nkvd.memo.ru размещены данные о 20 сотрудниках государственной безопасности с фамилией Коган, однако ни один из них не служил в Саратовском крае.

[10] Епифанов Михаил Степанович. С 22 марта 1936 г. – лейтенант государственной безопасности. Затем начальник 2 отдела ЭКУ УНКВД Саратовской области. Уволен в запас «за невозможностью дальнейшего использования в ГУГБ» (приказ НКВД СССР № 930 от 25.04.1939).

Ответ: В 1927 г. в г. Саратове я, Бабушкин Виктор Федорович, на почве личных отношений имел связи с троцкистами Лелевичем[11], Ильиным и Волоховским, а также с сапроновцем[12] (децистом[13]) Воскресенским и с самим Сапроновым, находившимся в Москве, но приезжавшим в 1927 или 1928 г. один раз в Саратов.

Вопрос: Где встречались Вы с указанными Вами Лелевичем, Ильиным, Волоховским, Воскресенским и Сапроновым?

Ответ: С троцкистами Лелевичем, Ильиным и Волоховским, а также сапроновцем Воскресенским я встречался в Саратове на общих партийных собраниях и на улице. Кроме того, Лелевич с женой и Воскресенский бывали у меня на квартире, причем первый за 1927 г. был у меня раза два, а второй, Воскресенский, бывал у меня часто, так как он в то время пребывал в <в состоянии> материальных трудностей, и я помогал ему. С Сапроновым я виделся один раз в 1927 г. в Москве, когда я ездил по <...> делу в командировку. А второй раз я виделся с ним, с Сапроновым, в Саратове, куда он приезжал дня на два по своим антипартийным делам.

Вопрос: Вели ли Лелевич, Ильин, Волоховский, Воскресенский, Сапронов с Вами обсуждение политических вопросов и в каком направлении?

Ответ: При встрече в 1927 г. с Лелевичем, Ильиным, Волоховским, Воскресенским и Сапроновым я участвовал в разговорах по партийным политическим вопросам в троцкистском и сапроновском духе. Самого характера обсуждавшихся вопросов я не помню.

Вопрос: Давали ли Вам указанные лица антипартийную литературу и документы для чтения и распространения?

Ответ: Когда я был в Москве на квартире у Сапронова, то последний дал мне один экземпляр его платформы, который я прочитал и взял с собою.

Вопрос: Давали ли Вы кому-нибудь читать полученную от Сапронова его антипартийную платформу?

Ответ: Получив от Сапронова указанную платформу, я пошел к жившему в то время в Москве тов. Хвесину[14], которому рассказал о полученной мной от Сапронова платформе и встрече с последним. Тов. Хвесин предупредил меня о контрреволюционной сущности этой платформы и посоветовал мне порвать связь с Сапроновым. Однако, я, Бабушкин Виктор Федорович, указанную платформу привез в Саратов, а позднее, когда в Саратов, как я уже показал выше, приезжал Сапронов, я с ним виделся и мы вместе с ним говорили по партийно-политическим вопросам, характер которых я сейчас не помню. Давал ли полученную от Сапронова платформу читать Лелевичу, Воскресенскому и другим указанным мной выше лицам, я сейчас не могу припомнить.

Вопрос: Выступали ли Вы публично в защиту антипартийных позиций и лиц, участвовавших в антипартийной деятельности?

Ответ: Еще в 1920 или в 1921 году я, Бабушкин Виктор Федорович, вместе с тов. Хвесиным, Папковым и Эйге подписал троцкистскую платформу о профсоюзах. В 1927 г. на партийном собрании ячейки завода «Универсаль» я выступал в прениях по докладу тов. Гринштейн[15] и возражал против данных им в докладе партийных установок о порядке землепользования и применения

---

[11] Калмансон Лабори Гилелевич (литературный псевдоним Г. Лелевич; 1901–1937) – поэт, литературный критик, один из руководителей ВАПП. Во время ссылки в Саратове был членом губернского суда, с 1927 по 1929 г. – доцент кафедры истории русской литературы педагогического факультета Саратовского университета. Постоянный автор газеты «Саратовские известия». Расстрелян.

[12] Сапронов Тимофей Владимирович (1887–1937) – политический деятель. Один из лидеров Левой оппозиции в РКП(б) и ВКП(б). Расстрелян.

[13] Группа демократического централизма («децисты») была сформирована в РКП(б) в 1919 г. В дальнейшем поддерживали Троцкого и входили в Левую оппозицию. Один из руководителей – Тимофей Сапронов.

[14] Хвесин Тихон Серафимович (1894–1938) – военный и государственный деятель, в 1935-1936 гг. председатель Саратовского крайисполкома. Расстрелян.

[15] Гринштейн Александр Яковлевич (1896(7) – 1938) – в 1927 г. секретарь, член президиума Саратовского губисполкома. Расстрелян за антисоветскую агитацию.

наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. В 1927 же году на партконференции 2-го района г. Саратова я, Бабушкин Виктор Федорович, во время изгнания с конференции троцкистов с места предложил не выгонять, а выслушать их. В 1931 г., после возвращения Воскресенского из ссылки, последний ночевал в моей квартире и говорил со мной о своих партийных ошибках и правильности политики партии и сов. власти. После 1928 г. я ни с кем из троцкистов и сапроновцев связи не имел, и обсуждение политических вопросов в агитационном духе не вел.

27 апреля чекисты пришли за женой писателя. Постановление о ее привлечении подписали уже упоминавшиеся Кочанова, Скорбин и Лисицын, а также заместитель начальника управления НКВД Саратовского края Якубовский[16]. Анне Васильевне Бабушкиной также вменялась «антипартийная контрреволюционная деятельность».

29 апреля Бабушкина сообщила следователю Кочановой, что *«в последнее время работала секретарем крайкома МОПРа[17]. Отец – чернорабочий, мать – грузчицей. Училась в саратовской гимназии. После революции служила на разных работах».*

7 мая Анну Васильевну допрашивал Б. Скорбин:

Вопрос: Принадлежали ли Вы к антипартийным группировкам за время Вашего пребывания в ВКП(б)?

Ответ: К антипартийным группировкам я не принадлежала, но в 1929 г. комиссией по чистке мне был объявлен выговор за лояльное отношение к оппозиционным элементам. Впоследствии выговор был отменен.

Вопрос: Имели ли Вы связи с лицами, враждебными партии, участниками антисоветских группировок?

Ответ: Я была знакома с Лелевичем, Вардиным, Воскресенским и Окуневым Павлом, приходившим к нам в квартиру. Впоследствии Лелевич и Воскресенский были сосланы по линии ОГПУ как троцкисты. Мое знакомство с ними относится к 1927-1928 гг. С Воскресенским я встретилась на улице и в квартире у себя после его возвращения из ссылки примерно в 1931-1932 гг.

Вопрос: С кем Вы поддерживали знакомство в Саратове за последние годы?

Ответ: Я поддерживала знакомство со следующими лицами: Тимофеев Алексей Иванович, член ВКП(б), рабочий управления РУЖД; Шульга Иван и его жена Шульга Анна, члены ВКП(б); Софьин Максим, работник управления лесами; Архипова, Маркова, сотрудницы МОПРа; Симбирцева, пом. режиссера в театре им. Карла Маркса; Пыщева, учащаяся химфака; Шынгина, Григорьева, члены ВКП(б), в настоящее время в Москве. Все эти лица посещали мою квартиру.

Кроме того, к моему мужу Бабушкину Виктору приходили местные литераторы: Волков[18], Земной[19], Русецкий[20] (художник) и др.

---

[16] Якубовский Якуб Александрович (1899–1967) – майор государственной безопасности.

[17] Международная организация помощи борцам революции.

[18] Волков Виталий Михайлович (1910–1938?) – поэт, журналист. Арестован 5 декабря 1935 г. и осужден за антисоветскую агитацию. Освобожден по состоянию здоровья, умер в Саратове зимой 1937-1938 гг.

[19] Земной Вадим Павлович (Иван Глухота) (1902–1980?) – поэт. С 1934 г. – секретарь краевого союза ССП. Преподавал политэкономию и историю классовой борьбы в вузах Саратова. 28 марта 1937 г. Вадим Земной писал генеральному секретарю Союза писателей СССР Владимиру Ставскому: «Около двух лет в одиночку, лишенный поддержки, боролся я с контрреволюционерами Бабушкиным и Волковым (первый – наглый троцкист, второй – больше пяти лет собирал антисоветские анекдоты и частушки и распространял их среди своих знакомых). Оба они возглавляли Саратовское отделение С.С.П. вплоть до изъятия их органами НКВД. Теперь никто не сомневается, что Бабушкин – враг, но тогда принципиальную политическую борьбу между мною и Бабушкиным многие считали склокой и травили меня за “несработанность с большим писателем”». См.: Алексей Голицын. «Оздоровить здоровой кровью…». Волга, №3-4, 2017.

[20] Русецкий Федор Петрович (1905–1966) – поэт, художник, иллюстратор, автор книг для детей.

Из родственников нас посещали Бабушкин Николай, бывший член ВКП(б), исключенный или добровольно вышедший из партии, и сестры Виктора Бабушкина.

Вопрос: Среди Ваших родственников имеется кто-либо раскулаченный или лишенный прав?

Ответ: Мой отчим Сизов Петр Сергеевич, проживавший у нас в квартире и умерший в 1933 г., лишался прав за что-то, точно не знаю, кажется, за принадлежность к буржуазии. Впоследствии он в правах был восстановлен.

Мой дядя Пытин Афанасий Васильевич, работал на мостострое осужденным. Но детали этого дела, почему и как он осужден, я не знаю. Ему, Пытину, я однажды по его письменной просьбе послала на мостострой посылку и в письме спрашивала о причинах пребывания на работах на мосту, но ответа от него не получила.

Допрос Анны Бабушкиной продолжился 16 мая и был краток:

Вопрос: Расскажите, с кем из ссыльных, находившихся в г. Саратове, Вы и Ваш муж Бабушкин поддерживали связь?

Ответ: Нашу квартиру несколько раз посещал ссыльный Цвелев Василий[21], который приходил к моему мужу Виктору Бабушкину совместно с другими лицами (Волков, Земной и др.). Лично я была знакома и встречалась с ссыльными: сапроновцем Драгичем[22], который рассказывал мне, что он живет у местных троцкистов, а также высказывал резкие антисоветские взгляды о том, что якобы в СССР тюрьмы хуже фашистских тюрем, что в деревне обирают мужиков и т.д. Драгич, называя себя сапроновцем, также рекомендовал себя членом ЦК компартии Сербии или Болгарии. В одну из наших встреч Драгич просил меня в случае его ареста сообщить об этом (об аресте) за границу по нескольким адресам. Эти адреса Драгич предполагал мне дать, но не дал. О моем знакомстве с Драгичем я рассказала Бабушкину, сообщив ему, что появился сапроновец Драгич и я хочу их (Бабушкина и Драгича) познакомить. Бабушкин от знакомства с Драгичем отказался.

Весь май и июнь шли допросы знакомых и соседей четы Бабушкиных. Так, например, для дачи показаний привлекался старший консультант саратовского государственного арбитража Сергей Федорович Будищев:

Вопрос: Известен ли Вам гражданин Бабушкин Виктор Федорович?

Ответ: Бабушкина Виктора Федоровича я знаю примерно лет пять по встречам в саратовском союзе охотников. В свое время Бабушкин В.Ф. был председателем союза охотников.

Вопрос: Известно ли Вам политическое лицо Бабушкина?

Ответ: Бабушкин, как мне известно, состоял в рядах ВКП(б), но, судя по его провокационным выступлениям в клубе союза охотников Саратова в кругу социально чуждых элементов, собиравшихся в названном клубе, у меня сложилось впечатление о Бабушкине как лице, политически разложившемся и контрреволюционного настроения.

Вопрос: Расскажите о контрреволюционных фактах, свидетелем которых Вы были.

Ответ: Зимой 1934 г. я находился вечером в клубе союза охотников. Бабушкин в кругу целого ряда охотников, примерно в числе 15 человек, находившихся в клубе, обсуждал встречу с <...> на строительстве саратовского моста. <...> Среди собравшихся делались различные догадки о количе-

[21] Цвелёв Василий Алексеевич (1907–1985) – поэт, переводчик. В 1934 г. – выпускающий редактор саратовской газеты «Молодой сталинец».

[22] В базе данных красноярского общества «Мемориал» значится югослав Станко Драгич.

стве погибших при катастрофе[23]. Распространялись всякого рода провокационные слухи по этому поводу. Бабушкин во всеуслышание сделал по этому поводу следующее контрреволюционное заявление <...> свидетельствую о транспортной катастрофе на строительстве саратовского моста <...> шумиха вокруг спасения челюскинцев. Для спасения дурака, не сумевшего вывести со льда своих спутников на землю (имеется в виду профессор Шмидт) создали целую правительственную комиссию <...> затребовали большие средства. А здесь, под боком, у нас в Саратове гибнет 250 человек, и никто об этом ни слова не говорит. И поверьте, правду о катастрофе на мосту и количестве погибших вы никогда и не услышите. <...>

Зимой 1933-1934 гг. в Саратове имели место аварии на электротранспорте, в связи с чем днями приходилось выключение света, и город оставался без освещения. В один из таких вечеров зимой 1933-1934 гг. я находился в клубе союза охотников, где присутствовал также Виктор Бабушкин и целая группа охотников. Клуб в этот вечер не имел электроосвещения. Бабушкин В.Ф. истолковал этот случай <...> Он заявил среди собравшихся по этому поводу следующее: «Вот посмотрите, стоят различные заводы <...> с народа снимают последнюю шкуру, а из этого ничего не выходит, потому что взялись за то, чего мы еще не умеем делать. <...> В результате получается, что деньги на это строительство с народа берут, а все равно ничего не выходит и сидим без света».

Из среды саратовских литераторов органы обратили внимание лишь на двух знакомых Виктора и Анны Бабушкиных. Свидетелем по делу проходил поэт Николай Корольков[24] и обвиняемым – художник Федор Русецкий. Приводим полностью протоколы их допросов, записанные начальником IV отдела СПО УГБ НКВД Саратовского края Лихачевским[25].

Протокол допроса
Королькова Николая Романовича

от 17 мая 1935 г.

Вопрос: Что из себя представляют Ваши окружение, связи?

Ответ: Я уже несколько лет занимаюсь газетной работой и живу почти безвыездно в гор. Саратове, если не считать командировок, связанных с характером моей работы разъездного корреспондента редакции газеты «Коммунист». Мои знакомства ограничиваются кругом газетных работников и писателей гор. Саратова. Большинство из них мне известны.

Вопрос: Какие отрицательные антисоветские проявления Вам известны из числа имевших место в среде газетных работников и писателей гор. Саратова?

Ответ: Прежде чем прямо ответить на этот вопрос, я считаю нужным в интересах и большей ясности несколько характеризовать работу союза писателей и те проявления политических настроений, которые имели место в их среде. Дело в том, что саратовские писатели уже несколько лет не ведут настоящей советской творческой работы. Итог этого к настоящему дню сказался в том, что правление саратовского союза советских писателей, наметив выпуск альманаха и готовясь к этому уже около года, все еще не решается это сделать из-за отсутствия достаточно полноценных художественных произведений.

[23] Обрушение пролета строящегося железнодорожного моста через Волгу произошло 13 апреля 1934 г. По неподтвержденным данным, погибли около 150 рабочих. Официально в братской могиле были захоронены тела 21 строителя. Процесс над виновниками аварии освещался газетой «Правда Саратовского края».

[24] Корольков Николай Романович (1906–1983?) – поэт, журналист.

[25] Лихачевский Леонид Иванович (1905–1940). С 22 марта 1936 г. – лейтенант государственной безопасности. Расстрелян.

Объяснение этого кроется в той нездоровой обстановке, которая сложилась и до самого последнего времени существовала в среде писателей и газетных работников. Сущность ее заключается в том, что среди них распространились антисоветские суждения преимущественно вокруг вопросов искусства. Делались попытки противопоставить часть писателей и газетных работников против партийной части и руководства редакции газеты «Правда Саратовского края», в настоящем переименованную в газету «Коммунист». Разжигалась склока, вносились элементы морального разложения, систематические пьянки на квартирах друг у друга, в ресторанах, пивных. Вот это мне и известно как элементы антисоветских проявлений в окружавшей меня среде.

Вопрос: От кого исходили охарактеризованные Вами в общих чертах антисоветские проявления в среде газетных работников и писателей?

Ответ: Насколько мне известно самому и из бесед с другими сотрудниками редакции газеты «Коммунист», все описанные мной отрицательные антисоветские проявления шли от писателя Бабушкина и группировавшихся вокруг него художников Зубова Юрия[26] и Русецкого Федора. Помимо них, с Бабушкиным общались еще и другие газетные работники: художник Софьин[27], писатель Виталий Волков, но характер их связи с Бабушкиным мне не известен. Бабушкин, Зубов и Русецкий были организаторами систематических попоек, в которые втягивали газетных работников и писателей. На устраиваемых ими сборищах обрабатывалось мнение газетных работников и писателей в направлении противопоставления их партийной части редакции. По-видимому, велись и другие явные контрреволюционные разговоры. Предполагаю это на основании разговоров о их поведении.

Мой товарищ по работе Уланов Александр мне говорил, что Зубов на одном из таких сборищ провозглашал на немецком языке тост за Гитлера, заявлял: «Да здравствует Гитлер!».

Особенно активную работу вел Бабушкин против партийной части редакции, в частности, против редактора Казымова[28]. Пользуясь своим влиянием среди писателей и при поддержке своих приверженцев, Бабушкин на заседании правления союза писателей поставил этот вопрос на обсуждение. Воспользовался Бабушкин для этого фактом невыпуска в печать составленного под его редакторством литературной страницы для газеты «Правда Саратовского края».

Вследствие того, что содержание литературной страницы не отвечало требованиям момента, редакция ее в печать не пустила. Бабушкин, которому было поручено редактирование и выпуск литературных страниц как заведующему литературным отделом редакции, несмотря на то, что его касалось как сотрудника редакции, поднял вопрос на правлении союза писателей, осветил редактора Казымова как человека, не разбирающегося в художественном творчестве, зажимающего литературное творчество и т.п.

Пользуясь еще и тем, что большинство членов правления союза писателей были заинтересованы в выпуске литературной страницы, т.к. там имелись и их произведения, Бабушкину удалось добиться решения направления против Казымова и опротестовывающего его поступок. Главный итог заключается не столько в этом, как в том, что в среде писателей было создано враждебное отношение против Казымова, безусловно правильно требовавшего хорошей советской творческой работы.

---

[26] Зубов Юрий Викторович (1908–?) – художник, сотрудник редакции газеты «Коммунист». Арестован УНКВД по Саратовскому краю 21 апреля 1935 г. Осужден 2 октября 1935 г. к трем годам лишения свободы за антисоветскую агитацию. Реабилитирован 14 сентября 1956 г. (Книга памяти Саратовской обл.)

[27] Софьин Александр (1899–1943) – художник, график. В 1930-е годы работал в редакции газеты «Правда Саратовского края». Погиб на фронте.

[28] Казымов Петр Андреевич (1897–?). С января 1934 г. по июнь 1935 г. ответственный редактор «Правды Саратовского края». В 1934 г. был председателем оргкомитета саратовского отделения Союза писателей. 7 июля 1935 г. получил взыскание за «грубое извращение директив партии и нарушение партийной дисциплины».

Лично меня Бабушкин использовал для распространения провокационных, компрометирующих писателя, коммуниста Вадима Земного, слухов. Как-то вскоре после всесоюзного съезда советских писателей Бабушкин через газетных работников, и в том числе меня, распространял слух о том, что Вадим Земной является не членом ВКП(б), что он якобы скрылся из Сибири и Дальнего Востока, что он там должен был судиться за изнасилование и т.д. Все это впоследствии не подтвердилось, и я понял, что не придав значения словам Бабушкина, сам стал жертвой его замыслов. С какой целью поднял Бабушкин подобную кампанию преследования Земного, я не знаю.

Вопрос: Известен ли Вам сотрудник редакции газеты «Коммунист» Черепанов Константин?

Ответ: Да, я его знаю, знаком с ним с декабря месяца 1934 г.

Вопрос: Что Вам известно о его контрреволюционной работе?

Ответ: В отношении его я знаю только то, что он в кругу газетных работников и писателей иногда высказывался как человек политически неустойчивый. Он прямо заявлял, что состоит в «оппозиции к эпохе», что «совершенно себе не представляет людей при коммунизме». Говорил, что при коммунизме не будет живого человека, а будут манекены, люди, работающие и живущие по выработанному стандарту и т.п. Я и другие свидетели подобных его высказываний, Уланов и Субботин, сотрудники редакции газеты «Коммунист», неоднократно убеждали его воздерживаться от высказывания таких мыслей.

Протокол допроса

обвиняемого

Русецкого Федора Петровича,

1905 г.р., уроженца села Заплавное Сталинградского края, русский, художник газеты «Молодой сталинец», сын мещанина, образование среднее, беспартийный, со слов несудим.

7 июня 1935 г.

Вопрос: На какой политической основе Вы были связаны с Зубовым Ю. и Черепановыми?

Ответ: Как Зубова, так и Черепанова знал как сотрудников редакции газеты бывшая «Поволжская правда». Зубова знаю несколько ближе. Связи с ним, построенной на какой-либо политической основе, я не имел.

Вопрос: Вы являлись участником сборищ, на которых подвергались обсуждению в контрреволюционном направлении политические вопросы, критиковалась политика советской власти, ее мероприятия, высказывалось враждебное отношение к членам советского правительства. Подтверждаете ли это?

Ответ: Это я отрицаю.

Вопрос: В какой обстановке Вам приходилось встречаться с Зубовым Ю.?

Ответ: Помимо встреч на работе, я совместно с Зубовым участвовал в сборищах художников и газетных работников, устраивавшихся в ресторанах и на квартирах друг друга. На этих сборищах присутствовали Бабушкин, Зубов, я – Русецкий, Волков Виталий, Виктор Тимохин[29], Александр Софьин и Владимир Ефремов, а также Корольков Николай.

Вопрос: Охарактеризуйте цель этих сборищ.

Ответ: На почве недовольства условиями творческой работы, существующими в Советском Союзе, мы на своих сборищах критиковали политику партии, советского правительства в области литературы, искусства в антисоветском духе. В последующем подвергали антисоветскому обсуждению политику сов. власти в колхозном строительстве.

Вопрос: Расскажите подробнее, приведите конкретные факты антисоветских обсуждений политических вопросов, происходивших на сборищах, участником которых Вы являлись.

Ответ: Конкретные факты и подробности антисоветских обсуждений политических вопросов, проводившихся на сборищах, в которых принимал участие я лично, я воспроизвести затруд-

[29] Тимохин Виктор Александрович (1909–1967) – поэт, журналист.

няюсь. Основное же направление, по которому они велись, заключалось в том, что мы критиковали политику сов. власти в области искусства и литературы как неправильную, считали ее такой. Мы доказывали, что будто бы сов. власть лишила искусство и литературу объективности, что они зажаты, что мы поставлены в условия, когда нам позволено «работать» якобы только в пределах строго очерченных рамок и отображать как в литературе, так и в искусстве жизнь только односторонне. С такого рода утверждениями на устраивавшихся сборищах неоднократно выступал и лично я, Русецкий Федор. Критиковались нами в антисоветском духе и мероприятия сов. власти в области колхозного строительства. Мы считали, что, проводя коллективизацию, советское правительство наносит громадный ущерб населению страны.

На этом показания Русецкого неожиданно прерываются, о чем в деле имеется соответствующая запись. Повторных допросов не последовало. Тем не менее собранный материал позволил чекистам Дубровскому и Лисицыну утвердить обвинительное заключение по следственному делу № 3378:

«Начиная с 1932 г., в УНКВД стали поступать сведения о том, что члены ВКП(б), ныне исключенные Бабушкин Виктор Федорович и Бабушкина Анна Васильевна устраивают у себя на квартире сборища членов ВКП(б), беспартийных, адмвысланных, на которых занимаются антипартийной деятельностью, выражающейся в злостной критике политики и руководства партии, распространении разного рода провокационных слухов. После исключения из ВКП(б) Бабушкина и Бабушкиной как двурушников, последние были арестованы.

Материалами следствия устанавливается:

Бабушкин в 1927-1928 гг. являлся активным участником контрреволюционной сапроновской группы, входил в состав организационного ядра группы, был лично связан с Сапроновым, с которым в то время встречался в Москве и в Саратове и от него получал нелегальную литературу. В его квартире устраивались сборища сапроновцев и троцкистов, хранилась нелегальная контрреволюционная литература. Был близко связан с лидером саратовской группы троцкистов Лелевичем, Вардиным и др. (Показания Воскресенского, Крошечкина, Волоховского, Петровской <...>).

В 1921 г. Бабушкиным была подписана платформа профоппозиции.

Бабушкина А.В. также принимала участие в деятельности троцкистов-сапроновцев. В ее присутствии происходили сборища контрреволюционных оппозиционных элементов в их квартире и обсуждение контрреволюционных документов. Была связана с Лелевичем, Вардиным, Воскресенским и др. (Показания Воскресенского, Горичкиной, Петровской, Крошечкина, Плясова <...>).

В 1931 г. при проезде из ссылки через Саратов бывшего руководителя сапроновской группы Воскресенского, Бабушкин в беседе с ним высказал сожаление по поводу отхода его, Воскресенского от сапроновцев, заявив ему, что он, Бабушкин, остается по-прежнему несогласным с политикой партии, т.к. считает, что внутрипартийная «демократия по-прежнему отсутствует, продолжает цвести бюрократизм как в советском, так и в партийном аппаратах» (Показания Воскресенского).

Сохранившись в партии, Бабушкины путем двурушничества продолжали свою контрреволюционную антипартийную деятельность. На протяжении 1932-1935 гг. Бабушкины группировали вокруг себя антисоветский из среды беспартийных, адмвысланных и примиренческий элемент – из среды членов ВКП(б), устраивая у себя на квартире сборища, вели среди них злостную критику политики руководства партии. По показанию свидетеля Тимофеева, в 1932-1933 гг. в его присутствии при неоднократных сборищах Бабушкин резко антипартийно, антисоветски критиковал политику и руководство ВКП(б). О сборищах в квартире Бабушкиных, на которых Бабушкины занимались контрреволюционной критикой и обсуждением провокационных слухов, направленных против руководства партии, также указывает в своих показаниях свидетельница Пыщева.

В 1933 г. Бабушкина связалась с адмссыльным, активным сапроновцем Ковалевым-Драгичем, ныне, после побега из ссылки из гор. Саратова, заключен в концлагерь. Вела с ним беседы на контрреволюционные темы, разделяя его взгляды. Драгич же, по ее, Бабушкиной, признанию, должен был дать ей адреса за границу, для сообщения туда в случае его ареста. По показанию свидетелей

Будищева, Мальцева, Тимофеева и Деканори, Бабушкин, работая в союзе охотников, вел открытую контрреволюционную агитацию среди членов союза охотников против мероприятий и политики партии, в вопросах индустриализации страны, колхозного строительства.

Работая в союзе писателей, Бабушкин, вместе с Зубовым и Русецким (ныне арестованы), разлагали деятельность этой организации, были организаторами систематических попоек и пьяных оргий, в которые втягивали газетных работников и писателей. На устраиваемых ими сборищах обрабатывались мнения газетных работников и писателей в направлении противопоставления их партийному руководству (Показания Королькова и Русецкого).

Таким образом, материалами следствия контрреволюционная антипартийная деятельность Бабушкина Виктора Федоровича и Бабушкиной Анны Васильевны вполне подтверждена.

На основании изложенного обвиняются:

1. Бабушкин Виктор Федорович, 1894 г.р., уроженец Саратова, из рабочих, служащий, образование нисшее[30], по специальности писатель, инвалид 2-й группы, бывший член ВКП(б), исключен в феврале с.г. как двурушник, в том, что он, состояв в 1927-1928 гг. в контрреволюционной сапроновской группе, скрыл свою активную контрреволюционную деятельность в этой группе. Сохранившись в партии, Бабушкин продолжал вести двурушническую контрреволюционную деятельность, выражавшуюся в контрреволюционной агитации и злобной контрреволюционной клевете на политику и руководство партии и правительства. Группировал вокруг себя социально чуждых и антисоветских элементов, каковые преступления предусмотрены ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Виновным себя не признал.

2. Бабушкина Анна Васильевна, 1897 г.р., уроженка деревни Панцыровка Баландинского района Саратовского края, служащая, образование среднее, бывший член ВКП(б), исключена 5 мая с.г. как троцкист-двурушник, в том, что, скрыв от партии свою принадлежность к контрреволюционному троцкизму, в 1927-1928 гг. продолжает свою контрреволюционную деятельность путем злобной антисоветской агитации, распространения разного рода клеветы по отношению к политике руководства партии и правительства. Была связана с адмссыльным активным сапроновцем Драгичем, от которого получила предложение по указанным им адресам сообщить за границу в случае его ареста, каковое преступление предусмотрено ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Виновной себя не признала.

Полагал бы следдело № 3378 по обвинению Бабушкина Виктора Федоровича и Бабушкиной Анны Васильевны следствием считать законченным и направить для внесудебного рассмотрения в особое совещание НКВД, предварительно согласовав с прокурором по спецделам».

8 июня 1935 г. Виктор Бабушкин был осмотрен в санчасти УНКВД профессором Н.И. Краузе[31] и врачом Чесноковым в присутствии начальника санчасти тов. Неменова и тов. Языкова. К делу приобщено медицинское заключение:

«При осмотре оказалось: больной страдает резким малокровием на почве часто повторяющихся кровотечений из язвы двенадцатиперстной кишки, которые проявляются в виде обильной кровавой рвоты и черного дегтеобразного стула. Давность заболевания, по его словам, 12 лет. Неоднократно проводимое специальное терапевтическое лечение давало кратковременное улучшение. Учитывая последний момент, а также непрекращающееся кровотечение и резкие боли, которые за последнее время приобретают довольно постоянный характер и говорят за наличие перидуоденита (воспаление вокруг двенадцатиперстной кишки), а следовательно и о прогрессирующем течении язвы, считаем, что в настоящем случае показано оперативное лечение, но ввиду тяжелого малокровия, которое представляет опасность для больного при оперативном вмешательстве, необходимо провести предварительное лечение в направлении улучшения состава крови. При наличии тяжелого малокровия всякое новое более или менее обильное кровотечение может быть тяжелым <...> Для улучшения общего состояния и подготовки к операции больному необходимо больничное лечение».

[30] Такое написание встречается во всех документах данного уголовного дела, независимо от времени и места их создания.

[31] Краузе Николай Иеронимович (1887–1950) – хирург, профессор Саратовского медицинского института.

17 июня уполномоченный СПО УГБ УНКВД Саратовского края Дубровский нашел, что *«виновность Бабушкина в контрреволюционной троцкистской деятельности подтверждена, но, принимая во внимание, что по заключению врачебной комиссии Бабушкин страдает острым заболеванием, требующим специального лечения, а посему постановил во изменение меры пресечения Бабушкина Виктора Федоровича освободить из-под стражи под подписку о невыезде из гор. Саратова, поместив его в соответствующую больницу для специального лечения».*

В тот же день Виктор Бабушкин был направлен в 1-ю Совбольницу. Его жена Анна с 29 апреля находилась в изоляторе НКВД.

11 июля помощница краевого прокурора по спецделам Соркина подписала заключение:

«Материалом расследования установлено, путем допроса многих свидетелей, что Бабушкины в прошлом, в 1927 г. активные троцкисты. После этого продолжали контрреволюционную деятельность путем поддерживания связей с б. троцкистами, <...> совместные сборища, где осуждали проводимые мероприятия партии и правительства. Кроме того, они проводили среди своих знакомых контрреволюционную агитацию».

Дело Бабушкиных был передано на рассмотрение особого совещания.

14 июля оперуполномоченный НКВД Дубровский, *«приняв во внимание болезненное состояние Бабушкиной Анны Васильевны и что в связи с окончанием следствия по делу в нахождении ее под стражей необходимости нет, а посему постановил обвиняемую освободить из-под стражи под подписку о невыезде из г. Саратова».*

11 сентября особое совещание при НКВД постановило Виктора и Анну Бабушкиных заключить в исправтрудлагерь сроком на три года и *«направить с первым отходящим этапом в г. Новосибирск в распоряжение нач. упр. Сиблага».*

К делу Бабушкиных приобщены два извещения, в которых отражены перемещения заключенных:

«Бабушкин Виктор Федорович, осужден 11.09.1935 г. за контрреволюционную деятельность на 3 года, прибыл 26.10.1935 г. из Саратовской тюрьмы, убыл 11.09.1938 г. в г. Астрахань, освобожден по отбытии срока наказания и справки № 11582 от 15.09.1938 г.»;

«Бабушкина Анна Васильевна, 1897 г.р., осужденная ОСО при НКВД СССР 11.09.1935 г. за контрреволюционную агитацию сроком на 3 года, прибыла 11 июня 1938 г. из Ухтоижемлага НКВД <в управление Воркутпечлага>, убыла г. Астрахань Сталинградской области, освобождена по отбытии 11 февраля 1939 г.».

Выйдя на свободу, супруги Бабушкины не имели права вернутся в Саратов, поэтому жили в Астрахани, а в начале 1942 г. были вынуждены переехать в Актюбинск Казахской ССР. Во время войны Анна Васильевна работала там старшей медсестрой в городской поликлинике, а Виктор Федорович – слесарем-электросварщиком на заводе. Оба бывших зека были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Вероятно, в 1947 г. Бабушкины начали хлопотать о возвращении в Саратов. Так, в их деле сохранились справки о том, что Анна Васильевна *«антисоветских настроений не проявляет и работает лечпрофсектором при Горздравотделе»*, а Виктор Федорович *«показал себя с положительной стороны, инвалид 2-й группы, имеет сына в советской армии».*

Директор завода «Большевик» по фамилии Тылкин подписал Бабушкину производственную характеристику, где говорилось: *«К работе относится добросовестно. Работая слесарем по ремонту, он обеспечивает ремонтом вверенные ему агрегаты, из-за чего простоев не бывает. Товарищ Бабушкин за время работы в чугунолитейном цехе обучил группу молодых слесарей, которые сами справляются хорошо со своей работой. Был неоднократно премирован и награжден медалью».*

Несмотря на это, право жить в Саратове супруги не получили, но им удалось переехать в город Энгельс Саратовской области. Оттуда 25 июня 1950 г. Виктор Бабушкин написал заявление в комиссию по помилованию при председателе Верховного Совета СССР:

«Дело мое следующее. В 1935 г. я был арестован отделом НКВД в г. Саратове. Мне предъявили ст. 58-10. Особое совещание в Москве Ягодинское приговорило меня к 3 годам в ИТЛ. На суд меня не вызывали, судили заочно.

Моя биография коротко. Мой дед, мой отец, мои братья, я – все мы рабочие-металлисты. Я родился в 1894 г. в Саратове. 11 лет, после окончания начальной трехклассной школы я пошел работать учеником в слесарную мастерскую к кустарю. Потом работал на фабриках, заводах, в жел. дор. мастерских, на пароходах и т.д. В 1914 г. в Саратове, работая в жд мастерских, вступил в партию РСДРП. В 1916 г. за активное участие в забастовке был репрессирован, уволен из мастерских и отправлен на фронт. В 1917 г., в апреле месяце вернулся в Саратов и поступил опять в железнодорожные мастерские и как большевик принял активное участие в борьбе с меньшевиками, эсерами и др. буржуазными партиями. В 1917 г. вступил в Красную гвардию, участвовал в захвате власти в Саратове. Был членом первого большевистского президиума совета рабочих и солдатских депутатов. Был членом исполкома рабочих и солдатских депутатов нескольких созывов. Работал по организации отрядов по борьбе с белыми. Командовал отрядом против белых чехословаков. Организовывал партизанские кавалерийские отряды. Работал начальником охраны Рязано-Уральской железной дороги. Принимал активное участие в организации Красной армии. Документы прилагаю.

С 1917 г. начал печататься в большевистских газетах и журналах, а с 1920 г. перешел исключительно на литературную работу. Работал в Саратове и в Москве в газетах, журналах, издательствах и в кинофабрике. Работал фельетонистом, очеркистом и т.д. Печатал свои повести и рассказы в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия» и др. Мною написаны и изданы книги:

В 1925 г. «На правильную линию». Издательство «Новая деревня», Москва.
В 1929 г. «В царских погонах». Издательство «Московский рабочий», Москва.
В 1930 г. «Жизнь». Издательство «Федерация», Москва.
В 1931 г. «В царских погонах». Издательство «Госиздат», Москва.
В 1931 г. «С ружьем по лесам и болотам». Издательство «Федерация», Москва.
В 1932 г. «Враги». «Госиздат», Саратов.
В 1933 г. «Дни великих событий». «Партиздат», Саратов.
В 1934 г. «Кузька, Шарышка и Пётр Тимофеевич» (детская). «Госиздат», Саратов.
В 1934 г. «Рассказы старого охотника» (детская). «Госиздат», Саратов.
В 1934 г. «Бакенщик» (детская). «Госиздат», Саратов.
В 1934 г. «Староречье». «Госиздат», Сталинград
и др.

В 1938 г. по отбытии наказания в ИТЛ я приехал в Астрахань и поступил работать на завод имени Карла Маркса слесарем, где и проработал 3 года. С 1941 по 1948 г. работал в г. Актюбинске слесарем и электросварщиком на заводе «Большевик». За эти годы был много раз премирован и награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», удостоверение № АА 242614.

С 1948 по 1950 г. работал в г. Энгельсе Саратовской области на заводе им. Урицкого механиком литейного цеха. В данный момент – инвалид 2-й группы, имею туберкулез легких.

В продолжение последних 15 лет писать не переставал. За это время написал две книги, повесть и много рассказов. В настоящий момент работаю над новой большой книгой.

Всю свою жизнь я отдал за победу советской власти, за социализм. Мой сын с 1942 г. по сей день находится в рядах советской армии.

Как только я прибыл в ИТЛ в г. Астрахань, я обратился в ЦК партии с просьбой о восстановлении меня в члены партии. Товарищ Ярославский[32] мне ответил, что вступить в партию можно только через первичную организацию. Я несколько раз подавал заявления о вступлении в партию, но меня как бывшего заключенного не принимали.

Прошло 15 лет с момента моего ареста. Я честно работал все эти годы. Прошу комиссию снять с меня судимость и дать возможность работать мне в советской литературе».

[32] Ярославский Емельян Михайлович (настоящие имя и фамилия Миней Израилевич Губельман; 1878–1943) – советский партийный деятель. С 1939 г. – член ЦК ВКП(б).

Однако ни медали, ни лестные характеристики не помешали Особому совещанию при министре государственной безопасности от 29 декабря 1951 г. отказать Виктору и Анне Бабушкиным в снятии судимости. Супруги безуспешно продолжали добиваться реабилитации. 25 января 1956 г. они обратились с письмом к помощнику саратовского областного прокурора Кучерову[33]:

«В добавление к нашим заявлениям считаем необходимым сказать, что следствие велось по нашему делу сугубо тенденциозно. Следователь, желавший во что бы то ни стало доказать недоказуемое, прибегал к незаконным действиям, угрожал и запугивал свидетелей, применяя обман и т.д. Желая обвинить меня, старого большевика, следователь подобрал свидетелей из явных врагов советской власти: бывших дворян, помещиков, царских офицеров, базарных торговцев, уголовных типов и т.д., готовых утопить в ложке воды любого коммуниста. Собирались всякие сплетни, извращались факты или выдумывались.

Мы категорически заявляем, что никогда не были врагами ни партии, ни советского государства и доказали это на протяжении более 40 лет своим честным трудом на благо народа. В тяжелые дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. мы, не покладая рук, не жалея здоровья, работали: Бабушкина А.В. – в госпитале, в больницах, на тифу, я – на заводе. Имеем большое количество премий, благодарностей в приказах. Оба награждены медалями «За доблестный труд». Сын наш, будучи студентом, в мае 1942 г. ушел на фронт добровольцем-рядовым и с тех пор по настоящее время находится в советской армии и имеет боевые награды[34]. Сейчас он заслуженный человек в звании подполковника, несколько раз в мирное время отмечен в приказах как лучший, примерный офицер.

Вся наша семья была, есть и будет, несмотря ни на какие ложные доносы, крепкой коммунистической опорой социалистического строя нашей великой Родины.

Я – тяжело больной старик (туберкулез легких и легочное сердце), инвалид 2-й группы, по сей день работаю, пишу книги, рассказы, повести, что и раньше делал, до ареста. Аудитория у меня большая, и голос мой далеко разносится, прославляя нашу страну.

Только преступники, подлинные враги народа в разгул ягодинщины и ежовщины сумели состряпать дело на нас, засадить в тюрьму, радуясь, что двумя большевиками стало меньше. Но и в тюрьме, и после, ошельмованные, мы все же оставались и останемся до последнего нашего вздоха коммунистами-ленинцами».

Справедливость восторжествовала лишь 28 мая 1956 г., когда вышло

Постановление президиума Саратовского областного суда

Президиум Саратовского областного суда в составе председательствующей Бадьиной А.С., членов президиума Костенко А.М. и Жеребьевой Т.С. с участием и.о. прокурора области тов. Хилько Ф.К. рассмотрел по докладу члена президиума Костенко А.М. дело по обвинению Бабушкина Виктора Федоровича, 1894 г.р., уроженец г. Саратова, женатого, русского, образование нисшее, состоял членом КПСС[35] с 1914 г., но исключенного в связи с данным делом, до ареста работал писателем, не судим, и Бабушкиной Анны Васильевны, 1897 г.р., уроженки <...>, исключена <...>, не судима. Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 11 сентября 1935 г. Бабушкины Виктор Федорович и Анна Васильевна за антисоветскую агитацию осуждены на заключение в ИТЛ сроком на 3 года каждый.

В протесте прокурором области поставлен вопрос об отмене указанного постановления особого совещания в отношении Бабушкиных и прекращения их дела за отсутствием состава преступления в их действиях.

---

[33] Кучеров Дмитрий Алексеевич (1920–2007) – до 1984 г. работник прокуратуры Саратовской области.

[34] Бабушкин Алексей Викторович (1919–?) – в 1943 г. был представлен к медали «За боевые заслуги» за то, что «в течение пяти дней совершенно без сна оказал медицинскую помощь свыше 200 раненым, одновременно вел регистрацию раненых беспрерывно в течение трех суток». В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

[35] Правильно – РСДРП.

Проверив материалы дела, выслушав заключение прокурора, поддерживающего протест, президиум областного суда установил:

Бабушкина Виктора Федоровича и Бабушкину Анну Васильевну, признанных виновными в том, что они скрыли свою принадлежность к троцкизму в 1927-1928 гг., занимались антисоветской агитацией, распространяя разного рода клевету по отношению к политике и руководству партии и советского правительства. Основанием для осуждения Бабушкина В.Ф. и Бабушкиной А.В. послужили показания свидетелей Воскресенского, Волоховского, Пыщевой, Тимофеева и других, допрошенных на предварительном следствии, которые показывали, что Бабушкины в 1927-1928 гг. состояли членами контрреволюционной троцкистской организации, имели связь с троцкистами Лелевичем, Вардиным, Цвелевым и другими, в квартире у себя устраивали сборища, на которых обсуждались с антисоветских позиций мероприятия партии и правительства, возводили клевету на колхозный строй и руководителей партии и правительства.

Допрошенные на предварительном следствии Бабушкин В.Ф. и Бабушкина А.В. виновными себя в предъявленном им обвинении не признали и показали, что они никогда троцкистской деятельностью не занимались и антисоветскую агитацию не проводили.

В 1956 г. по жалобам Бабушкиной А.В. и Бабушкина В.Ф. прокуратурой области была произведена дополнительная проверка материалов дела, в ходе которой были передопрошены свидетели Тимофеев, Петровская, Мальцев, Русецкий, Корольков и Горичкина, а также вновь были допрошены свидетели Тимохин, Маслов и Синицына. Передопрошенные свидетели Тимофеев, Петровская, Корольков, Мальцев и Русецкий не подтвердили своих показаний, которые они давали на предварительном следствии, и охарактеризовали Бабушкиных только с положительной стороны.

Показания же непередопрошенных свидетелей Воскресенского, Волоховского и др. не могут быть положены в основу обвинения Бабушкиных, т.к. они относятся к фактам 1927 г. и за это они до 1935 г. не только не привлекались к уголовной ответственности, но и не исключались из рядов партии. Кроме того, показания этих свидетелей опровергаются показаниями передопрошенных свидетелей в 1956 г. Кроме того, свидетели Крошечкин и Плясов в своих показаниях об антисоветской агитации со стороны Бабушкиных фактически ничего не показали, а в показаниях свидетелей Будищева и Деданора приводятся лишь отдельные высказывания, которые носят нездоровый характер.

Свидетели же Воскресенский и Волоховский показали только то, что Бабушкин являлся членом троцкистской организации, но ни одного конкретного факта его троцкистской деятельности не привели.

Свидетель Пыщева на предварительном следствии утверждала, чтоб якобы она присутствовала на контрреволюционном сборище на квартире Бабушкиных и слышала от них антисоветские высказывания. В конце же своего допроса Пыщева сделала приписку о том, что она сборище не присутствовала, а слышала она об этом от самой Бабушкиной.

Показания свидетеля Горичкиной носят провокационный характер, о чем она подтвердила сама, будучи передопрошенной в 1956 г.

Из обзорных справок архивно-следственных дел Волоховского и Русецкого видно, что Бабушкины по этим делам не проходят. Из анализов материала дела видно, что следствие по данному делу производилось с нарушением социалистической законности. Бабушкины были арестованы без санкции прокурора, ст. 128, 129 и 206 УПК не выполнялись. Следствие по делу проведено не объективно. На очных ставках со свидетелями Будищевым и Крошечкиным Бабушкин просил истребовать целый ряд материалов, однако эта просьба была оставлена без удовлетворения. Из имеющихся в деле справок видно, что бывшие сотрудник УКГБ, принимавший участие в расследовании данного дела, Дубровский В.Г. за фальсификацию следственных материалов был уволен из органов НКВД, Скорбин Г.П. в 1939 г. отчислен за невозможностью использования его на работе и Сосновский[36] *приговором военной коллегии Верховного суда СССР в 1937 г. осужден к высшей мере наказания.*

[36] Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897–1937). До 23.01.1937 г. – заместитель начальника УНКВД Саратовского края. Расстрелян.

Как усматривается из материалов дела, Бабушкин состоял членом партии с 1914 г., принимал активное участие в революционном движении, сам происходит из семьи рабочих, выполнял ответственные работы в годы Октябрьской революции и Гражданской войны. Бабушкина также состояла членом партии с 1917 г. и вплоть до ее ареста добросовестно работала в советских и общественных организациях.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом прокурора, президиум Саратовского областного суда постановил: постановление ОСО при НКВД СССР от 11.09.1935 г. в отношении Бабушкина Виктора Федоровича и Бабушкиной Анны Васильевны отменить и дело о них на основании ст. 4 п. 5 УПК дальнейшим производством прекратить.

Виктор Бабушкин после реабилитации стал активно печататься, издавать и переиздавать книги в Саратове. Как гласили издательские аннотации, в них *«правдиво, без прикрас рассказывалось о подвигах первых борцов за советскую власть, о их трудностях, лишениях и невзгодах, связанных с этой борьбой»*. Однако, здоровье писателя, как видно из приведенных документов, было подорвано еще до ареста. Виктор Федорович умер 12 октября 1958 г.

Анна Васильевна Бабушкина дожила до преклонных лет, стала персональным пенсионером союзного значения, была награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалями. В некрологе, напечатанном в областной газете «Коммунист» 26 декабря 1980 г., группой товарищей отмечалось, что *«жизненный путь А.В. Бабушкиной долгие годы был неразрывно связан с жизнью и деятельностью одного из первых пролетарских писателей В.Ф. Бабушкина, супругой, верным другом и постоянным помощником которого она была»*.

Можно сказать, что семье Бабушкиных повезло, если рассматривать их биографии в сравнении с судьбами других саратовских писателей, осужденных за контрреволюционную деятельность. В 1935 году, за два года до Большого террора, Бабушкиным простили хранение боевого оружия. За дружбу с махровыми троцкистами дали всего по три года лагерей, в то время как их политические единомышленники были почти поголовно уничтожены. Ссылку Бабушкины отбывали в достаточно крупном областном центре, втроем, вместе с сыном, который имел возможность учиться. За доблестный труд во время войны заклейменные троцкисты получили правительственные медали. В 1954 г. произведения Виктора Бабушкина появляются в печати, он вновь становится членом Союза писателей.

Напомним, что приятель Бабушкиных поэт Виталий Волков умер сразу же после освобождения из тюрьмы «по состоянию здоровья». Арестованные в 1937 году по тем же обвинениям в антисоветской агитации писатели Валентина Мухина[37] получила 10 лет тюремного заключения, а Иосиф Кассиль[38] – расстрелян.

[37] Мухина (Петринская) Валентина Михайловна (1909–1993) – писательница. Арестована 4 октября 1937 г. Реабилитирована в 1954 году.

[38] Кассиль Иосиф Абрамович (1908–1938) – критик, прозаик. Ответственный секретарь правления Саратовского отделения Союза писателей. Расстрелян 21 января 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

Редакция журнала:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru
Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru
Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru
Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru
Алексей Слаповский (проза): slapovsky@yandex.ru

Персональный сайт журнала: http://volga-magazine.ru/
Автор сайта, модератор – **Кирилл Преображенский**: kirill.preo@gmail.com

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

Подписано в печать 18 октября 2017 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.